

Избранные материалы

Международной конференции “Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии”

8–9 сентября, 2006 г.
Бишкек, Кыргызстан

Избранные материалы

**Международной конференции
«Гуманитарная безопасность и мир
в Центральной Азии»**

8–9 сентября 2005 г.

Бишкек, Кыргызстан

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Идеи и мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат участникам Международной конференции «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии» и не обязательно являются мнениями ЮНЕСКО.

Обозначения, употребляемые в настоящем издании, не означают выражения со стороны ЮНЕСКО какого бы то ни было мнения относительно правового статуса любой страны, территории, города или района, или их властей, или относительно делимитации их границ.

Никакая часть этого издания, включая оформление обложки, не может воспроизводиться или копироваться никаким образом и никакими средствами, будь то электронными, механическими, химическими, оптическими или с использованием фотокопировальной техники, без предварительного разрешения со стороны ЮНЕСКО.

Сообщения, касающиеся этой публикации, можно направлять г-же Муфиде Гуша и/или г-же Клаудии Марезиа, секция гуманитарной безопасности, демократии и философии Сектора гуманитарных и социальных наук ЮНЕСКО, по следующему адресу:

Ms Moufida Goucha / Ms Claudia Maresia
Section of Human Security, Democracy and Philosophy
Social and Human Sciences Sector
UNESCO
1, rue Miollis
75732 Paris Cedex 15, France
Tel.: +33 – 1 45 68 45 54 / 52
Fax: +33 – 1 45 68 55 52
E-mail: peace&security@unesco.org
Web-site: <http://www.unesco.org/securipax>

Mr Tim Epkenhans
Director
OSCE Academy
1 A Botanichesky Per.
720044 Bishkek
Kyrgyzstan
Tel.: +996 312 54 23 01
Fax: +996 312 54 23 13
E-mail: info@osce-academy.net
Web-site: <http://www.osce-academy.org>

© UNESCO, 2007
OSCE Academy in Bishkek, 2007

Published in 2007
SHS/HS/2007/PI/06

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Практическое обеспечение «гуманитарной безопасности» в Центральной Азии. Пример противоречивых представлений о мире в Таджикистане ...	9
Экономическая интеграция как фактор мира и безопасности в Центральной Азии	46
Социальные последствия трансформации национальных экономик государств Центральной Азии	63
Ислам в Центральной Азии: сегодня и завтра (взгляд из Таджикистана) ...	85
Образование, терроризм и многосторонний характер отношений в Центральной Азии: проблемы и перспективы обеспечения гуманитарной безопасности	117
ПРИЛОЖЕНИЯ	159
Международная конференция «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии»	159
<i>ПРОГРАММА</i>	159
Международная конференция «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии»	163
Список участников	163
Международная конференция «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии»	168
Резюме выступлений и материалов	168

ВВЕДЕНИЕ

Др. Тим Эпкенханс, Академия ОБСЕ

В последние годы в лексику (и, следовательно, в число целей) международного сообщества вошел еще один важный термин — «гуманитарная безопасность», что потребовало во многом пересмотреть наши представления о концепции безопасности. Гуманитарная безопасность ставит на повестку дня немало новых вопросов, которые оказывают непосредственное влияние на качество жизни человека и раньше с этой точки зрения не рассматривались. Задачи удовлетворения такой потребности в более широком подходе к проблемам безопасности диктуются прежде всего реальными преобразованиями, которые происходят сегодня в мире и, как ни парадоксально, лучше всего характеризуются одним из наименее точных терминов – глобализация.

Концепция безопасности в ее традиционном понимании отсутствия или предотвращения вооруженных насильственных действий, особенно в межгосударственных отношениях, хотя, к сожалению, и не устарела, оказалась сегодня слишком узкой и не способной охватить реальный круг людских тревог. Опасности неприкрытого насилия, угрожающего человеческой жизни, сегодня включают ширококомасштабный терроризм, ужасающими примерами которого служат события в Нью-Йорке, Лондоне, Беслане и Мадриде, все большее распространение стрелкового оружия и его использование частными лицами и группами по всему миру, а также многочисленные внутрисударственные войны, обусловленные разными причинами. Еще более серьезную угрозу представляют условия существования, которые могут казаться не связанными с насилием, но тем не менее ведут к ухудшению жизни, людским страданиям и, в конечном счете, к открытым конфликтам. Сюда входят крайняя нищета, неравенство, эпидемии, ухудшение окружающей среды и частые стихийные бедствия, а также столкновение культурных и религиозных ценностей, выливающееся в сопровождаемую насилием нетерпимость. Если к этому присовокупить постоянно растущую взаимозависимость мира в целом, когда искра, вспыхнувшая в его одной части, способна вызвать взрыв

в другой, мы получим хоть какое-то представление о сложном мозаичном узоре проблем безопасности, с которыми человечество сталкивается сегодня.¹

После окончания «холодной войны» регион Центральной Азии (определяемый здесь как включающий не только пять бывших советских республик, но и Афганистан, Иран и Пакистан) стал новой мировой ареной тревог за судьбу безопасности, регионом, где могут вспыхнуть такие опасные искры. Богатые энергетические ресурсы, возможности для туризма, культурные достопримечательности, которые этот регион способен предложить внешнему миру, могли бы привлечь внимание человечества, но это внимание подчас в большей степени обращают на себя такие события, как религиозный военный экстремизм, торговля наркотиками и людьми, крайние формы проявления неравенства, экологические опасности и другие проблемы. Учитывая связанные с этим регионом опасности, грозящие как ему самому на внутренней основе, так и внешнему миру, весьма своевременным является изучение и обсуждение вопросов Центральной Азии наряду с информационно обоснованной и целенаправленной деятельностью по предотвращению и предупреждению опасностей и поощрению безопасности и развития.²

Именно в этой перспективе – противостояния угрозам и поощрения развития в Центральной Азии – на основе сотрудничества между ЮНЕСКО и Академией ОБСЕ была организована международная конференция «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии», которая прошла 8–9 сентября 2005 г. с участием видных деятелей (представителей академических кругов, экспертов, специалистов) различных направлений. В течение двух дней велась углубленная, плодотворная дискуссия.

- 1 См., например, Buzan, Barry: «New patterns of global security in the twenty-first century»; in: *International Affairs*, Vol. 67, No. 3 (July 1991), pp. 431–451 и Krause, Keith and Michael C. Williams: «Broadening the Agenda of Security Studies: Politics and Methods»; in: *Mershon International Studies Review*, Vol. 40, No. 2 (October 1996), pp. 229–254.
- 2 См., например, UNDP: *Central Asia Human Development Report. Bringing down barriers: Regional cooperation for human development and human security*; Bratislava 2005.

В настоящей публикации вниманию широкой общественности предлагаются избранные материалы, представленные на этой конференции.

Конференция не случайно была организована ЮНЕСКО и Академией ОБСЕ, отстаивающей идеалы и принципы самой ОБСЕ. Эти две организации целенаправленно занимаются вопросами укрепления международной безопасности и взаимопонимания путем выявления и развития разнообразных гуманитарных и культурных ценностей мира и поощрения диалога на основе признания и уважения разнообразия и соблюдения прав человека. Эти две организации, каждая из которых действует на своей собственной концептуальной основе, обладают широкими возможностями для выявления характерных граней термина «гуманитарная безопасность».

В дополнение к общему определению безопасности по принципу «от противного», то есть как отсутствие опасностей и насилия, гуманитарная безопасность заставляет обратить особое внимание на положительную сторону – развитие. Если слегка перефразировать выражение, автор которого – Амартья Сен, «безопасность как развитие» является понятием, отражающим суть гуманитарной безопасности. Большинство стоящих перед ней задач, включая обеспечение экономического равенства, культурного признания, физического здоровья, образования и многого другого, решается путем повышения качества жизни в целом; вряд ли какие-либо меры чисто профилактического характера способны гарантировать стабильную безопасность в этих областях.

Материалы, представленные в этой публикации, прекрасно отражают тот акцент, который гуманитарная безопасность делает на развитии. Булат Хусаинов и Серик Примбетов рассматривают экономический аспект безопасности, причем один из этих авторов обращает внимание на тревожные последствия экономических преобразований в государствах Центральной Азии, тогда как второй автор показывает потенциал региональной экономической интеграции, способный служить укрепле-

нию безопасности. Джон Хитершоу на примере Таджикистана раскрывает важную роль конкретных контекстуальных и культурных факторов для реализации гуманитарной безопасности в различных регионах. Роль образования в искоренении терроризма как угрозы гуманитарной безопасности рассматривает Уэйн Нелс. В отношении широкого спектра гуманитарной безопасности не менее репрезентативны и другие материалы, представленные в настоящей публикации.

Мир сегодня быстро меняется, и этот динамичный процесс во многом находит свое отражение в Центральной Азии как в регионе. Увы, эта преобразовательная динамика далеко не равнозначна и отнюдь не сводится только к позитивному развитию, как не равнозначны усилия, направленные на понимание этих растущих проявлений неравенства и на борьбу с ними. Эта конференция и настоящая публикация предназначены служить скромным вкладом в работу по созданию условий для равенства и развития. ЮНЕСКО, Академия ОБСЕ и авторы представленных здесь материалов надеются, что эта публикация будет представлять интерес для читателей в их работе, научной или практической, направленной на понимание столь многообразных опасностей, грозящих качеству жизни человека в Центральной Азии и в мире, и на то, чтобы эта жизнь стала лучше.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ «ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ПРИМЕР ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Джон Хитершоу, Лондонская школа экономики,
j.d.heathershaw@lse.ac.uk

Введение

Определить понятие гуманитарной безопасности трудно. Действительно, вопрос о том, что такое гуманитарная безопасность, неотделим от вопроса о том, каким образом «гуманитарная безопасность» обеспечивается практически. Это – «блуждающее понятие», которое приобретает новое значение там, где оно появляется – в Центральной Азии или где-то еще. Из этого утверждения прежде всего вытекает заключение о том, что поиски основополагающего определения понятия «гуманитарная безопасность» могут оказаться тщетными и, по крайней мере, иметь меньшее значение, чем то, какими разными и непоследовательными путями практически обеспечиваются мир и безопасность в данном регионе. Этот вопрос приобретает особое значение, когда приходишь к выводу, что трансформирование такой практической деятельности является предметом самой идеи безопасности людей. Пример постконфликтного Таджикистана показывает, что в настоящее время практикуются следующие три четкие и взаимозависимые подхода: международный, государственный и общественный. Если международные акции, осуществляемые во имя обеспечения прав человека, безопасности и благополучия в Центральной Азии, не способны решить и изменить практические проблемы государственной и общественной жизни, они останутся «неубедительным упрощением» реальности в этом регионе.³ Акции международного сообщества должны быть направлены на установление конструктивных и двусторонних взаимосвязей (как аналитических/эмпатических, так и нормативных/предпи-

---

3 James C. Scott, *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, Yale University Press, 1998.

сывающих), с тем, чтобы понять, чего можно разумно достичь в обеспечении «гуманитарной безопасности».

Понятие «гуманитарная безопасность» породило множество толкований. Хотя «основной целью является защита каждого человека», признано, что «консенсус нарушается, когда речь заходит о том, от каких именно угроз должны оберегаться люди».⁴ Хэмпсон обозначил следующие три этапа развития этого понятия: концепция, основанная на правах человека и «обусловленная соблюдением законности»; «гуманитарная концепция» гуманитарной безопасности, в соответствии с которой «безопасность людей» ... является первостепенной целью; и концепция, основанная на «устойчивом развитии человеческого общества».⁵ Одна широта исследований всех этих концепций еще больше усложняет задачу аналитика, изучающего политику и практику осуществления этой деятельности. Требуется пересмотреть подходы. Один из них предусматривает рационализацию этого понятия, сделав его более узким, после чего оно может быть широко принято международной общественностью. Некоторые попытки двигаться в этом направлении уже предприняты.⁶ Однако такой подход связан с рисками, часто сопряженными с тем, что единичные рациональные схемы могут столкнуться с разными эмпирическими реальностями. Более плодотворной альтернативой является расширение нашего понимания понятия «гуманитарная безопасность» путем рассмотрения практической деятельности по ее обеспечению в различных условиях.

Для этого необходимо сделать два шага, оба из которых расширяют пространство как ключевую значимую переменную. Во-первых, «гуманитарная безопасность» должна рассматриваться с учетом слишком идеологизированных понятий развития и способов разрешения конфликтов в международном контексте.

---

4 Стр. viii предварительной версии «Доклада о гуманитарной безопасности 2005 г.»; материал размещен на сайте www.humansecurityreport.info/; доступ осуществлен 9 ноября 2005 г.

5 Fen Osler Hampson, *Madness in the Multitude: Human Security and World Disorder*, Oxford University Press, 2002, pp. 17–18.

6 См. там же.

Здесь уместно рассмотреть генеалогию понятия «гуманитарная безопасность», т.е. возникновение всех разнообразных мнений, предшествовавших его появлению и сопутствовавших его обсуждению – от прав человека до развития человеческого общества. Одним из них является мнение, высказываемое по поводу связанного с этим понятия «миростроительство». В первом Докладе о гуманитарной безопасности 2005 г. утверждается, что международное сообщество содействовало улучшению положения в области обеспечения гуманитарной безопасности (в частности, в сфере предотвращения конфликтов и миростроительства). Далее в нем говорится:

«В этот период ни одна программа построения мира или предотвращения конфликтов сама по себе не оказала большого влияния на обеспечение глобальной безопасности. Но их совокупный эффект был глубоким».⁷

Рассмотрение понятия «гуманитарной безопасности» одновременно с такими изменчивыми родственными представлениями сразу же определяет как ее либерально–демократические постулаты, так и ее место в системе университетов, институтов по изучению проблем мира и учреждений по разработке политики в западном мире. Вышеуказанное утверждение спорно, поэтому хотя авторы и могут активно выступать с либеральных интернационалистских позиций⁸ в поддержку корреляции на глобальном уровне, необходимо все же оценить вклад «миростроительства» и «гуманитарной безопасности» в различных областях. Таким образом, во–вторых, любая всеобъемлющая трактовка понятия «гуманитарная безопасность» в определенном контексте требует учета разных реальных аспектов, а также разных мнений, высказываемых в других контекстах. В данном случае различия в научных и политически мотивированных

---

7 Стр. 9 предварительного «Доклада о гуманитарной безопасности 2005 г.»; материал размещен на сайте www.humansecurityreport.info/; доступ осуществлен 9 ноября 2005 г.

8 For a critique of peacebuilding's ideology of liberal internationalism see Roland Paris, 'Peacebuilding and the limits of liberal internationalism', *International Security*, Vol. 22, No. 2, 1997, pp. 54–89.

представлениях о «гуманитарной безопасности», «мире» и «развитии человеческого общества» могут оказаться менее значимыми, чем различия между международным и местными контекстами. В нашем случае необходимо рассмотреть идеологии и формы самобытности Центральной Азии.

При этом можно выйти за общие рамки понятия «миростроительство» и указать еще на два подхода к проблеме мира в постсоветском Таджикистане. Миростроительство (русский перевод английского «peace-building») как идеология насаждения мира (соперничество, сдерживание и ликвидация) имеет особую значимость для политических элит бывшего Советского Союза. Точно также Tinji (по-таджикски: «спокойствие/миролюбие») как идеология предотвращения конфликтов и нахождения компромиссов имеет реальную значимость для народа, который борется за выживание после конфликта. Именно это определяет границы распространения понятия Миростроительства в Таджикистане, а также объясняет, почему Миростроителям часто не удается осуществить на практике то, что они проповедают. Более полезные анализы конфликтов и миропорядка в целом следует проводить с учетом взаимосвязи этих понятий, а не в свете какой-то определенной идеологической перспективы. Взаимодействие этих двух понятий означает, что постконфликтный Таджикистан продвигается не в сторону демократии, нового авторитарного порядка или аполитичного общества, а в сторону общества, сочетающего элементы и того, и другого, и третьего. Даже в условиях такого странного гибрида международные участники время от времени находят области, в которых добиваются реального улучшения благосостояния людей.

В первом разделе настоящей работы обсуждается идея Миростроительства и определяется неолиберальный контекст в период после окончания «холодной войны», в условиях которого появилась идея урегулирования конфликтов как процесс демократизации. Во втором разделе рассматривается пример Таджикистана и показывается, каким образом ему не удастся соблюдать аналитические рамки и нормативные принципы Ми-

роостроительства. На основе исследований на местах, проведенных в 2005 г., в работе далее рассматриваются альтернативные аналитические и нормативные модели, которые можно найти в случае Таджикистана. В третьем разделе дается краткое описание идеи миростроительства — регионализированной идеи, возникшей на идеологической основе бывших советских республик и представленной такими понятиями, как авторитет и стабильность. В четвертом разделе рассматривается локализованное практическое понятие (или «этос») «tinji» — идея гармонии, с помощью которой предпринимаются попытки деполитизировать социальную обстановку в Таджикистане и предотвратить или урегулировать дальнейшие конфликты. Работа заканчивается словами предупреждения в адрес идеалистов и идеологов «гуманитарной безопасности».

---

1 Миростроительство и международное сообщество: трансформация конфликтов

Идея миростроительства в международном сообществе: возникновение и контекст

В соответствии с надеждами Джорджа У. Буша на установление «нового мирового порядка» и стремлением Бутроса Бутроса Гали повысить роль Организации Объединенных Наций идея Миростроительства получила дальнейшее развитие и была впервые изложена в Повестке дня для мира, выдвинутой Гали в 1992 г. Уже много написано об оптимизме, вызванном окончанием «холодной войны», и об общепризнанных позитивных результатах этого, таких как подписание соглашений об ограничении и сокращении вооружений, воссоединение Германии, приход к власти демократических правительств во многих странах Центральной и Восточной Европы и в бывшем Советском Союзе, а также прекращение политики апартеида в Южной Африке. Кроме того, санкционированная в 1991 г. Советом Безопасности ООН война с Ираком, казалось бы, должна была привести к наступлению, впервые в истории, новой эры компромиссов между членами действительно глобального «международного сообщества».

Исходя из особого, идеологически мотивированного прочтения этих событий, оптимизм, получивший широкое распространение в период после окончания «холодной войны», стал определяющей силой, приведшей к появлению понятия миростроительства. В своем предисловии к Повестке дня для мира Бутрос–Гали говорил, что появилась «возможность достичь великих целей Устава [ООН] — создать Организацию Объединенных Наций, способную поддерживать международный мир и безопасность». Вскоре появились новые высказывания, которые вселяли надежду на практическое выражение этих вновь обретенных энтузиазма и оптимизма. Наряду с понятиями «превентивная дипломатия», «миротворчество», «построение мира» и «принуждение к миру» появилось понятие «постконфликтного миростроительства». Оно включало в себя:

Действия по определению и поддержке структур, которые будут стремиться укреплять и упрочивать мир во избежание возникновения конфликтов.

Генеральный секретарь ООН предложил широкий круг задач «постконфликтного миростроительства», включая «разоружение некогда враждовавших сторон и восстановление порядка, охрану и возможное уничтожение оружия, репатриацию беженцев, консультативную и учебную поддержку персонала служб безопасности, мониторинг выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственных институтов и содействие формальным и неформальным процессам участия в политической жизни».⁹

С самого начала Миростроительство получило новое толкование в процессе своего применения в зонах военных действий во всем мире. Идея Миростроительства была широко использована в ходе многих операций ООН по поддержанию мира в первые годы после окончания «холодной войны». Несмотря на беспрецедентно широкие полномочия при проведении таких операций и возлагавшиеся на них надежды, большие трудности возникли

9 Boutros Boutros–Ghali, *An Agenda for Peace*, New York, United Nations, 1992.

в самых разных странах, таких как Босния, Камбоджа и Руанда. Однако Сомали стала, пожалуй, самым наглядным примером неудачного выполнения новой повестки дня. Структуры, осуществлявшие Операцию Организации Объединенных Наций в Сомали (ЮНОСОМ), в 1992 г. получили пересмотренный и расширенный круг полномочий, включавший, среди прочего, Миростроительство, амбициозно определенное как «создание государства Сомали на основе демократического правления». Однако очень скоро безопасность стала главной проблемой этой миссии. В соответствии с Операцией «Возрождение надежды» выполнение задачи по принуждению к миру было возложено на Объединенную оперативную группировку (ЮНИТАФ) под командованием США. Вскоре была определена первоочередная задача – подавить военачальников, в частности Мохамеда Фараха Айдида. После того как в результате военной операции против Айдида в 1993 г. было убито 18 американских солдат и неизвестное число сомалийских повстанцев, Администрация Клинтона отступила и Президентской директивой № 25 ввела строгие ограничения на подобную военную интервенцию. Это привело к отказу Соединенных Штатов Америки от роли гаранта безопасности и в конечном итоге к завершению операции ЮНОСОМ II.

Выдвигались самые разные объяснения трудностей, с которыми столкнулась ООН. Одни исследователи, как, например, Вирджиния Лалинг, считали, что ЮНОСОМ столкнулась с проблемой управления и тактики, отмечая, что «вечная неразбериха, разбазаривание средств и бессмысленное кровопролитие привели к тому, что многие сомалийцы, приветствовавшие в начале этих солдат как спасителей, стали считать их захватчиками».¹⁰ Другие исследователи, такие как Исмаил Ахмета и Реджинальд Хербоулд–Грин, утверждали, что проблемы были скорее стратегическими, отмечая, что ООН недостаточно гибко реагировала на динамику развития местных событий. Они говорили, что «главные тезисы миротворческой операции под эгидой ООН принципиально отличались от местных методов миротворчес-

---

10 Virginia Luling, 'Come back Somalia? Questioning a collapsed state', *Third World Quarterly*, Vol. 18, No. 2, 1997, p. 287.

тва, применяемых в северной части Сомали».¹¹ Вскоре многие аспекты принуждения к миру по новой повестке дня были пересмотрены. Отсутствие в ней принципа суверенного согласия, отход от принципов минимального и ограниченного использования силы и несоблюдение принципа нейтралитета могли рассматриваться как явления, принципиально противоречащие государственнической основе международного сообщества. Явно возвращаясь к минималистской практике миростроительства, в своем дополнении к Повестке дня для мира в 1995 г. Бутрос-Гали подтвердил, что «уважение основополагающих принципов суверенитета и целостности [государства] имеет важнейшее значение для любого общего международного прогресса». Организация Объединенных Наций, говорил он, не может «навязывать новую политическую структуру или новые институты государства. Она может лишь содействовать тому, чтобы враждующие группы сами помогли себе и стали снова жить вместе». Миростроительство требует «более глубокой приверженности принципам сотрудничества на действительно многосторонней основе, чем та приверженность, которая когда бы то ни было демонстрировалась человечеством». Однако, подчеркнул он, «уже достигнутый прогресс не дает повода для отчаяния или пессимизма», наоборот, он вселяет в «международное сообщество» еще большую «уверенность и оптимизм».¹²

Миростроительство как способ урегулирования конфликтов

В действительности развивалась альтернативная и более долговременная позиция, сторонники которой утверждали, что необходимо не меньшее, а большее вмешательство. Неудачи в Сомали и других странах, как это ни странно, подкрепили аргументацию максималистов Миростроительства, утверждавших,

11 Ismail Ahmed and Reginald Herbold-Green, 'The heritage of war and state collapse in Somalia and Somaliland: local-level effects, external interventions and reconstruction', *Third World Quarterly*, Vol. 20, No. 1, 1999, p. 24.

12 Boutros Boutros-Ghali, *Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations*, 3 January 1995, A/50/60 – S/1995/1, paras 14, 103, 105 (<http://www.un.org/Docs/SG/agsupp.html>)

что необходимо нечто более всеобъемлющее, которое, однако, не требовало бы использования международным сообществом большого объема людских и материальных ресурсов. Они оправдывали – если не эмпирически, то рационально, – разработку целостной и масштабной стратегии. Повестка дня для постконфликтного миростроительства была формализована как Стандартная оперативная процедура (СОП) ООН (в соответствии с обычной практикой этой организации) в качестве основного легитимизирующего инструмента для целого ряда форм экономического, политического и военного вмешательства по всему миру. Кроме того, в конце 1990–х гг. Совет НАТО по установлению мира в Боснии все в большей степени стал брать на себя исключительную ответственность, в то время как переходные органы управления в Косово и Восточном Тиморе становились временными правительствами. ООН все настойчивее призвалась играть роль организации, занимающейся «национальным строительством», или максималистскую роль. В Докладе Брахими за 2000 г. предпринимается попытка несколько сумбурно обозначить эту спорную новую роль, используя понятие независимого поддержания мира и миростроительства. Соответственно, было сказано, что «лишь сила может поддерживать мир и создавать пространство, в котором он должен строиться». Стратегически это могло потребовать осуществления «проектов с быстрой отдачей», особенно в областях реформирования сектора безопасности и обеспечения законности/защиты прав человека. Большая часть доклада посвящена приоритетным задачам внутренней реформы ООН, которая дала бы ей возможность решить такую гигантскую задачу.¹³

Максималистские концепции миростроительства, как национального строительства, получили дальнейшее подтверждение после ударов 11 сентября по Соединенным Штатам Америки. Как чрезвычайно политизированная концепция она все больше перекрывалась громогласными заявлениями лиц, формулировавших политику, и еще чаще получала противоречивое прак-

---

13 'The Brahimi Report', The Report of the Panel on United Nations Peace Operations, 2000; материал размещен на сайте <http://www.un.org/peace/reports/peace-operations/>; доступ осуществлен 14 июня 2004 г.

тическое воплощение в контексте широкомасштабных военных операций, которые осуществлялись в Косово, Афганистане или Ираке. Как таковая эта концепция получила амбициозную интерпретацию идеи «национального строительства наряду с миростроительством», направленной на то, чтобы «соткать новую ткань национального общества и создать беспрецедентные новые формы управления». ¹⁴ Такой подход ставит под вопрос принцип невмешательства во внутренние дела и подразумевает новый, более высокий статус проблемы защиты прав человека в мировой политике. Это дает Беку возможность назвать миссию в Косово «милитаристским гуманизмом». ¹⁵ Ирония, заключающаяся в том, что война осуществляется во имя построения мира, судя по всему, игнорируется Миростроителями/строителями нации, которые действуют, исходя из политических императивов миропорядка, легализуя при этом свои действия заявлениями о том, что «этические» цели оправдывают случайные средства.

В условиях противоборства различных идей и представлений теория Миростроительства лишь начала развиваться на основе спонтанных моделей или всеохватывающих теорий. Однако в растущем объеме литературы и все более богатом опыте в этой области просматривается идеологическое предпочтение либеральной демократии. Как было отмечено в Париже, Миростроительство руководствуется доктриной либерального интернационализма, «переноса западные модели социальной, политической и экономической организации в разрушенные войной государства». ¹⁶ Это проявляется в международной политической идее строительства мира, когда это понятие представляется с позиции «другой альтернативы нет». С учетом либеральных

---

14 Michael Lund, 'What kind of peace is being built? Taking stock of post-conflict peacebuilding and charting future directions', a paper prepared for International Development Research Centre, Ottawa, Canada, January 2003, pp. 13–14.

15 Славой Жижек цитирует Бека в связи с утверждением Вацлава Гавела о том, что военное нападение НАТО на Югославию и интервенция в Косово «ставят права человека выше прав государства». Žižek, Slavoj, *The Fragile Absolute*, London: Verso, 2000, pp.56–57.

16 Paris, Roland, 'Peacebuilding and the Limits of Liberal Internationalism', *International Security*, 22, 2, (1997), pp.54–89.

императивов международного сообщества оно предлагает обещание демократизации в понимании Евой Бертрам миростроительной деятельности Организации Объединенных Наций.

Призванное устранять коренные причины конфликтов, миростроительство предусматривает создание политических условий для обеспечения прочного демократического мира, как правило, в странах, которые уже давно разделены социальными распрями, а не поддержание мира или принуждение к нему между различными враждующими государствами или вооруженными сторонами.¹⁷

Этот краткий обзор явно показывает, что результаты Миростроительства, как аналитического инструмента, в лучшем случае неоднородны. Даже в рамках собственной логики сочетание государственного строительства с либерализацией как экономики, так и политической системы не подтверждается многими эмпирическими сведениями и не имеет теоретической основы. В этом смысле, как ни странно, Миростроительство, как и многие теории решения проблем, должно признаваться экспрессивным и нормативным, иными словами, «способом отстаивать и защищать определенные идеалы».¹⁸ Эти идеалы исходят от изначально демократических, либеральных западных государств, которые занимают доминирующее положение в международном сообществе и представляют собой компромисс между их культурами и долгосрочными политическими императивами. Проведение исследований на местах в регионах ясно показывает, что реальные конфликты неизбежно не соответствуют этой модели. Рассмотрение примера постсоветского Таджикистана наглядно иллюстрирует эту точку зрения.

---

17 Eva Bertram, 'Reinventing governments: the promises and perils of United Nations peace building', *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 39, No. 3, 1995, p. 388.

18 Lund, *op.cit.*, p.22.

---

2. Странный случай Таджикистана

Война и мир в Таджикистане

В 1992 г. Таджикистан пережил несколько месяцев ожесточенной гражданской войны. Хотя большинство вооруженных столкновений прекратилось к 1993 г., мирное соглашение не было подписано до 1997 г. и серьезные столкновения на политической почве эпизодически продолжались до 2001 г. Война и ее последствия заняли доминирующее положение в короткой истории Таджикистана. Происходила «кулябизация» Таджикистана,¹⁹ когда руководящие кадры из южной Кулябской области (которые предоставили войска, вновь вернувшие правительство к власти в 1993 г.) стали занимать большинство ключевых постов в правительстве, несмотря на механизм разделения властей, предусмотренный Генеральным соглашением. Эта тенденция, судя по всему, была подтверждена переизбранием Эмомали Рахмонова в ходе нечестных президентских выборов 1999 г. Однако Таджикистан избежал фрагментации вдоль региональных границ и сползания в еще более серьезный конфликт. Правительство, оппозиция и международные заинтересованные стороны часто действовали сообща, чтобы успешно восстановить безопасность в стране и приступить к восстановлению экономики. Референдум 2003 г. по изменению Конституции прошел мирно, несмотря на то, что он проводился без международного мониторинга и в условиях протеста со стороны большинства оппозиции и дал Президенту Рахмонову возможность остаться на посту еще два срока. В 2005 г. международные наблюдатели пришли к заключению, что выборы в Таджикистане не соответствовали международным стандартам и сопровождалась «масштабными нарушениями», причем международное сообщество в Таджикистане почти единодушно считало, что эти выборы были хуже предыдущих выборов 2000 г.²⁰ Как таковой Таджикистан представляет уникальный случай пе-

---

19 Shirin Akiner, *Tajikistan: Disintegration or Reconciliation?*, London, Royal Institute of International Affairs, 2001.

20 OSCE/ODIHR, *Republic of Tajikistan Parliamentary Elections*, 27 February and 13 March 2005, OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report, Warsaw, 31 May 2005.

рехода от войны к миру, в связи с чем напрашивается вопрос: на чем основан мир в Таджикистане?

В недавнем докладе Международной кризисной группы (МКГ) утверждалось, что международное сообщество пассивно наблюдало за тем, как правительство Таджикистана концентрировало власть в своих руках и отодвигало на второй план своих политических соперников. «Тихая дипломатия имеет свои достоинства», говорилось в докладе, «однако игнорирование проблем политического развития Таджикистана может подорвать саму стабильность, которую призвано защищать международное сообщество».²¹ Судя по всему, МКГ сочла, что консервативный или постепенный (а не более радикальный и либеральный) процесс урегулирования конфликта позволил превратить процесс легитимного урегулирования во все более нелегитимный и совершенно недемократический процесс институционального строительства. Такая критика затрагивает существо дилемм, с которыми столкнулись международные участники процесса построения мира со своими либеральными мандатами. Идея о том, что действующая либерально-демократическая система может быть перенесена в контекст, не имеющий определенных институциональных и идеологических прецедентов, возможно, является ошибочной — в Таджикистане или другой стране. Тем не менее, возникает вопрос: какое воздействие оказала идея «Миростроительства» на Таджикистан?

«Миростроительство» в Таджикистане

В большей части как официальных, так и научных международных анализов политики Таджикистана и самого общества утверждается, что демократизация и постконфликтное миростроительство — это неразделимые процессы. Большинство исследовательских и практических материалов по строительству мира характеризуется дихотомией, когда опасности дальнейшего развития конфликта можно избежать лишь благодаря обещанию демократизации. В этом смысле Миростроительство

²¹ International Crisis Group, 'Tajikistan's Politics: Confrontation or Consolidation?', Asia Briefing, 19 May 2004, p.19.

представляется игрой «кому повезет», в которой политические лидеры и их граждане (иногда вместе) стоят у развилки, где необходимо выбрать один из двух расходящихся путей, и этот выбор в конечном счете должен быть сделан.

Широкое международное обсуждение проблемы Таджикистана сознательно отражает позитивный аспект строительства мира. Было создано Отделение ООН по поддержанию миростроительства в Таджикистане (ЮНТОП), чтобы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН «укреплять мир и содействовать демократии».²² Представитель Генерального секретаря ООН в Таджикистане Владимир Сотиров, возглавляющий ЮНТОП, отметил в 2002 г., что «в руководстве страны имеются желание и воля ввести демократические принципы правления и развития в обществе, чтобы построить жизнеспособное гражданское общество». Далее он указал:

«Пока что я удовлетворен развитием демократии в этой стране. Я считаю, что если она будет и дальше развиваться в том же направлении, очень быстро она превратится в плюралистическую демократию. Однако предстоит преодолеть множество трудностей, особенно в области дальнейшего разделения властей, средств массовой коммуникации, содействия и защите прав человека, тем самым содействуя развитию гражданского общества, реформируя силовые структуры и продолжая развивать дух терпимости и диалога в обществе».²³

В марте 2004 г. посол США в Таджикистане Ричард Хогленд отметил, что он «испытывает оптимизм по поводу развития демократии в Таджикистане» и что «в первую очередь это происходит потому, что правительство избрало демократический

---

22 UN Security Council, Press Release SC/6860 4141st Meeting (Night) 12 May 2000; материал находится на сайте <http://www.un.org/News/Press/docs/2000/20000512.sc6860.doc.html>; доступ осуществлен 22 мая 2004 г.

23 'TAJIKISTAN: Interview with UN Secretary-General's representative', 27 Nov 2002, (IRIN); материал размещен на сайте www.irinnews.org; доступ осуществлен 22 мая 2004 г.

путь развития».²⁴ Хотя такие высказывания могут отвергаться некоторыми исследователями как риторические, они основываются на аксиомах Миростроительства, касающихся устойчивого развития государства в период после конфликта. Кроме того, стертая граница между усилиями политических и научных аналитиков означает, что обещанные ожидания Миростроительства являются ключевым элементом многих академических анализов войны в Таджикистане. Такие ожидания способствовали значительному международному финансированию деятельности по ключевым аспектам Миростроительства, включая децентрализацию и самоуправление местных общин, развитие системы политических партий и проведение свободных и честных выборов, а также реформирование системы безопасности.

«Миростроительство» против Мира: оценка

Вполне возможно и потенциально поучительно провести институциональный анализ практических методов (учреждений), применяемых в ходе строительства мира в Таджикистане. С учетом ограниченных рамок настоящей работы общий обзор институционального воздействия Миростроительства будет осуществлен на основе его собственных требований. Исходя из идеологических предпочтений в литературе по Миростроительству часто проводится различие между динамикой развития взглядов «низов» и «верхов», касающихся, соответственно, понятий «гражданское общество» и «эффективное управление».

Количественный рост НПО не равнозначен качественному улучшению гражданского общества и сам по себе может означать лишь последнее увлечение западных доноров. Есть ли связь между увеличением количества НПО и Миростроительством и является ли такая связь просто идеологически привлекательной? Какую

---

24 Следует отметить, что по таким вопросам, как притеснение средств информации и законы о выборах, Хогленд критиковал правительство. См.: 'US envoy calls for changes to Tajik laws on election, media,' Asia-Plus news agency, Dushanbe, русский перевод предоставлен в 08:30 по Гринвичу 3 марта 2004 г., см. <http://www.eurasianet.org/resource/tajikistan/hypermail/news/0021.shtml>.

роль в действительности играют эти организации в обществе? Аббас отмечает, что обсуждение проблемы построения гражданского общества в Таджикистане в основном проводится и навязывается элитой, которая уделяет мало внимания «личностному и социальному опыту граждан посткоммунистических стран, а также тому, каким образом этот опыт сформировал сегодня подходы людей к проблемам общества и политики».²⁵ Таким образом, «образ слабого посткоммунистического гражданского общества скорее всего сохранится и в будущем».²⁶ Проведенное автором собственное исследование в 2003 г. выявило нежелание части подавляющего большинства НПО участвовать в деятельности, которая могла бы считаться «слишком политизированной».²⁷ Что касается стрелкового и легкого оружия, то некоторые представители в Душанбе считают, что деятельность в этой области может рассматриваться как «оппозиционная» правительству.²⁸ Такая мрачная картина в большей или меньшей степени повторяется во всех странах Центральной Азии. Многие НПО занимаются вопросами образования и равноправия женщин, поскольку эти вопросы менее политизированы. Часто это небольшие организации, которые имеют ограниченные ресурсы и неэффективное управление и которые оказывают «очень ограниченное» или «недостаточное» воздействие на урегулирование конфликтов.²⁹ Кроме того, Лью и Мегоран отмечают, среди прочего, что «гражданское общество» в Центральной Азии выражает местные и международные силовые отношения.³⁰ Лью говорит, что модель «ДОНГО» (Неправительственная организация стран–доноров) в принципе

25 Najam Abbas, 'Dimensions and dynamics of Tajikistan's civil society discourse', paper presented to the 5th CESS Annual Conference, Indiana University, Bloomington, 14–17 October 2004, p. 6.

26 Там же.

27 См.: John Heathershaw, Emil Juraev, Michael von Tangen–Page, & Lada Zimina, 'Small Arms in Central Asia', Eurasia Studies Series, (International Alert; 2004); материал размещен на сайте http://www.international-alert.org/pdf/pubsec/MISAC_eurasia_4.pdf.

28 Интервью с Кэтлин Самюэльс, Международная кризисная группа, Душанбе, 10 июня 2003 г.

29 Akiner, op. cit., 2001, p. 58.

30 Morgan Y. Liu, 'Detours from utopia on the Silk Road: ethical dilemmas of neoliberal triumphalism', *Central Eurasian Studies Review*, Vol. 2, No. 2, Spring 2003; Nick Megoran, 'Preventing conflict by building civil

свертывает свою деятельность до проведения реформ на микроуровне и ее работа в сущности может быть сорвана местной клиентурой. Поэтому «попытки поощрить инициативу на низовом уровне могут завершиться укреплением таких нелиберальных институтов, как патриархия и система отношений между патронами и клиентами».³¹

Роль политической элиты в процессах управления «сверху вниз» значительно отличается от нелиберального понятия «эффективное управление». Хотя правительство сознательно внедряет язык демократии в свою правовую систему и публичные заявления, это не сдерживается ни демократическими механизмами, ни плюралистической политической культурой. Рахмонов и его сторонники занимают доминирующее положение в парламенте и во всех институтах государства. Олимова и Боуер проводят параллель с другими странами Центральной Азии. Управление в Таджикистане характеризуется «чрезмерной персонификацией власти», что означает сосредоточение власти в руках элиты, которая в каком-то смысле подотчетна горизонтально, но игнорирует «интересы электората, поддерживающая ситуацию постоянного кризиса». Соответственно, функционирование системы «подвержено клановому влиянию и коррупции»³², а закон соблюдается «слабо». Издержками демократии они называют следующие явления:

- Гипертрофированные полномочия исполнительной власти;
- Ускоренный рост бюрократии;
- Слабая роль парламента в процессе принятия решений;
- Недостаточный юридический надзор;
- Чрезмерная фрагментация среди политической, предпринимательской, бюрократической и военной элиты по этническому и региональному признаку;
- Столкновение государственных и частных интересов;

---

society: post-development theory and a Central Asian – UK policy success story', *Central Asian Survey*, Vol. 24, No. 1, March 2005.

31 Liu, op. cit, pp. 3–4.

32 Saodat Olimova and Anthony Bowyer, *Political Parties in Tajikistan*, International Foundation for Electoral Systems, November 2002, pp. 3–4.

- Коррупция во всех структурах и на всех уровнях управления³³.

В этих условиях, говорит Шоберлайн, ощущается заметное движение против демократизации. По его словам, «по мере того, как Рахмонов укрепляет собственную власть, он и его сторонники стремятся сократить масштабы плюрализма».³⁴ Несмотря на это, внутри системы есть место для компромисса, и поэтому представляется неправильным называть Таджикистан страной с полностью авторитарной системой правления. По словам Акинера, «существующая тенденция направлена на полуинституционализацию борьбы за власть между различными отдельными лицами и/или заинтересованными, экономическими, региональными и политическими группами».³⁵

Главный довод настоящей работы состоит в том, что успех Таджикистана в деле предотвращения дальнейшей войны – это нечто большее, чем историческая аномалия или временная передышка, и что отсутствие прогресса в области демократизации – это нечто большее, чем простое нетерпение, поскольку такой прогресс неизбежно осуществляется в течение длительного времени. Несмотря на заверения в своей приверженности этой идее, Таджикистан как страна, представляющая особый случай Миростроительства, отказывается руководствоваться дихотомией «опасность/обещание». Более того, его непоследовательная и институциональная практическая деятельность является *Парадоксом Миростроительства*.³⁶ Возникает вопрос: почему процесс Миростроительства протекает столь необычно? Почему представления Таджикистана о характере разрешения конфликтов столь неприменимы в условиях постсо-

---

33 Там же, р. 4

34 John Schoeberlein, 'Regional introduction: a host of preventable conflicts', in Monique Mekenkamp, Paul van Tongeren and Hans van de Veen (eds), *Searching for Peace in Europe and Eurasia: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities*, Boulder, Colo., Lynne Rienner Publishers, 2002, pp. 66–75.

35 Akiner, op. cit., 2001, p. 88.

36 See John Heathershaw, 'The paradox of peacebuilding: peril, promise and small arms in Tajikistan', in *Central Asian Survey*, Vol. 24, No. 1, March 2005.

ветских Центрально–Азиатских стран? Проведенный выше анализ указывает на то, что с институциональной точки зрения деятельность по строительству мира в Таджикистане осуществляется совсем не так, как это предусматривалось моделью Миростроительства. Однако в данной работе признается, что институциональный анализ сам по себе является неполным без учета нормативных аспектов практической деятельности. Нижеследующий раздел посвящен рассмотрению региональных или культурных альтернатив Миростроительству. Какая практическая идеология лежит в основе мира в Таджикистане?

Большинство таджиков понимает постконфликтный период совершенно не так, как это представляется в соответствии с неолиберальной идеей Миростроительства. На региональном и местном уровнях все слышнее становятся голоса людей, которые отрицают наличие конфликта и легитимизируют патриархат и отношения «клиент–патрон». В ходе своих исследований автор пришел к необходимости изучения двух взаимосвязанных, но совершенно разных подходов к построению мира в Таджикистане, которые имеют чрезвычайно важное значение для сохранения «более широкого интересубъективного контекста» мира в этой стране. Первое понятие, которое я назвал миростроительство, представляет распространенный не только в Таджикистане, но и по всей территории бывшего Советского Союза подход официальных представителей государства к урегулированию конфликтов. Если этот подход подсознательно носит политический характер и предусматривает совершенно иные условия правления, то второй подход, который будет более подробно рассмотрен ниже в настоящей работе, носит, по–видимому, «аполитический» характер. В соответствии с распространенным в Таджикистане понятием *tinji* (спокойствие/миролюбие) понятие миростроительство воспринимается как политически окрашенное и эта политическая окрашенность (соревновательный процесс силовой политики) рассматривается как важный источник конфликта. Поэтому сторонники понятия *tinji* стараются уходить от политики и не ожидают, что их мнения будут как–то представлены или что их права человека будут защищены.

---

3. Миростроительство в бывшем Советском Союзе: принуждение к миру

Постсоветское Миростроительство: возникновение и контекст

Широко известно, что российская концепция поддержания мира противоречит обычным представлениям о беспристрастном поддержании мира третьими сторонами в ограниченных масштабах и в течение ограниченного срока. Интерпретация и контекстуализация «Миротворчества» в русскоязычных регионах бывшего Советского Союза связаны с идеологизированным постсоветским пространством. Перевод решений Совета Безопасности ООН и международных доктрин построения и поддержания мира на русский язык свидетельствует о том, что в процессе перевода утрачивается нечто большее, чем смысл английского оригинала. Хотя российская доктрина заимствует многое из языка документов ООН, ее практическая интерпретация как в Москве, так и на местах мало похожа на либеральные идеалы «международного сообщества». Действительно, русский термин «миротворчество», означающий буквально «творение» или «создание» мира и используемый при переводе английского термина «peacekeeping», подразумевает подход, применяемый с гораздо большим вмешательством по сравнению с тем, который санкционируется большинством мандатов ООН на проведение операций по поддержанию мира. Это скорее не технический аспект перевода, а проблема «блуждающего понятия», которое приобретает новое значение в разных политических ситуациях. Таким образом, в отличие от либеральных понятий построения мира путем демократизации и социально-экономического развития оно стало представлять собой явно российский и явно авторитарный подход к проблеме урегулирования конфликтов. Кроме того, оно вновь возвращает интересы государства и отрицает индивидуалистские концепции «гуманитарной безопасности». Это воскрешает в памяти высказанное представителями Копенгагенской школы мнение о том, что государство сохраняет свои характерные черты как главный объект обеспечения безопасности. «Даже когда нашей первой заботой является

обеспечение безопасности людей», считает Соренсен, «при анализе значительное внимание следует уделять государствам, поскольку они представляют собой единую и наиболее важную макроструктуру, сопряженную с последствиями для безопасности человека».³⁷

Тревор Уотерс, например, считает, что в Молдове деятельность России по поддержанию мира представляла собой «инструмент одностороннего вмешательства в сепаратистский конфликт во имя неоимперских интересов Москвы».³⁸ Кроме того, Уотерс пишет, что поддержание мира Россией «помогло приднестровским сепаратистам нарастить вооруженные силы и укрепить незаконные государственные структуры»,³⁹ несмотря на широкую международную оппозицию. В Грузии поведение личного состава некоторых бывших советских гарнизонов имело важное значение для дальнейшего развития конфликта. При этом следует отметить инстинктивную враждебность российских командиров по отношению к националистическим силам, что привело к значительной поддержке сепаратистских сил, в частности в Абхазии.⁴⁰ Многие аналитики, такие как Маккинли и Шоу, проявляют осторожность в проведении четкого разграничения между стратегическими целями Москвы, пережившей серьезные потрясения в 1990-х гг., и локальной тактикой российских войск, отмечая, что многое зависит от ориентации командного состава. Однако возвращение к идее «Евразии» как неоимперской стратегии сохранения российской гегемонии в ближнем зарубежье, а также постоянная враждебность российских командиров по отношению к националистам сыграли значительную роль в постсоветском государственном устройстве

---

37 Georg Sørensen, 'Individual security and national security: the state remains the principal problem,' *Security Dialogue*, Vol. 27, No. 4, 1996, p. 374.

38 Trevor Waters, 'Russian peacekeeping in Moldova: source of stability or neo-imperialist threat?', in John MacKinlay and Peter Cross (eds), *Regional Peacekeepers: The Paradox of Russian Peacekeeping*, Tokyo: United Nations University Press, 2003, p. 150.

39 Там же.

40 John MacKinlay and Evgenii Sharov, 'Russian peacekeeping operations in Georgia', in MacKinlay and Cross (eds), op. cit.

Грузии, Молдовы и Таджикистана. Идея Евразии — это один из аспектов идеологического понимания продуктивности, несмотря на серию неудачных решений командования вооруженных сил постсоветской России.

В бывшем Советском Союзе понятия *миротворчества* и *миростроительства* или *миростроения* среди государственной элиты дополнялись общим пониманием понятия «мир». Пожалуй, лучшей иллюстрацией этого может стать случай Таджикистана, где в начале 1990-х гг. оппозиционные националистические/исламские силы были успешно оттеснены на обочину, когда Москва стремилась привести к власти в государстве — российском протекторате лояльного человека. Смит–Серрано справедливо считает, что миротворческая миссия сама по себе стала менее значимой, чем миссия по установлению «пограничного контроля» вдоль южной границы Таджикистана с Афганистаном.⁴¹ Именно под защитой России Президент Рахмонов сумел проигнорировать многие инициативы ООН и ОБСЕ, направленные на демократизацию, укрепить свою личную власть и восстановить светский, авторитарный режим в Душанбе. Линч проводит прекрасный анализ того, каким образом зарождавшиеся взаимоотношения между Москвой и руководством этого режима способствовали осуществлению неоимперских амбиций России.⁴² Характер российской миротворческой/миростроительной деятельности ставит важные вопросы об идеологическом контексте, который связывает Москву с ее постсоветскими союзниками в СНГ. В этом смысле *миростроительство* может быть понято не просто как институционализированный подход к этой деятельности, а как региональная идея, представленная государственными элитами и изложенная прежде всего на русском языке, что сопряжено с некоторыми предположениями относительно характера международных отношений и урегулирования конфликтов, которые в целом являются более «статистическими» и авторитарными.

---

41 Andrés Smith–Serrano, 'CIS peacekeeping in Tajikistan', in MacKinlay and Cross (eds), op. cit., p. 181.

42 Dov Lynch, *Peacekeeping Strategies Towards the CIS*, London, Royal Institute of International Affairs, 1999.

Миростроительство как принуждение к миру

«Новое мышление» Горбачева в основном не коснулось Центральной Азии, поэтому четыре из пяти первых секретарей Центрально-Азиатских республик поддержали направленный против Горбачева переворот в августе 1991 г. «Перестройка» и «гласность» слабо повлияли на силовые структуры в Таджикистане, хотя с помощью Москвы они содействовали появлению относительного плюрализма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. — период, предшествовавший гражданской войне. Сегодня представители элиты в Таджикистане зачастую объясняют жесткий подход к политическим партиям или средствам информации ссылками на гражданскую войну и опасности плюрализма. Кроме того, они нередко утверждают, что это «наш менталитет» со ссылкой на бывший Советский Союз и что этот менталитет делает плюрализм «западного образца» неприемлемым. Опыт автора, взявшего многочисленные интервью у глав местных органов самоуправления (хукуматов и джамоатов) и государственных чиновников в течение последних двух лет, показывает, что два ключевых понятия – *стабильность* и *авторитет* – имеют важное значение в этом само собой выработавшемся менталитете политических элит бывшего Советского Союза. В рамках настоящей работы можно лишь бегло обсудить идеологически обоснованное использование этих двух понятий.

Во-первых, понятие *стабильность*, как правило, используется, чтобы показать приоритет экономического развития по сравнению с демократизацией. Как сказал руководитель «оппозиционной» партии, которая в основном лояльна к администрации Президента Эмомали Рахмонова, «демократия хлеба нам не дает».⁴³ В таких условиях демократизация осуществляется постепенно и этот процесс должен протекать сообразно нашим собственным представлениям о постепенности изменений, который могут происходить лишь после достижения значительного уровня экономического развития. Во-вторых, понятие *авторитет* часто используется для того, чтобы обозначить лицо,

⁴³ Интервью с Абдухалимом Гаффуровым, руководителем Социалистической партии Таджикистана, Душанбе, 5 августа 2005 г.

пользующееся уважением в своем кругу и способное оказывать политическое влияние. Приводимая ниже цитата иллюстрирует это. В ходе обсуждения вопроса о силе президентской политической партии один из ее руководителей пояснил:

«Позиция партии укрепились столь сильно, когда [Президент] Эмомали Шарипович Рахмонов, человек, обладающий колоссальным авторитетом, стал нашим председателем. Почему? Во-первых, он обещал народу, что прекратит войну. Во-вторых, он сразу же заявил, что все политические эмигранты и вынужденные беженцы должны вернуться на родину. В-третьих, он сказал, что решит проблему голода. Вот как проявился авторитет этого человека! Наша партия не поднимала его *авторитет*. Он сам дал партии *авторитет*. [Пауза]. Сам я историк. Например, в некоторых странах ... в Египте... Анвар Садат и все до него – все они получили *авторитет* от партии. Но в Таджикистане все было наоборот. Эмомали Рахмонов дал партии собственный, личный *авторитет*, мы использовали его и подняли авторитет нашей партии. Сейчас мы делаем все, чтобы сохранить и укрепить этот *авторитет*».⁴⁴

Такое лицо почти всегда является государственным служащим или человеком, связанным с официальными структурами. В отличие от этого, организации гражданского общества подчеркивают свой неполитический характер даже тогда, когда они финансируются международными организациями для поддержки таких кажущихся политическими программ, как образование среди избирателей, гендерные проблемы или урегулирование конфликтов. Понятие *авторитет* помогает определить политическую сферу деятельности элиты, которая находится за пределами финансируемой донорами деятельности сектора гражданского общества и является неприкасаемой.

---

44 Интервью с Мусо Асозода, руководителем аппарата Народной демократической партии Таджикистана, 17 августа 2005 г.

Оба понятия, *авторитет* и *стабильность*; служат для нормативного и аналитического обоснования процессов принуждения к миру или процессов сдерживания конфликтов и устранения их причин, к которым в большинстве случаев прибегают постсоветские политические элиты. Как хорошо показывает пример российского участия в Чечне, если в процессе устранения не удастся ликвидировать оппозицию элите, то можно использовать сдерживание до тех пор, пока устранение в конце концов не становится «успешным».

В области международных отношений две крайние позиции могут рассматриваться как противоположность таким контекстуальным идеологиям, выявляющимся в ходе региональных исследований. Многие политические реалисты отвергают культурный контекст, утверждая, что «идеология» являются лишь циничным оправданием тех, кто стоит у власти. С другой стороны, в трудах востоковедов овеществляются (как «изнутри», так и «извне») такие контекстуальные явления, как «традиция», «культура» или «менталитет». Настоящая работа противостоит обеим этим полярным позициям, которые являются доступным обывательским подходом, заменяющим более серьезное рассмотрение характера, культуры и идеологии миростроительства. В данном случае противостоящие идеологии могут лучше всего рассматриваться как интерсубъективно построенные социальные миры. Вера в *стабильность* и *авторитет* — это не просто стратегия падких до власти элит. Это ответ культуры, который в какой-то мере разделяется многими гражданами региона, в частности теми, кто занимает должности в государственных структурах (госструктурах), включая так называемых «реформаторов». Кроме того, как и понятие «*миростроительство*», которое более широко признано международным сообществом, это не просто аналитическое, но и экспрессивное и перформативное понятие. Как таковое оно может как определять оценку «интереса» со стороны лиц, принимающих решения, так и воплощаться в жесткие действия, являющиеся легитимными как для внутреннего круга лиц, принимающих решения, так и для более широкой публики.

---

4. Понятие tinji в Таджикистане: недопущение конфликтов и разрешение споров

В таджикском языке имеется множество слов, обозначающих мир. Однако широко используемое понятие tinji (спокойствие/миролюбие), пожалуй, наилучшим образом передает ощущения многих людей, которые сторонятся социальных, особенно политических конфликтов. Голос бессильного таджикского протеста сознательно деполитизирован, чтобы показать свое безразличие к политической власти и слабость перед ней. Как ни странно, это дает понятию tinji возможность играть огромную политическую роль в качестве важнейшего элемента поддержания мира в Таджикистане. Симбиоз миростроительства и tinji основывается на общем понимании политического аспекта, что оправдывает доминирующее положение государства над обществом. Нижеследующий анализ понятия tinji основан на исследовании, проведенном для НПО «Международный корпус милосердия» совместно с организациями местных общин (в частности, Группой по инициативе общин [ГИО]), гражданами, лидерами общин и представителями местных органов самоуправления в пяти общинах Согдийской области.⁴⁵

Отрицание наличия конфликта: идеология гармонии

Как среди руководителей, так и среди простых граждан Таджикистана наличие конфликта в основном остается непризнанным или мало признанным в общинах. Такой конфликт, напряжение или беспокойство объясняются возникновением непродолжительных споров из-за нехватки ресурсов. Еще реже признается напряженность со стороны хукумата (органа местного самоуправления) или в отношениях между деревнями (где споры опять же возникают из-за ресурсов). Когда собеседников просили назвать угрозы, то и здесь наблюдалось значительное согла-

---

45 Первоначально это исследование проводилось для базового анализа Мирной инициативы общин (МИО) «Международного корпуса милосердия» в Таджикистане. Пятью общинами, выбранными для изучения, были Навбунед и Тоджикокджар (обе в Аштском районе), а также Кошонар, Маргедар и Новабад (все в Пенджакенте).

Таблица 1. Предполагаемые угрозы

Что больше всего угрожает миру в деревне?					
Община	Безработица и трудовая миграция	Нехватка воды и других ресурсов	Неграмотность, алкоголизм, наркомания	Ничто	Всего
Кошонар	7	2		3	12
Маргедар	11	1			12
Новабад	6		6		12
Навбунед	2	6		4	12
Тоджикоқджар	1		1	10	12
Всего	27	9	7	17	60

сие между руководителями и простыми членами общины: и те, и другие указывали на отсутствие возможности получить работу и на последствия безработицы и трудовой миграции, которые назывались самой серьезной угрозой миру (по-таджикски: *tinji*, по-русски: *спокойствие*). В приводимой ниже таблице даются ответы шестидесяти респондентов на вопрос: «Что больше всего угрожает миру в деревне?» Экономические (нехватка ресурсов) и социальные проблемы (неграмотность, наркомания) были также названы потенциальными угрозами. Чисто политические угрозы или угрозы безопасности не упоминались вообще.

Чтобы глубже изучить такие предположения, интересно выяснить, как община и отдельные люди оценивают уровень своего благосостояния. Руководители общин дают понять, что, хотя общее положение все еще трудное, материальные условия жизни общины за последние годы улучшились. Результаты опросов сельских жителей несколько отличаются от этого.⁴⁶ Попытки оценить индивидуальную точку зрения на проблемы конфликта и благосостояния часто сводились на нет тем, что понятие «вы» непременно означало «общину», что является частью более ши-

⁴⁶ На вопрос о том, улучшилось ли благосостояние жителей деревни за последний год, подавляющее большинство ответило, что, по их мнению, улучшилось. Однако меньшинство из тех, кто ответил «нет», составил лишь один мужчина, а половина всех женщин (15 из 30) дали такие ответы, из которых следовало, что от упомянутых выше угроз в большей степени страдают женщины, чем мужчины, или что женщины скорее, чем мужчины, готовы признать факт своей бедности.

рокого публичного толкования понятия «единение общины». В других исследованиях это называется «идеологией гармонии».⁴⁷ В соответствии с идеологией гармонии члены общины отказываются выражать любое несогласие или даже иметь право на личное мнение, опасаясь «выпадения» из группы. Идеология гармонии, проповедуемая общинами, которые поддерживают Мирную инициативу общин (МИО), особенно сильно проявлялась в Группе по инициативе общин (ГИО).

Единство и сплоченность

Хотя идеология гармонии подразумевает лишь отрицание конфликта, в Таджикистане она подкрепляется деятельностью, направленной на укрепление единства общины. Пожалуй, самой яркой демонстрацией такой идеологии в моем исследовании были результаты анализа, проведенного совместно с ГИО в Новабаде на русском и таджикском языках. Когда эту группу попросили обозначить сильные и слабые стороны сельской жизни, имеющиеся у крестьян возможности, а также угрозы, с которыми они сталкиваются, ГИО указала на факторы, описанные в Таблице 2. В таком толковании практической идеологии мира (*tinji*) главными понятиями являются единство/сплоченность и гармония. Сильные стороны и широкие возможности связаны с достижением единства, слабые стороны и угрозы – с недостаточно крепким единством. Идеология гармонии может рассматриваться как избегание или даже отрицание реального конфликта, поэтому важно признать, что в какой-то мере она может быть продуктивной. Это не означает, что идеология гармонии служит устранению идей неравенства или смягчает всякую напряженность и исключает споры – она в какой-то мере может действовать как функциональный метод самоконтроля, а значит и реализации предсказаний.

Общая тема единства перерастает в вопрос о том, как управляются общины в рамках МИО. Двумя самыми распространен-

---

⁴⁷ Bichsel, Christine, 'In search of harmony: repairing infrastructure and social relations in the Ferghana Valley,' Central Asian Survey, (March, 2005), 24(1).

Таблица 2. SWOT-анализ в Новабаде

<p>СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ Уважаемая культура (<i>Izati Ehtirom</i>) Единство (<i>Yagonay</i>) Взаимопонимание (<i>Yakdigarfahmi</i>) Дружба (<i>Dusti</i>)</p>	<p>СЛАБЫЕ СТОРОНЫ <i>Провокация/Ighvo/</i> – (включая «людей, которые не подчиняются руководству», «людей, которые знают начальника полиции и говорят ему неправду о нашей общине, поскольку завидуют проектам», «людей, которые и раньше вредили нам».)</p>
<p>ВОЗМОЖНОСТИ Обучить молодежь и направить ее на правильный путь Решить проблемы на основе взаимопонимания и без разногласий (<i>Halli muik ilotho beh zanzal va bo yakdigar orahmi</i>)</p>	<p>УГРОЗЫ Неспособность прийти к согласию (<i>Muroso nakardan</i>) Принижение друг друга (<i>Dushi pokardani yakdigor</i>) Некоторые люди не подчиняются главе общины (<i>Ba'zeho gersh namehdeyhand ba raisi mahalla</i>)</p>

ными словами, характеризующими методы решения проблем в общине, являются «сплоченность» и «активность». Часто они используются вместе, чтобы подчеркнуть, что активная община — это община, которая плачивает, а сплоченная община — это община, которая активна. Когда главу комитета общины (*mahalla*) Кошенара спросили: «Люди прислушиваются к вам?», он ответил: «Конечно. Деревня — это единая семья с одним корнем». Лидер общины (*raisi mahalla*) в Маргедаре, который в течение 45 лет работал бригадиром с первых дней основания общины и до 1997 г., объяснил это так: «Да, потому что я работал с ними с первого дня. Все мужчины и женщины выросли на моих глазах. Люди мне верят и не смогут обмануть». В таджикских деревнях община называется *mahalla*, что применимо как ко всей общине, так и к ее главе (*rais*), что порой справедливо.⁴⁸ Кроме того, титул «аксакал» (что дословно означает «седая борода») используется в отношении более пожилых мужчин в общине, имеющих особый статус, принимающих решения и улаживающих конфликты. При любом из таких вариантов группа, состоящая в основном из более пожилых мужчин, ежедневно встречается в чайной («чайхане»), которая работает также как мечеть и местный общественный

48 Sometimes the term *mahallinski commitet* (community committee) is used to denote the leadership of the community, at other times simply *raisi mahalla* or *raisi kishlok* (head of community or head of village).

центр), чтобы обсудить насущные проблемы деревни. Молодежь, особенно женщины, редко присутствуют на таких встречах. Хотя в других районах Центральной Азии предпринимаются попытки формализовать комитеты mahalla или аналогичные структуры, сделав их органами местного самоуправления (Узбекистан) или консультативными советами (Кыргызстан), в Таджикистане такие комитеты остаются полностью неформальными структурами, несмотря на попытки международных организаций формализовать их путем создания организаций на основе общин.

Учитывая характер такого «единства», общины в рамках МИО, особенно в Согдийской области, где последствия войны были самыми незначительными, дают множество примеров мобилизации людей на коллективный добровольный труд (khashar) еще до подключения к этому МИО. В данном случае «мобилизация» означает призыв к людям бесплатно поработать на общину на основании решения, принятого «раисом» и другими «уважаемыми» членами общины или даже органа местного самоуправления. Важны неформальные связи; кроме того, люди определенных взглядов всегда могут реально участвовать в процессе. Однако, хотя решения могут и не приниматься исключительно по принципу «сверху вниз», ясно, что к мнению определенных групп общины могут прислушиваться больше, чем к мнению других. Большинство мужчин, в частности более преклонного возраста, говорят, что им кажется, что к их голосу прислушиваются, однако лишь две из 15 молодых женщин признали, что их голос слышен в общине. Но многие считают, что это вообще не имеет никакого значения. Руководитель ГИО Кошонара совершенно открыто заявил, что «мнение женщин не имеет никакого значения».⁴⁹ Как ни странно, женщины в этой группе громко согласились.

Антиполитика

Нежелание признать наличие конфликта или «разногласий» и подчеркивание значимости единства, несмотря на очевидное

---

⁴⁹ По иронии судьбы, это была именно та исследованная нами целевая группа ГИО, где женщины действительно высказывали свое мнение.

неравенство, сопровождаются проявлением еще одного аспекта таджикского понятия *tinji* – сильного неприятия политики, антиполитики. Особенно наглядный пример этого показывает ГИО Маргедара. «В нашей деревне», сказал один человек, «мир (*спокойствие*) – это наша сила». Другой житель добавил: «У нас нет никакой напряженности, никаких политических партий». Услышав это, его товарищи по группе немного побранили его за то, что он упомянул о политике. Позже в интервью глава общины Маргедара (*raisi mahalla*) согласился с тем, что никакой политической напряженности нет. Однако в отличие от ГИО, он признал, что «политические партии существуют»⁵⁰, но «между ними нет спорных вопросов». Если говорить шире, то граждане с большим почтением и уважением относятся к государству – как к его идее, так и к его представителям. Такие примеры свидетельствуют об отходе от политики, наблюдаемом в таджикском обществе после появления различных широких политических движений в периоды между «перестройкой» и началом гражданской войны. Повсеместно плюралистическая и целенаправленная политика ассоциируется с войной. Соответственно, политика становится сферой деятельности, оставленной лишь одной объединенной группе – «авторитетной» элите. Такое непоследовательное практическое воплощение идеи *tinji* поощряется элитами, занимающимися *миростроительством*.

Миростроители ставят следующий вопрос: в какой мере настроения, которые я охарактеризовал как идею *tinji*, являются лишь робкими притязаниями, которые едва ли скрывают серьезное недовольство правящей властью. Является ли стремление к гармонии, единству и антиполитике неискренним? Является ли эта идея лишь «легким упрощением» реальности?⁵¹ По мне-

50 Позже мы выяснили, что тремя политическими партиями, представленными в деревне, являются собственная партия Президента «Национальная демократическая партия Таджикистана», Коммунистическая партия Таджикистана, а также Социалистическая партия Таджикистана, ни одна из которых не является открыто оппозиционной.

51 James C. Scott, *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, Conn., Yale University Press, 1998, p. 319.

нию автора, неприятие конфликтов, сопровождаемое стремлением отдельных лиц к компромиссу и сдержанности, является искренним и отражает другие аспекты социальной структуры и культурных ценностей таджикского общества. Такие деполитизированные представления о мире могут быть продуктивными в Таджикистане. Несомненно, политически они выгодны правящим элитам, которые пытаются вновь утвердить веру в них в процессе своей каждодневной практической деятельности в сфере управления. Вместе с тем они также отражают искреннее неверие значительного большинства граждан в ценность политики и отход от нее. Это часто называется «усталостью от войны». Явления, предшествовавшие идее tinji, могут, помимо наследия войны, включать наследие антиплюрализма после распада Советского Союза, а также огромные и трудно оцениваемые последствия трудовой миграции сотен тысяч таджиков в Россию и другие страны.⁵² В таких условиях подходы, предусматривающие предотвращение конфликтов и урегулирование разногласий, могут оказаться очень эффективными как стратегии построения мира. Это значит, что вероятность эскалации конфликтов до «политического» уровня, когда в них вовлекаются местные власти, организованная преступность или соседние регионы, становится чрезвычайно низкой.

Как видно из изложенного выше анализа, в современном Таджикистане практикуются совершенно разные подходы к урегулированию конфликтов, а также к идее Миростроительства, что оказывает огромное влияние на распределение международной помощи в Таджикистане. Обнаруженные в деревнях Таджикистана изменчивые структуры, обеспечивающие примирение и избежание конфликтов, сталкиваются со стратегиями трансформации или урегулированием конфликтов путем создания

52 Предполагается, что в любой период времени от 500 000 до 1 000 000 людей выезжает из страны в процессе трудовой миграции. Она более всего распространена в долине Рашт, которая дольше всех страдала от военных действий. В 2005 г. я обнаружил, что 20–25% жителей деревень, в которых я проводил исследования, уезжало как трудовые мигранты. Так, например, в деревне Кадара примерно в 70% семей, по меньшей мере, один член семьи находился в России, обеспечивая семейный доход примерно на 50%.

формально демократических систем самоуправления.⁵³ Миростроительство, как теория перехода к демократии, скрытно, а иногда и открыто, претендует на «естественную» и всеобщую применимость, стоящую над идеологией или за ее пределами. Приведенный выше анализ свидетельствует о том, что Миростроительство – это лишь один из многих подходов к урегулированию конфликтов, который возникает в определенном культурном контексте. Различные культуры имеют различные представления о мире и эти представления весьма переменчивы в условиях практической деятельности коренного населения. Миростроительство может иметь идеологическое значение для международного сообщества, но как представление о реальности в Центральной Азии оно становится, используя терминологию Джеймса С. Скотта, «обыкновенным упрощением», когда сложность любой реальной ситуации низводится до какого-то окончательного набора терминов и имеет ограниченные возможности. Сложные и промежуточные формы взаимоотношений гипостазированы в причинное изложение фактов, где факторы, которые не вписываются, бессмысленны или риторически нежелательны, игнорируются во имя легче узнаваемого понятия «опасность».⁵⁴

Действительно, в случае Таджикистана можно привести множество примеров того, как участники программ Миростроительства отходили от риторики своих программных предложений и стремились достичь прагматического компромисса с местными институтами и сторонниками местных идей.⁵⁵ Говоря

53 Это открыто признается другой осуществляемой в Таджикистане программой «Международного корпуса милосердия» – Программой Таджикистана по предотвращению конфликтов, осуществляемой в Тавилдере. Эта программа использует модель конфликтов Томаса Килмена, чтобы интерпретировать стратегии избегания и урегулирования конфликтов в Таджикистане и внедрить методы совместного трансформирования конфликтов. Interview, Barbara Stuart, TCCP Chief of Party, Tavildera, 26 July, 2005.

54 Chad Thompson and John Heathershaw, 'Introduction: discourses of danger in Central Asia', *Central Asian Survey*, Vol. 24, No. 1, March, 2005

55 See John Heathershaw, 'The paradox of peacebuilding: peril, promise and small arms in Tajikistan', *Central Asian Survey*, Vol. 24, No. 1, March 2005.

более прозаическим языком, они не осуществляют на практике то, что сами проповедают. Это может оказаться и полезным. Скотт предупреждает нас о том, что, когда «упрощения высоко-го модернизма» высокомерно ставят себя выше «практических знаний» местных участников процесса, это может привести как к техническому «прогрессу», так и к колоссальным человеческим страданиям.⁵⁶

Но, отходя от случая Таджикистана, мы должны признать наличие ограничений в отношении «культуралистической» аргументации, если такие ограничения используются для утверждения, с одной стороны, абсолютной относительности противоборствующих представлений и, с другой, незабываемости традиций, культур и разных менталитетов. В настоящей работе сделана попытка схематично показать, каким образом такие представления порождаются тем или иным политическим и исторически обусловленным процессом. В заключение хотелось бы остановиться на последствиях для «гуманитарной безопасности» назидательной истории о «миростроительстве» в Таджикистане.

Заключение: назидательная история для определения понятия «гуманитарная безопасность»

Настоящая работа не пытается установить причинную связь между определенным подходом к проблеме мира и самой проблемой – она скорее пытается проиллюстрировать взаимосвязь между таджикским представлением о мире и множеством других взаимосвязанных представлений (кратко изложенных в Таблице 3). *Миростроительство* и *Tinjī* как подходы не могут отвергаться лишь потому, что они поверхностны или нелегитимны, поскольку они представляют формы самобытности и идеологии, которые гораздо шире воспринимаются в странах Центральной Азии, чем идеи «построения мира». Здесь важным моментом является то, что, отвергая абсолютную относительность, мы, тем не менее, не можем уйти от заключения, что наиболее эффективной формой построения мира является форма,
56 Scott, op. cit., 1998.

Таблица 3. Сводная таблица представлений о мире в Таджикистане

Представление	Основная сфера распространения	Стратегии	Общий подход
Построение мира	Международное сообщество	– Демократизация – Децентрализация – Транспарентность/ Подотчетность	Трансформация конфликта
Миростроительство	Постсоветские государства	– <i>Авторитет</i> – <i>Стабильность</i> – Силовая политика	Принуждение к миру (соперничество, сдерживание и устранение)
Tinjī (по-таджикски: «спокойствие/миролюбие»)	Постконфликтное таджикское общество	– Отрицание конфликта – Единство/ сплоченность – Аполитичность	Избежание конфликтов и примирение

основанная на имеющейся неопределенности, когда различные представления о мире, формирующиеся в разных условиях, находятся в процессе активного обсуждения. Это главный аргумент настоящей работы, который должен повлиять на определение понятия «гуманитарная безопасность».

Широко признанный успех Таджикистана в прекращении насилия — это продукт следующей двойственности: с точки зрения «построения мира» это достаточно «демократическое государство», чтобы оставаться получателем сравнительно значительной донорской помощи и международной поддержки; с точки зрения это достаточно «стабильное» правительство, чтобы принять его как власть, которая не подвергается сомнению и не оспаривается ее потенциальными политическими противниками и которая признается соседними государствами на международном уровне. С точки зрения tinjī это достаточно «гармоничное» государство, чтобы избегать конфликтов и разрешать споры, государство, в котором миллионы простых таджиков избегают участия в политической жизни. Система политических партий Таджикистана — хороший пример этому. Существование шести юридически зарегистрированных и номинально

функционирующих политических партий — это достаточный прогресс с точки зрения осуществления «демократии», чтобы международное сообщество оставалось довольным. Однако тот факт, что одна из этих партий действует как прикрытия для группы солидарности с человеком, который управлял Таджикистаном в течение 13 лет, является свидетельством «авторитета» и «стабильности» правительства для местного населения и соседей по региону. Наконец, почти безотносительность партийной политики к повседневной жизни простых таджиков позволяет им принять систему как систему, которая поддерживает «гармонию» и без необходимости не нарушает экономическую и социальную жизнь. Мир в Таджикистане характеризуется двояким совпадением представлений.

Вопреки фактам можно утверждать, что никогда нельзя было бы создать жизнеспособную партийную систему, провести честные выборы, осуществить децентрализацию правительства или реформировать сектор безопасности в течение нескольких лет или даже десятилетий построения мира в Таджикистане. Такие перемены, когда они случаются, скорее всего отражают более широкие политические и экономические изменения в течение длительного времени. Они не являются ни неизбежными, ни необратимыми. Однако стратегическое вмешательство со стороны информированных неамбициозных международных участников (которых, как это ни печально, совсем немного) может достичь лишь малых результатов. При этом интерпретация таких перемен как шагов к демократизации или же, в качестве альтернативного варианта, как свидетельство противопоставления «негативного» мира «позитивному», видимо, больше отражает идеологическое пристрастие автора/практика, чем добросовестный анализ. Стратегическое вмешательство в послевоенный период должно само по себе оцениваться с точки зрения уменьшения вероятности насилия. Важнее всего, чтобы такое вмешательство осуществлялось с пониманием того, что оно зависит как от более широкого контекста, так и от дальнейших событий, и при этом не следует пытаться интерпретировать такое вмешательство с использованием широких понятий (таких как «гуманитарная безопасность»), которые выходят за пределы

культурных различий и индивидуальных особенностей. Такое вмешательство обязательно должно быть осторожным и неоднозначным, поскольку оно открыто для противоположных интерпретаций и действий.

Понимание многочисленных идей и подходов, применяемых в настоящее время, а также их культурного контекста приводит к более широкому пониманию вопроса «гуманитарной безопасности». Проблема противоречий связана не с существованием многочисленных представлений, а скорее с тем, что такое множество представлений является важным аспектом практической реализации этого понятия. Случай Таджикистана показывает, что вмешательство в целях обеспечения «гуманитарной безопасности» должно основываться на контекстуальных особенностях и учитывать неясности. Широкие обобщения остаются важными лишь в той мере, в какой они взаимодействуют друг с другом, интерпретируются и воссоздаются в области их применения. Как таковая практическая деятельность по обеспечению «гуманитарной безопасности» в Центральной Азии будет оставаться разнообразной и вызывать споры.

Выражение признательности

Автор хотел бы поблагодарить Стейси Клоссона и Марка Хоффмана за комментарии к черновику настоящей работы. Следует также поблагодарить персонал программ ПИДС и МИО «Международного корпуса милосердия», с которым автор сотрудничал в ходе исследований на местах.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, КАК ФАКТОР МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Д. Примбетов, заместитель Генерального секретаря ЕврАзЭС

Позвольте мне, от имени Секретариата Интеграционного комитета Евразийского экономического сообщества, выразить признательность ЮНЕСКО и Академии ОБСЕ в Бишкеке за приглашение на международную конференцию на тему «Гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии», которая будет, как мы надеемся, способствовать укреплению мира, стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Вопрос, вынесенный на конференцию, не может не волновать народы стран этого региона и мировую общественность. Сегодня мы живем в мире, который стал узким, и негативные проявления в любой точке земного шара могут откликнуться в других регионах, на других материках.

Почти пятнадцать лет назад после развала мировой социалистической системы и сверхдержавы — Союза ССР, страны Центральной Азии обрели государственный суверенитет. Новые независимые государства оказались один на один с широким комплексом проблем обеспечения собственной безопасности. Проблема осложнялась отсутствием в новых независимых государствах институтов и кадров, способных самостоятельно решать эти проблемы.

В прошедшие годы уже проявили себя в некоторых странах региона накопившиеся и подавлявшиеся при Союзе межэтнические, межклановые и межконфессиональные проблемы. Сейчас они усугубляются последствиями социально-экономического кризиса, поразившего все Центрально-Азиатские страны за годы экономических реформ последнего десятилетия. Известный американский политолог Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» даже охарактеризовал Центрально-Азиатский регион XXI века как «Централь-

но–Азиатские Балканы», имея в виду, что здесь еще длительное время возможно возникновение конфликтов различной интенсивности.

Во время встречи с представителями ОБСЕ в феврале 2000 года Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил, что терроризм, наркотики и скудные водные ресурсы – это основные угрозы стабильности в Центральной Азии. Выступая на открытии 2–ой сессии Парламента Республики Казахстан 1 сентября этого года, Глава государства сказал: «Сегодня, однако, я хотел бы сделать акцент на другой существенной проблеме обеспечения стабильности, безопасности и устойчивости развития нашего региона... Одно дело, когда Центральная Азия — это регион стабильности, с быстрорастущей экономикой, сопровождающейся социальным и демократическим прогрессом. И другое дело, когда Центральная Азия — это регион бедности, раздираемый внутренними противоречиями, этническими и религиозными конфликтами, когда вспышка насилия в одной стране становится примером для подражания в другой».

И далее Президент Казахстана отметил: «Нельзя не признать, что основной причиной этих взрывоопасных конфликтов стали накапливавшиеся годами внутренние социально–экономические проблемы. Казахстан «избежал» таких потрясений именно благодаря системной политике по развитию экономики и благосостояния народа, обеспечению межконфессионального, межнационального и межкультурного согласия».

Завершая свою мысль, казахстанский лидер заявил: «Вместе с тем, и, я думаю, вы согласитесь со мной, что интересам и нашей страны, и международного сообщества соответствует сохранение стабильности и процветания во всем Центрально–Азиатском регионе».

Сегодня можно сказать, что за прошедшие годы независимости многие из проблем внешней безопасности странам региона удалось успешно решить на основе сотрудничества не только со своими непосредственными соседями, но и с ведущими стра-

нами мира, авторитетными международными организациями. Благодаря совместным усилиям здесь удалось остановить отдельные вооруженные конфликты, несколько снизить опасность их возникновения в будущем.

После обретения суверенитета переход экономики Центрально–Азиатских государств к рыночным отношениям осуществлялся по различным моделям и с разной скоростью. Это предопределило особенности их экономического развития. Общими для них, однако, стали глубокий кризис экономики, резкое снижение уровня жизни населения.

Вследствие этого на евразийском пространстве с особой остротой встали проблемы бедности и самосознания населения, от которых «отпочковались» и стали самостоятельными проблемы экономического неравенства, демографии, миграции, терроризма, наркотрафика.

В последнее время все более дает о себе знать очаг напряженности в Ферганской долине, представители которой составляют во многих случаях костяк различных противодействующих центру политических и религиозных группировок. Объективная основа этого явления связана с острой социально–экономической ситуацией в данном регионе, на которую давит демографический пресс. Здесь сложилась высочайшая плотность населения, с которой не справляются местная производственная и социальная инфраструктура.

Запутанность границ, многонациональный состав населения при высокой плотности его размещения создают своеобразную мозаику конфликтов и противоречий, преодоление которых невозможно без взаимоувязанного решения всего комплекса связанных с ними проблем. Наибольшую опасность из них представляют угрозы сепаратизма и насилия на этнической почве. Кроме того, в силу транзитного положения Ферганской долины и всего Центрально–Азиатского региона они рассматриваются международной наркомафией как одно из перспективных направлений транзита наркотиков.

Все это означает, что для снятия указанных проблем необходимо вплотную заниматься причинами, их порождающими. Отвечая в прямом эфире 24 августа 2005 года на один из вопросов, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, вспомнил гениальное высказывание Виктора Гюго: «Нищета рождает революцию, а революция нищету». Чтобы разорвать этот опасный круг нужно развивать экономический потенциал стран и способствовать формированию такого самосознания, которое бы соответствовало основным тенденциям развития современного мира.

Для подтверждения существования проблемы нищеты: в 2003 г. среднемесячная начисленная заработная плата одного работника составила (в долл. США): в Российской Федерации – 179, 2, Казахстане – 154,5, Беларуси – 120,8, в Кыргызстане – 43,8 и в Таджикистане – 14,6. По международным стандартам государства, имеющие заработную плату ниже 100 долл. в месяц, относятся к наибеднейшим странам мира.

Уже в первые годы независимости стало ясно, что выход из экономического кризиса, обеспечение государственной, экономической, экологической и иной безопасности требует развития сотрудничества во всех сферах как между государствами региона, так и с непосредственными соседями и другими государствами мирового сообщества. Иными словами, необходимо развивать экономическое сотрудничество.

Осознавая общность интересов экономического развития Президенты Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в апреле 1994 года подписали Договор о создании единого экономического пространства. Позже, после решения внутренних Республики Таджикистан присоединилась к Договору, и 17 июля 1998 г. региональное объединение было преобразовано в «Центрально–Азиатское экономическое сообщество» (ЦАЭС). 28 февраля 2002 года ЦАЭС был преобразован в ОЦАС — Организацию «Центрально–Азиатское сотрудничество».

Однако до настоящего времени деятельность в направлении развития Центрально–Азиатского сотрудничества остается не-

достаточно эффективной. Выступая в прямом эфире в конце прошлого месяца, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил: «Если бы, в конце концов, эти объединения когда-нибудь пришли к нормальному состоянию, это позволило бы говорить об одном или двух объединениях его нового формата. Но пока из-за разности экономик, из-за отсталости реформ, из-за разности политик мы не можем договориться. Что, впрочем, не означает, что мы не должны стремиться и не должны работать в этом перспективном направлении».

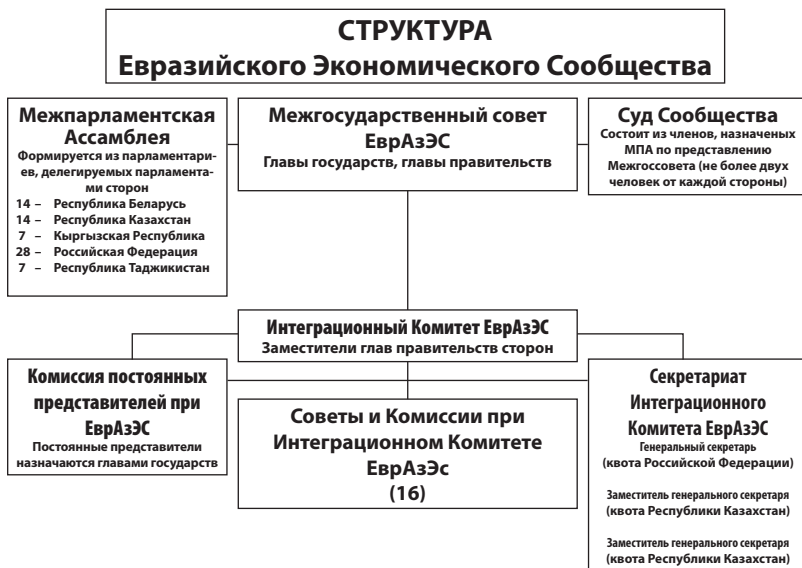
В январе 1995 года Беларусь, Казахстан и Российская Федерация подписали Соглашение о Таможенном союзе, к которому позднее присоединились Кыргызстан и Таджикистан. Основной целью участников Соглашения было провозглашено создание условий для свободного передвижения товаров, капитала и услуг и формирование общего экономического пространства.

Для более эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза 10 октября 2000 года Президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан подписали Договор об учреждении Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), которое может рассматриваться как действующая модель будущего Евразийского Союза.

Стоит, видимо, напомнить, что 8 мая 2003 г. ООН зафиксировала статус ЕврАзЭС как международной организации, а 9 декабря того же года ЕврАзЭС получило статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН.

Межгосударственный Совет Евразийского Экономического Сообщества (на уровне глав государств) Решением от 27 апреля 2003 года утвердил Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы и Мероприятия по их реализации.

Исходя из логики интеграционных процессов и социально-экономических интересов государств Центрально-Азиатского

региона, к ключевым сферам взаимодействия можно отнести следующие направления деятельности:

1. Развитие торговли;
2. Водные ресурсы и энергетика;
3. Развитие транспорта и его инфраструктуры;
4. Охрана окружающей среды;
5. Миграция.

Безусловно, перечисленные направления деятельности не исчерпывают все многообразие вопросов развития сотрудничества в экономической и социально–гуманитарной сферах.

1. Развитие торговли

Основные задачи

В настоящее время на территории Сообщества действует режим свободной торговли. Ведется работа, необходимая для перехода в 2006 году к следующему этапу — таможенно–му союзу.

На данной стадии интеграции первостепенное значение имеют два направления: гармонизация торговых режимов государств–членов Сообщества по отношению к третьим странам и создание равных условий для осуществления внешнеторговой деятельности хозяйствующими субъектами государств–членов ЕврАзЭС.

Реализация первой из указанных задач связана в основном с формированием Общего таможенного тарифа, единых перечней товаров, подлежащих нетарифному регулированию и экспортному контролю, гармонизацией технического регулирования.

Вторая задача включает установление единых правил регулирования внешнеторговой деятельности: единый порядок лицензирования импортных и экспортных операций, унифицированные правила применения технических регламентов, стандартов и других технических требований при ввозе/вывозе продукции, гармонизация таможенных правил, налогов, взимаемых при пересечении таможенной границы и т. п.

При разработке гармонизированных норм учитывается мировой опыт регулирования внешнеторговой деятельности и общепризнанные нормы, содержащиеся в многосторонних международных договорах, заключенных в рамках ООН, ВТО и других организаций.

Последовательность действий

В течение 2002–2004 годов в рамках ЕврАзЭС был подготовлен ряд документов, имеющих ключевое значение для унификации правил регулирования внешней торговли. Некоторые из этих документов уже приняты, другие планируется подписать в течение 2005 года.

В октябре 2003 года главами правительств государств–членов ЕврАзЭС подписано Соглашение о едином порядке экспортного контроля. Этот документ полностью соответствует требованиям международных договоров в данной области. В развитие

этого Соглашения в сентябре 2004 года утверждены Общие требования к порядку контроля за осуществлением внешнеэкономических операций с товарами и технологиями, подлежащими экспортному контролю.

Установленные правила полностью соответствуют нормам ВТО и, в частности, Соглашению о процедурах импортного лицензирования, и также используют концепцию «одного окна». Вместе с тем, данный документ устанавливает лишь общие принципы, и в его развитие в течении 2005–2006 годов планируется принятие ряда документов, детально регламентирующих процедуры лицензирования по отдельным категориям товаров.

В марте 2005 года подписано Соглашение об основах гармонизации технических регламентов государств–членов ЕврАзЭС. Соглашение предусматривает разработку единых технических регламентов для всех пяти государств и их унифицированное применение.

В настоящее время в рамках Комиссии по техническому регулированию, санитарным, ветеринарным и фитосанитарным мерам в торговле при Интеграционном Комитете ЕврАзЭС продолжается работа по гармонизации законодательств государств–членов ЕврАзЭС в области технического регулирования. Ведется также работа по унификации законодательств государств–членов Сообщества в сфере конкуренции и применения субсидий. Это необходимо для исключения применения во взаимной торговле специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Таким образом, можно говорить о том, что, создавая единую (унифицированную) систему регулирования внешнеторговой деятельности, ЕврАзЭС решает также и задачи упрощения процедур торговли, необходимых для развития внешнеторговых связей с третьими странами и обеспечения долгосрочного партнерства между хозяйствующими субъектами, что в свою очередь крайне важно для стабильного развития экономик государств–членов Сообщества.

---

2 Водные ресурсы и энергетика

Цели и инициативы ЕврАзЭС в региональном водно-энергетическом сотрудничестве

Одной из ключевых проблем для стран Центральной Азии является использование водных ресурсов, тесно связанное со всеми аспектами экономического развития региона и его экологической безопасности. Фактически все реки здесь являются трансграничными, что в сочетании с дефицитом водных ресурсов и аридным климатом, накладывают существенные ограничения на социально-экономическое развитие этого региона.

Более того, наличие различных позиций стран бассейнов трансграничных рек в приоритетности и стратегии использования водных ресурсов, генерируют и усиливают напряженность в межгосударственных отношениях, снижают экономический потенциал сотрудничества и подвергают регион опасным рискам эскалации экологических кризисов.

Решению этой проблемы должна способствовать синхронизация национальной водной политики с программами регионального сотрудничества в области управления водными ресурсами трансграничных рек. Его правовой основой должны стать международные конвенции и руководящие принципы по управлению и охране водных ресурсов трансграничных водотоков.

Секретариатом Интеграционного Комитета ЕврАзЭС в 2004 году подготовлен Технико-экономический доклад: «Перспективы интеграции в энергетическом и водном секторе в Центральной Азии». Изучение показало, что проблема рационального использования и освоения водно-энергетических ресурсов бассейнов рек Сырдарья и Амударья (одновременно с масштабными долгосрочными инвестициями в незавершенные гидроэнергетические объекты Таджикистана и Кыргызстана) остается наиболее острой региональной проблемой Центральной Азии.

Основными проблемами во взаимоотношениях между государствами ЦАР в регулировании водных отношений и основой противоречий являются:

- Рекомендательный характер принимаемых решений на уровне существующей Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК);
- Разобщенность действий на региональном и национальном уровнях между структурами управления водного хозяйства и энергетики;
- Противоречия между интересами государств верхнего и нижнего течения рек и отсутствие экономического механизма регулирования водопользования;
- Отсутствие в существующих межгосударственных структурах эффективного механизма управления водными ресурсами.

Одним из практических шагов на пути решения имеющихся проблем явилась реализация в 2003 – 2004 годах разработанной в рамках ЕврАзЭС программы осуществления перемещения излишков гидроэлектроэнергии, летней выработки, из Таджикистана и Кыргызстана (через сети Казахстана и Узбекистана) в Российскую Федерацию. Такой подход позволяет не только сбалансировать водно–энергетические режимы бассейнов рек Сырдарья и Амударья, но и увеличить инвестиционную привлекательность гидроэнергетического сектора стран Центральной Азии.

Это является удачным примером продвижения на пути к общему энергетическому рынку стран ЕврАзЭС. В то же время это и показатель того, что при наличии политической воли существует реальная возможность взаимовыгодного регионального сотрудничества в водно–энергетической сфере.

Одновременно, совместными действиями государств–членов ЕврАзЭС определяются инвестиционные механизмы развития гидроэнергетики, которые должны учитывать экономические интересы стран региона. В частности:

- Подписаны двусторонние российско–таджикские соглашения о завершении строительства Сангтудинской ГЭС–1 и Рогунской ГЭС в Таджикистане, достигнута договоренность между Ираном и Таджикистаном о строительстве Сангтудинской ГЭС–2;
- Аналогичные решения подготовлены по Камбаратинским ГЭС–1 и 2 в Кыргызстане.

Дальнейшее усиление интеграционных процессов государств–членов ЕврАзЭС следует рассматривать важным фактором урегулирования водно–энергетических отношений и решения экологических проблем региона.

В соответствии с Приоритетными направлениями развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы и Мероприятиями по их реализации в рамках Сообщества разработаны и в ближайшее время будут приняты:

- Протокол о перемещении электрической энергии между государствами–членами ЕврАзЭС;
- Соглашение о разработке совместного топливно–энергетического баланса государств–членов ЕврАзЭС;
- Соглашение о порядке организации, управления, функционирования и развития общего электроэнергетического рынка государств–членов ЕврАзЭС;
- Соглашение о формировании общей системы информационного обеспечения энергетического рынка государств–членов ЕврАзЭС;
- Соглашение о порядке организации, управления, функционирования и развития общего рынка нефти и газа государств–членов ЕврАзЭС.

---

3. Развитие транспорта и его инфраструктуры

Формирование Транспортного союза и реализация транзитного потенциала

Эта цель включена в один из основных разделов Приоритетных направлений развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы. Предусматривается разработка и реализация Программы формирования Единого транспортного пространства государств–членов ЕврАзЭС, развитие сети международных транспортных коридоров по направлениям «Восток–Запад» и «Север–Юг», создание благоприятных тарифных условий и т. п.

С целью создания благоприятных правовых условий для организации взаимовыгодного сотрудничества транспортных

комплексов государств–членов ЕврАзЭС проведен сравнительный анализ национальных законодательств, регулирующих эту сферу, и подготовлены предложения по их гармонизации. Подписано Соглашение о проведении согласованной политики по формированию и развитию транспортных коридоров Евразийского экономического сообщества.

Во исполнение положений этого Соглашения подготовлен Перечень транспортных коридоров и маршрутов государств–членов ЕврАзЭС, которые, после утверждения органами управления интеграцией, должны стать главными транспортными артериями Сообщества.

Следующим шагом будет обследование и оценка технического состояния дорог, водных путей и переправ, всей инфраструктуры коридоров, в том числе пограничных пунктов перехода, рекомендованных для включения в названный Перечень. Планируется разработать Целевую программу приведения Евразийских транспортных коридоров в соответствие с международными стандартами, для обеспечения по ним бесперебойных транзитных и экспортно–импортных перевозок грузов, создания рациональных схем размещения логистических центров международного значения и внедрения мультимодальных (смешанных) перевозок.

---

4. Охрана окружающей среды

В странах ЕврАзЭС осуществляется реализация национальных стратегий и планов действий по охране окружающей среды, расширяется их участие в международных программах и конвенциях. Однако совокупный эффект этих мер все еще недостаточен, т.к. в них не учитывается трансграничный характер экологических проблем, отсутствует эффективный механизм координации и взаимодействия.

Вопросы региональной безопасности все еще рассматриваются вне контекста воздействия на них экологических факторов и необходимости улучшения качества окружающей среды. В каждом государстве–члене ЕврАзЭС имеются районы экологи-

ческих бедствий, возникшие в результате техногенных последствий воздействия на окружающую среду.

Вопросы охраны окружающей среды не могут разрешаться усилиями только одной страны, так как зоны экологических бедствий расположены в основном в пограничных районах и поэтому необходимы меры, обеспечивающие координацию политики и действий всех сопредельных государств.

В странах Сообщества наметилась устойчивая тенденция роста производства и подъема экономики. Однако, критическое состояние основных фондов и продолжающаяся выработка их ресурсов, нехватка финансовых средств на обновление и модернизацию оборудования, отсутствие действенных инструментов экономического стимулирования рационального природопользования, усиливают негативное воздействие имеющихся экологических проблем.

Совершенствование природоохранной деятельности государств–членов ЕврАзЭС в условиях роста экономики – важное направление в интеграционных процессах Сообщества и его главными задачами в этой области выдвигаются:

- Переход от экологической политики, основанной на борьбе с последствиями опасного трансграничного загрязнения природной среды к парадигме, основанной на предотвращении экологических бедствий;
- Создание благоприятных правовых и экономических условий, способствующих продвижению в странах Сообщества инновационных экологических и ресурсосберегающих технологий, ориентированных на производство экологически безопасной продукции, сокращение загрязнения окружающей среды;
- Расширение международного сотрудничества с целью противодействия экологическим угрозам природного и техногенного характера.

---

5 Миграция

Проблемы миграции в странах ЕврАзЭС напрямую связаны со спецификой социально–экономического развития в регионе и на постсоветском пространстве. Миграция, как социальное

явление, в условиях расширения глобализационных процессов — это объективная реальность. Однако неконтролируемая и незаконная миграция является угрозой национальной безопасности любой страны. Поэтому вопрос состоит в том, каким образом минимизировать издержки и негативные последствия трансграничной миграции и как обратить на пользу стран ее позитивные стороны.

В странах–членах ЕврАзЭС принимающими государствами являются Казахстан и Россия, а «отправляющими» – Кыргызстан и Таджикистан, а также Беларусь (в Россию). Иными словами, если для Кыргызстана и Таджикистана актуальной является проблема оттока трудовой силы, то для Казахстана и России — ее притока.

В Таджикистане и Кыргызстане внешняя трудовая миграция выполняет исключительно важную роль амортизатора социального недовольства, она позволила значительной части населения избежать голода в условиях обвального падения производства и массовой безработицы. Для государств экспорт рабочей силы дает возможность пополнять доходы за счет налогов на прибыль фирм–посредников, инвестирования возвращающихся на родину доходов мигрантов, за счет валюты, поступающей в виде компенсаций за используемую рабочую силу из стран–импортеров, а также повышать уровень жизни и платежеспособность населения.

Таким образом, экспорт рабочей силы позволяет снизить напряженность на национальных рынках труда Кыргызстана и Таджикистана, что особенно актуально при высоком уровне скрытой безработицы, повысить квалификацию и привить работникам передовые принципы организации труда, привлечь международные организации к решению социально–экономических проблем стран–экспортеров рабочей силы, оптимизировать процессы воспроизводства рабочей силы.

В то же время положительные эффекты иммиграции в значительной степени могут нивелироваться для принимающих

стран неконтролируемым притоком нелегальных мигрантов. Нередко внешние мигранты являются конкурентами на национальных рынках труда. А предприятия, используя низкооплачиваемую импортированную рабочую силу, утрачивают стимулы для улучшения условий труда и повышения квалификации работников.

Рост числа правонарушений, наркобизнес, – эти явления сопутствуют нелегальной миграции, хотя и не всегда являются следствием ее.

Проблема роста незаконной миграции сопряжена с отсутствием на национальном и межгосударственном уровнях объективной и полной информации о мигрантах, а также правового механизма регулирования миграционных потоков. Исходя из этого, стратегическое направление социально-экономического сотрудничества государств-членов ЕврАзЭС связано с наведением порядка в миграционной сфере, с постановкой ее под жесткий контроль.

Значение и масштабы трудовой миграции, которая затрагивает социально-экономические, правовые и другие интересы граждан государств-членов ЕврАзЭС, а также уязвимое положение, в котором часто оказываются нелегальные мигранты, члены их семей, требует установления общих принципов согласованной миграционной политики в государствах Сообщества.

Для придания управляемого характера трудовой миграции Секретариат Интеграционного Комитета ЕврАзЭС в настоящее время разрабатывает несколько проектов Соглашений: «О сборе, анализе и обмене информацией о трудящихся-мигрантах между государствами-членами ЕврАзЭС», «О временной трудовой деятельности граждан государств-членов ЕврАзЭС на территории Сообщества». Проекты нацелены на ужесточение контроля за миграционными потоками, регулирование на межгосударственном уровне внешней трудовой миграции, сбалансированность спроса и предложения на рабочую силу в рамках формирующегося общего рынка труда Сообщества.

Последовательность действий

Для государств-членов ЕврАзЭС, важно изучать мировой опыт государств, длительное время участвующих в экспорте и импорте рабочей силы и потребности рынка труда Сообщества.

В ситуации, когда не завершено формирование единого правового поля Сообщества, необходимо более скоординированное сотрудничество Сторон на межотраслевом и межведомственном уровнях. Вопрос о параметрах миграционной квоты должен рассматриваться на основе принципа приоритетного использования национальных трудовых ресурсов с учетом ситуации на рынке труда, демографической ситуации и возможностей принимающей Стороны по обустройству иностранных граждан, их профессиональному обучению по специальным программам, включающим обучение языку.

Наведение порядка в миграционной сфере связано с постановкой ее под строгий контроль. Ужесточение контроля над миграционными потоками уже сейчас происходит в России и Казахстане. В отношении тех, кто находится на нелегальном положении, принимаются меры по депортации их на территории своих государств. Помимо жестких мер, к нелегальным мигрантам, связанным с криминальной средой, необходим комплекс мер по легализации трудовой миграции, обеспечению прав трудовых мигрантов.

Для эффективной реализации трудового потенциала миграции необходим не только жесткий контроль и регулирование. Необходим действенный механизм экономического и социального стимулирования, направленный на увеличение заинтересованности мигрантов на труд и проживание в тех регионах, где их труд максимально востребован обществом. Необходима разработка долгосрочных многоцелевых социально-экономических программ миграционного развития и благоприятствования для отдельных регионов, рассчитанных на стратегическое освоение и развитие этих регионов.

В заключение, мне хотелось бы заявить, что мы открыты для расширения и углубления взаимодействия и конструктивного сотрудничества со всеми международными организациями и институтами, региональными и субрегиональными экономическими объединениями государств по вопросам, представляющим общий и взаимный интерес. А наш общий и взаимный интерес — повышение уровня и качества жизни населения, что, в свою очередь, является гарантией мира и безопасности в регионе.

Есть казахская крылатая фраза: «Где единство, там процветание!». И мы будем идти в этом направлении.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Булат Д. Хусаинов, доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан

Новейшая история государств Центральной Азии насчитывает немногим более 14 лет. За эти годы в этих странах были достигнуты определенные результаты, которые, несмотря на кажущееся статистическое благополучие (табл. 1), нельзя назвать однозначными. Это обусловлено тем, что скорость и содержание трансформационных процессов были и остаются в этих странах разными.

Таблица 1. Динамика изменения ВВП в государствах ЦА, 1995–2004 гг.

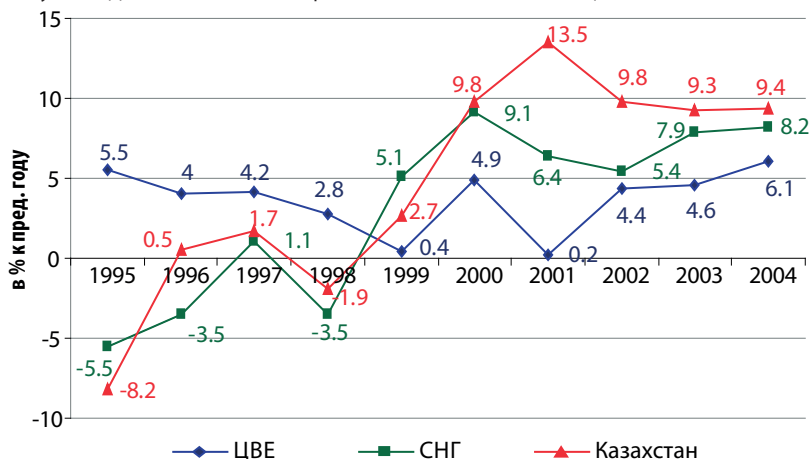
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Казахстан	91,8	100,5	101,7	98,1	102,7	109,8	113,5	109,8	109,3	109,4
Кыргызстан	94,6	107,1	109,9	102,1	103,7	105,4	105,3	100,0	107,0	107,1
Таджикистан	87,6	83,3	101,7	105,3	103,7	108,3	110,2	110,8	111,0	110,6
Узбекистан	99,1	101,7	105,2	104,4	104,4	103,8	104,2	104,0	104,2	107,7

Источник: составлено по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ.

Общепризнанно, что Казахстан является одним из лидеров по макроэкономическим параметрам роста не только среди государств СНГ, но и среди стран, в которых осуществляется системная трансформация экономических систем. Сравнительный анализ динамики роста в транзитных экономиках показывает, что темпы изменения реального валового внутреннего продукта (ВВП) в Казахстане выше, чем в среднем по СНГ и в государствах Центральной и Восточной Европы (рис. 1).

В последние годы в Казахстане происходит оживление производства, экономика переходит в режим устойчивого роста. После азиатского и российского финансового кризиса 1997–1998 годов, которые в известной мере отразились на экономическом

Рисунок 1. Динамика изменения реального ВВП в Казахстане, ЦВЕ и СНГ, 1995–2004 гг.

Источник: составлено по: World Economic Outlook 2004. – Wash. D.C., 2004 p. 173; World Economic Outlook 2005. – Wash. D.C., 2005 p. 201.

развитии Казахстана, в республике возобновилась макроэкономическая стабилизация. А это, как известно, является необходимой предпосылкой экономического роста.

Действительно, ВВП в 2004 г. по сравнению с 2003 г. увеличился на 9,4%, а кумулятивный экономический рост, произошедший после финансового кризиса 1998 г., составил 54,5%.

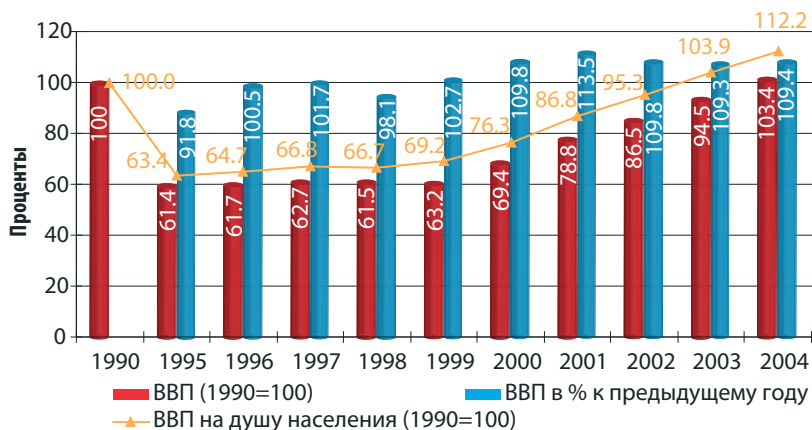
По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, среди стран Содружества только Казахстан и Беларусь смогли преодолеть докризисный уровень развития 1990 г. Так, в 2004 г. ВВП Казахстана вырос на 103,4% по отношению к 1990 г., а этому показателю на душу населения — на 112,2% (рис. 2).

В 1993 г. ВВП на душу населения в Казахстане составлял \$696. В 2004 г. он достиг \$2713, т. е. рост составил 3,9 раза. Добавим, что в 2005 г. этот показатель прогнозируется на уровне трех тысяч долларов США.

На рост экономики Казахстана продолжают оказывать влияние два фактора. Во-первых, рост ВВП в последние годы обусловлен благоприятной конъюнктурой мирового рынка. В час-

Рисунок 2. Динамика изменения реального ВВП Казахстана, 1990–2004 гг.

Примечание: за 2004 г. приведены оперативные данные

Источник: составлено по данным Агентства РК по статистике.

тности, высокими мировыми ценами на основные экспортные товары республики — нефть, черные и цветные металлы. Во-вторых, достаточно высокими темпами роста производства в промышленности (10,1%), строительстве (11,2%). Высокие темпы роста продукции характерны и для отраслей, предоставляющих услуги — в транспорте (9,2%) и особенно связи (32%).

В настоящее время на долю нефтяного сектора, по предварительным данным, приходится порядка 16,5% ВВП (табл. 2). Это практически идентично совокупному вкладу в ВВП транспортного и строительного сектора республики. Причем за последние семь лет доля нефтегазового сектора в ВВП возросла в 2,4 раза. В структуре промышленности доля нефтегазового сектора занимает 12,8%, увеличившись за этот период в 3 раза. За этот же период доля нефтегазового сектора в строительстве возросла более чем в 1,3 раза, что свидетельствует об интенсивном развитии новых объектов в данном секторе.

Причины таких изменений очевидны: существенное увеличение объемов добычи нефти (рис. 3), что связывается с двумя факторами. Во-первых, это обусловлено значительным увеличением притока иностранного капитала, в особенности прямых иностр-

Таблица 2. Нефтегазовый сектор в ВВП Республики Казахстан, 1998–2004 гг.

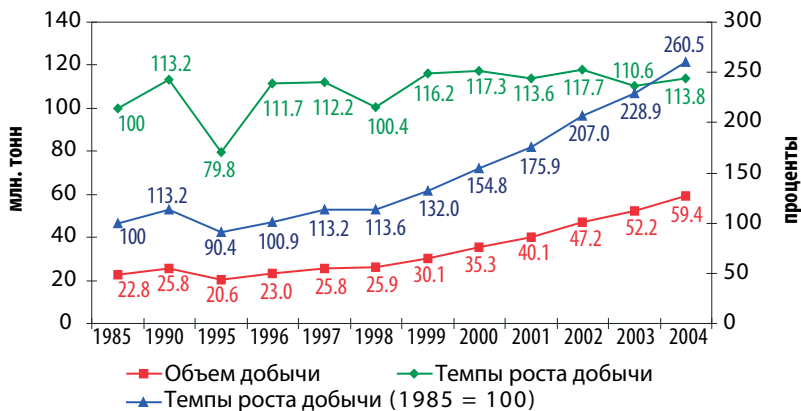
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Валовой внутренний продукт	100	100	100	100	100	100	100
<i>Нефтегазовый сектор</i>	6,8	9,7	14,0	13,1	14,2	14,3	16,4
<i>Прочие сектора</i>	93,2	90,3	86,0	86,9	85,8	85,7	83,6
Промышленность	24,3	28,2	32,6	30,6	29,5	29,1	31,1
<i>Нефтегазовый сектор</i>	4,2	7,0	10,3	9,3	10,2	10,5	12,8
<i>добыча сырой нефти и природного газа, услуги, связанные с добычей нефти и газа</i>	3,4	6,2	9,3	8,0	9,1	9,3	11,5
<i>перегонка нефти</i>	0,8	0,8	1,0	1,3	1,1	1,2	1,3
<i>Прочие сектора</i>	20,1	21,2	22,3	21,3	19,3	18,6	18,4
Строительство	4,9	4,7	5,2	5,5	6,4	6,0	5,9
<i>Нефтегазовый сектор</i>	1,6	1,8	2,4	2,6	2,5	2,3	2,1
<i>Прочие сектора</i>	3,3	2,9	2,8	2,9	3,9	3,7	3,8
Транспорт	12,3	10,6	10,0	9,6	10,2	10,7	10,4
<i>Нефтегазовый сектор</i>	0,6	0,7	1,0	0,8	1,2	1,1	1,1
<i>по железной дороге</i>	0,2	0,3	0,4	0,3	0,4	0,3	1,3
<i>по трубопроводному транспорту</i>	0,4	0,4	0,6	0,5	0,8	0,8	0,8
<i>Прочие сектора</i>	11,7	9,9	9,0	8,8	9,0	9,6	9,2
Операции с недвижимым имуществом	13,1	12,0	10,8	12,1	12,6	14,5	13,7
<i>Нефтегазовый сектор</i>	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
<i>Прочие сектора</i>	12,8	11,8	10,5	11,8	12,2	14,1	13,3

Источник: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2005 г.

ранних инвестиций в нефтедобывающую отрасль. Во-вторых, существенное влияние на ситуацию в нефтяном секторе казахстанской экономики оказывает благоприятная конъюнктура мировых рынков углеводородного сырья. Всего за период 1985–2004 гг. объем добычи нефти возрос в 2,6 раза. При этом, если в первой половине 90–х годов наблюдалось падение объемов добычи, то, начиная с 1998 г., идет неуклонный его рост.

Безусловно, динамика количественных параметров экономического развития республики вселяет уверенность. Однако, если обратиться к другим интегрированным показателям, характери-

Рисунок 3. Объемы и динамика добычи нефти в Казахстане, 1985–2004 гг.

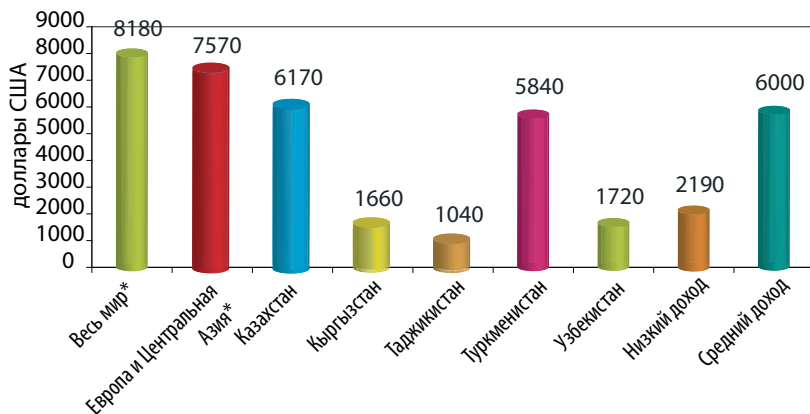
Источник: составлено по данным *bp Statistical Review of World Energy, June 2005*. – London, 2005, p. 40.

зующим качество экономического роста и уровень жизни населения, то здесь картина будет менее мажорной. Речь, в частности, идет о показателе валового национального дохода (ВНД), который представляет сумму стоимости, добавленной всеми производителями–резидентами, плюс любые налоги на продукты (минус субсидии), не включенные в стоимость продукции, плюс чистые поступления от первичного дохода (зароботная плата и имущественный доход) из нерезидентных источников.

Все государства ЦА, за исключением Казахстана, относятся к государствам с низким уровнем доходов. Казахстан занимает второе место среди государств СНГ, после России, по объему ВНД на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности (ВНД/ППП) – \$8920 и \$6170 соответственно (рис. 4). Для сравнения: среднемировой уровень составляет – \$8180, в странах Европы и Центральной Азии – \$7570. При этом среди 208 стран мира по этому показателю Казахстан занимает 101 место в мире, Россия – 82 место. Добавим, что в этом списке лидирует Люксембург, где отмечается наивысший уровень ВНД/ППП на душу населения – \$54 430.

Анализ этого параметра по всем странам мира приводит к весьма интересным выводам. Практически все государства, эко-

Рисунок 4. ВНД/ППС в мире и странах Центральной Азии, 2003 г.

Source: Based on data from World Development Report, Washington DC, World Bank, 2005.

номика которых имеет сырьевую направленность (за исключением Норвегии, занимающей 4-е место в мире по этому показателю), находятся ниже 35 места в мировом рейтинге. Казахстан, опережая по этому параметру развития государства СНГ (за исключением России), заметно отстает от стран ЦВЕ и Балтии.

Характерно, что в Казахстане показатель ВНД/ППС в 2003 г. снизился на 3,1%. Напротив, в большинстве рассматриваемых стран, за исключением Беларуси, а также его среднемировой и среднеевразийский уровни имеют заметную тенденцию к повышению. Это обусловлено тем, что в Казахстане определенная часть собственности принадлежит нерезидентам, имущественный доход от которой вместе с оплатой труда иностранных специалистов и работников, зачисляется в пользу других стран. Иными словами, происходит отток так называемых факторных доходов за пределы республики.

Не умаляя значения и успехов в трансформации экономической системы Казахстана, представляется необходимым обратить внимание на некоторые ее **социальные последствия**.

Главным приоритетом социальной политики государства является повышение уровня жизни населения (табл. 3), улучше-

ние положения на рынке труда и совершенствование трудовых отношений. Справедливости ради отметим, что тенденции снижения уровня жизни населения (особенно в первой половине 90-х годов) обусловлены объективными трудностями трансформационного периода. Изменение отдельных параметров качества жизни населения в сторону улучшения, наблюдаемое в последние годы, отражает позитивное влияние экономического роста.

Среди представленных в табл. 3 показателей наибольшую озабоченность вызывает величина прожиточного минимума (ПМ).

Таблица 3. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения в Казахстане, 2000–2004 гг.

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004
Среднемесячная номинальная заработная плата:					
в национальной валюте, тенге	14,374	17,303	20,323	23,128	28,270
в долларах США	101	118	133	155	208
Среднемесячная номинальная заработная плата, в% к пред. году	121,2	120,4	117,5	113,8	121,7
Реальная заработная плата, в% к предыдущему году	107,1	111,1	110,9	107,0	113,9
Прожиточный минимум населения в среднем за год, тенге/ доллар	4007 28,2	4596 31,3	4761 31,1	5128 34,3	5427 39,9
Средний размер назначенной пенсии, на конец года*	4462	4947	5818	8198	8628
Оценка номинальных денежных доходов населения, в среднем на душу в месяц, тенге/ доллар	6352 44,7	7670 52,3	8958 58,4	10,533 70,4	12,744 93,4
Реальный денежный доход (в%), оценка	101,3	111,3	110,3	110,5	113,2
Удельный вес трудовых доходов в денежных доходах населения, в%	79	77	77	76	77**
Минимальный размер заработной платы, тенге	2680	3484	4181	5000	6600
Минимальный размер пенсии по возрасту, тенге	3500	4000	4336	5500	5800

Примечание: * — данные с учетом силовых структур; ** — по данным обследования домашних хозяйств за 4 квартал 2004 г.

Эта величина граничит с пороговым значением в \$1 в день. ПМ служит для оценки масштабов бедности, представляет собой показатель потребления важнейших основных продуктов питания, товаров и услуг, обеспечивающих низкий жизненный стандарт, удовлетворяющий физиологические нормы потребления. Этот прожиточный минимум был разработан в 1992 г. и складывался из минимальной продуктовой корзины, расходов на непродовольственные товары, услуги, налоги и обязательные платежи, включаемые в определенной доле (30%) к продуктовому набору (всего 20 наименований). В настоящее время разрабатывается новый стандарт ПМ, включающий в себя 43 наименования.

Одна из важных проблем в социальной сфере – это бедность, которая присуща любому обществу. Бедность существовала и в советском обществе, но официально не признавалась. Для обозначения этого явления использовался термин «малообеспеченность».

Начало 90–х гг. XX века ознаменовалось беспрецедентным ростом бедности практически во всех странах СНГ. Реструктуризация экономики Казахстана, сопровождающаяся коренной ломкой производственных отношений и крахом социальной системы, привела к массовому обнищанию населения. Высокий уровень безработицы, растущее неравенство в уровне доходов, гиперинфляция способствовали ухудшению жизненных стандартов и возникновению социального слоя бедных, которых невозможно было скрыть никакими идеологическими соображениями.

В 1998 г. бедность достигла своего пика — почти 2/5 населения имели доходы ниже величины прожиточного минимума (таблица 4). Самый высокий процент бедности наблюдается в отдаленных сельских районах и малых городах. В сельской местности доля бедного населения составила, например, в 2001 г. 38,5%, а самый высокий процент наблюдался в Мангистауской области — 45,9%⁵⁷. В табл. 4 приводятся показатели, характеризующие бедность.

57 «Уровень жизни населения». Статистический сборник. Под редакцией Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2004 г., стр. 87.

Таблица 4. Показатели, характеризующие бедность в Казахстане, 1996–2004 гг.

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Доля населения с доходами ниже величины ПМ, в%	34,6	38,3	39,0	34,5	31,8	28,4	24,2	19,8	16,1
Глубина бедности, в%	12,1	12,8	13,7	10,3	7,8	6,1	4,6		
Острота бедности, в%	3,1	3,8	5,5	4,0	3,1	2,2	1,6		
Коэффициент фондов, раз		11,3	9,4	8,3	8,8	8,1	7,4		

Источник: «Уровень жизни населения. Статистический сборник. Агентство РК по статистике. Под редакцией Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2004 г.

В мировой практике для измерения масштабов бедности используют три основных подхода: *абсолютный, относительный и субъективный.*

Абсолютная концепция бедности базируется на установлении минимального перечня основных потребностей (прожиточного минимума) и размера ресурсов, требуемых для удовлетворения этих потребностей. Официальный подход в Казахстане к определению бедности базируется на абсолютной концепции, в соответствии, с которой ***черта бедности устанавливается на уровне прожиточного минимума***, ориентированного на физиологически минимальные нормы.

При *относительном подходе* к определению бедности показатели благосостояния соотносятся не с минимальными потребностями, а с уровнем материальной обеспеченности, преобладающим в данной стране. В рамках этого определения бедности выделяются два направления. Согласно первому, упор делается на средства к существованию, на способность покупать товары, необходимые для удовлетворения основных потребностей. *Второе направление* базируется на измерении бедности через лишения.

Субъективный подход основывается на предположении, что люди сами определяют, бедны они или нет. При использовании данного метода (обследование проведено в 2004 г.) 32,4% домохозяйств (средний размер семьи — 4,6 чел.) отнесли себя к катего-

рии бедных.⁵⁸ Оценивая свой уровень дохода, при котором либо отсутствует выбор, либо имеются ограничения возможностей в удовлетворении своих потребностей, уже 44,7% домохозяйств отнесли себя к бедным.⁵⁹

Для характеристики бедности применяются *индикаторы глубины и остроты бедности*. Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума говорит об абсолютном сокращении числа бедного населения, а уменьшение показателя глубины бедности — об увеличении доходов населения, у которого они были ниже прожиточного минимума. Снижение показателя остроты бедности свидетельствует об уменьшении различий в степени бедности среди самих бедных.

Одной из наиболее серьёзных проблем для Казахстана является *значительная поляризация доходов населения*. Причем она актуальна как в территориальном разрезе, так и в зависимости от социального статуса граждан (элита, бизнесмены, работники бюджетных организаций, особенно в сфере науки, образования, пенсионеры, инвалиды и др.). Наряду с этим существуют заметные различия среднедушевых доходов в зависимости от количества членов в семье. Поэтому в сфере социальной защиты одна из важнейших задач государства – разработка нормативов социального обеспечения и социального обслуживания, фиксирующих количественные и качественные параметры жизни граждан.

Исследования ученых о результатах реформ в странах Центральной и Восточной Европы в 90–е годы указывают на ошибочность представления о пользе социального неравенства для повышения экономической активности при переходе к рынку. Сравнительные оценки динамики и уровня дифференциации доходов подтверждают гипотезу, в соответствии с которой сильная поляризация доходов не только

---

58 «Уровень жизни населения Республики Казахстан». *Мониторинг. Причины и условия бедности. Рост благосостояния*. Под редакцией Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2004 г., стр. 5.

59 Там же, стр. 10

не стимулирует экономический рост, но и препятствует ему. Неравенство в распределении материальных благ обостряет проблему бедности населения. Так, даже в 90-х годах в Чехии, Словакии, Польше, Венгрии и Словении среднедушевые доходы самых богатых семей превышали соответствующие доходы самых бедных в 4,5–5,5 раза, в Болгарии и Румынии — в 10, в России — в 15 раз. По оценкам экспертов Всемирного Банка, в Казахстане коэффициент Джини, измеряющий неравенство доходов, в период 1987–1995 годов возрос почти в 30 раз. Нищета значительной массы населения была настолько очевидна, что правительство в начале 2000 г. официально признало существование этой проблемы. По различным оценкам, за порогом прожиточного минимума в конце 90-х проживало от 50% до 60% 15-миллионного населения Казахстана. При этом размер прожиточного минимума, по официальным данным, составлял в 2000 г. порядка \$28, т. е. менее \$1 в день. В 2004 г. этот показатель составил около \$40.⁶⁰ В терминах Доклада ВБ о мировом развитии 2000/2001 «Борьба с бедностью», жизнь людей, живущих менее чем на \$1 в день (а их на планете 1,2 млрд. человек из 6 млрд. всего населения), называют «крайней нищетой». В соответствии с данными, приведенными в этом Докладе, «в странах Восточной Европы и Средней Азии, находящихся на этапе перехода к рыночной экономике, число людей, живущих в бедности, выросло в двадцать раз». Появление существенного числа бедных жителей для республики, где практически все население является грамотным, получило образование и специальность — это позорное явление.⁶¹

Сравнительный анализ показателей среднемесячной заработной платы в странах СНГ (табл. 5) свидетельствует, что Казахстан по размеру среднемесячной заработной платы, выраженной в долларовом исчислении, занимает одно из лидирующих мест. В 2004 г. средняя номинальная заработная плата в республике составила \$208, России — \$237, Беларуси — \$161,8. По оценкам

60 Рассчитано по данным Агентства РК по статистике

61 Bulat D. Khusainov, 'Kazakhstan: economic development under globalization', *Central Asia and the Caucasus* (Sweden), No. 4(10), 2001.

Агентства РК по статистике, реальная заработная плата в 2004 г. к дореформенному уровню составляет около 64%.

Таблица 5. Среднемесячная номинальная заработная плата работников в некоторых странах Содружества, 1998–2004 гг.*

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2004 г. к 2003 г., в%
Казахстан	119,0	99,0	101,1	118,0	132,6	154,6	208	174,8
Азербайджан	43,5	44,8	49,5	55,8	64,9	78,8	98,4	226,2
Армения	35,7	37,7	42,1	44,1	47,5	58,8	78,7	220,4
Беларусь	106,3	70,8	73,6	86,6	104,9	120,8	161,8	152,2
Грузия	39,8	33,4	36,5	45,6	51,7	58,5	...	147,0 **
Кыргызстан	40,1	26,9	25,7	30,0	35,9	43,8	51,7	128,9
Молдова	46,6	29,0	32,8	42,3	51,1	63,9	89,5	192,0
Россия	108,3	61,8	79,0	111,1	139,1	179,2	237,0	218,8
Таджикистан	11,8	9,4	8,5	9,9	11,8	14,6	21,5	182,2
Украина	62,7	43,0	42,3	57,9	70,6	86,7	110,8	176,7

Примечание: * – по курсу Национальных банков; ** — 2003 г. к 1998 г.

Источник: составлено по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, 2005.

Таким образом, за годы реформ проблема бедности приобрела не только новые масштабы, но и новое «лицо». Резкое падение уровня жизни при отсутствии перспектив законным образом поправить материальное положение семьи способствует вовлечению в неформальную сферу широких слоев населения.

Неформальная экономическая деятельность в домашних хозяйствах осуществляется некорпорированными предприятиями, характерной особенностью которых является низкий уровень организационной структуры, наличие семейных отношений и отсутствие разделения между капиталом и трудом. В эту категорию включаются домашние хозяйства, семейные объединения или ассоциации, индивидуальные предприниматели, производящие товары или услуги для собственного потребления, или на продажу (производство продукции сельского хозяйства в личных подсобных хозяйс-

твах, индивидуальное строительство жилья, частный извоз, оказание бытовых услуг населением по ремонту бытовых изделий, услуг частных парикмахеров и др.). Часто неформальная деятельность бывает основана на вторичной занятости, во многих случаях ею занимаются непрофессионально. Неформальный сектор включает скрытую деятельность таких предприятий.

Если «советская» бедность определялась семейно-демографическими факторами и инвалидностью, то в годы реформ ее ряды пополнились безработными, среди которых наибольший удельный вес составляют по социальным характеристикам — средний класс, а по демографическим женщины (57–59%). Среди безработных в 2001 г. 94,9% находились в возрасте от 16 до 54 лет⁶² значительная часть трудоспособных граждан. Показатели, характеризующие занятость, приведены в таблице 6.

Таблица 6. Основные показатели занятости в Казахстане, 1991–2004 гг.

	1991	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Наемные работники, тыс.чел.	7389,5	4918,4	4271,3	3783,0	3354,2	3504,4	3863,3	4030,2	4229,6	4469,9
в% к ЭАН	95,8	65,7	57,4	53,6	47,5	49,3	51,7	54,5	55,2	57,0
Безработные, тыс.чел.		970,6	967,8	925,0	950,0	906,4	780,3	690,7	672,1	658,8
в% к ЭАН		13,0	13,0	13,1	13,5	12,8	10,4	9,3	8,8	8,4
Из них: женщины							442,3	407,0	390,7	377,7
Самостоятельно занятые, тыс.чел.	326,7	1600,5	2201,0	2344,6	2751,2	2696,6	2835,5	2678,7	2755,6	2711,9
в% к ЭАН	4,2	21,4	29,6	33,2	39,0	37,9	37,9	36,2	36,0	34,6
Экономически активное население (ЭАН), тыс.чел.	7716,2	7489,5	7440,1	7052,6	7055,4	7107,4	7479,1	7399,7	7657,3	7840,6

Источник: составлено по данным Агентства РК по статистике.

Сравнительный анализ данных по уровню безработицы свидетельствует, что среди государств Центральной Азии, по этому показателю «лидирует» Казахстан. Однако, реальная

⁶² «Труд и занятость населения в Казахстане». Статистический сборник. Под редакцией А.А. Смаилова. Алматы, 2003 г. стр..246

ситуация в этих государствах, думается, совершенно иная. Данное утверждение обусловлено двумя факторами. Во-первых, по методологии Международной организации труда в уровень безработицы включаются только лица, которые официально зарегистрировались на бирже труда. Думается, что в Казахстане гораздо больше людей, потерявших по тем или иным причинам работу, верят в возможность трудоустройства через эти биржи; в других странах региона эти службы работают менее эффективно. Во-вторых, уровень развития экономики в этих государствах значительно ниже, чем в Казахстане.

Таблица 7. Уровень безработицы в странах Центральной Азии, 1995–2003 гг*

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Казахстан	11,0	13,0	13,0	13,1	13,5	12,8	10,4	9,3	8,8
Кыргызстан	2,9	4,3	3,0	3,1	2,9	3,0	3,1	3,1	2,9
Таджикистан	2,0	2,6	2,8	2,9	2,8	2,4	2,3	2,6	2,3
Узбекистан	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	–	–

* Удельный вес общей численности безработных в численности экономически активного населения.

За период трансформации в Казахстане проведена большая работа по реформированию социальной сферы, системы социальной защиты населения. Правительством республики приняты и реализуются 75 государственных и отраслевых программ, прямо или косвенно связанных с улучшением уровня жизни населения. В частности, завершена реализация «Программы по борьбе с бедностью и безработицей на 2000–2002 годы». В текущем году завершается реализация мероприятий, предусмотренных в «Программе по снижению бедности в Республике Казахстан на 2003–2005 годы».

Опережающие программный уровень темпы развития экономики страны создали реальные предпосылки для пересмотра основных параметров, заложенных в «Стратегию развития Казахстана до 2030 года». Об этом заявил президент РК Нурсултан Назарбаев на встрече с бизнесменами в Алматы в рамках рабочей поездки в этот регион. «Мы планировали увеличить объем экономики в два раза к 2010 году. Я думаю, что мы смо-

жем сделать это уже к концу 2007 года, в 2008 году – точно», – сказал Н. Назарбаев. Кроме того, по мнению президента, планы по увеличению объема экономики в 3,5 раза к 2015 году, тоже будут достигнуты раньше намеченного срока. Он сообщил, что изменения в вышеуказанный документ будут внесены до конца текущего года.

Как известно, Президент Н. Назарбаев, осенью 2005 г. заявил, что «новой задачей является стремление Казахстана войти в первые 50 конкурентоспособных государств мира, а также в 20 самых развитых стран мира».

Нам представляется, что такая постановка задачи вполне обоснована. Так, в 2005 г. World Economic Forum (WEF) впервые включил страны СНГ для оценки конкурентоспособности их экономик. Казахстан среди 117 стран мира занял 61 место, а среди стран СНГ – первое место. Для сравнения: Россия – на 75 месте в мире, Таджикистан — на 104, Кыргызстан — на 116 месте. Туркменистан и Узбекистан в оценку WEF не включались.

Повышение уровня конкурентоспособности экономики и предполагает решение задач не только собственно экономического роста и конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке, но и решение социальных задач, поскольку конкурентоспособность национальной экономики измеряется целым набором показателей, в том числе и социальных.

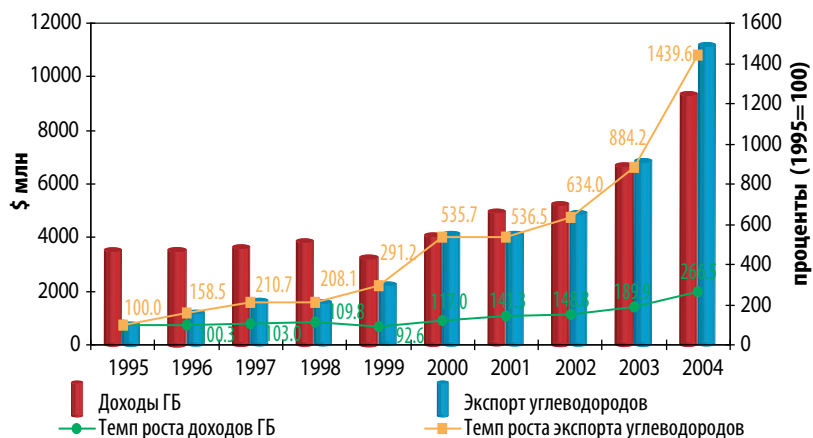
В этой связи зададимся вопросом: какие реальные резервы имеются, например, в Казахстане для улучшения социальной политики государства?

Во-первых, финансовые резервы. Это утверждение подтверждается следующими данными.

Несмотря на значительный рост экспорта нефти, серьезную проблему для экономики Казахстана имеет наполняемость

государственного бюджета. За последние десять лет бюджет страны (в долларовом эквиваленте) увеличился почти в 2,7 раза (рис. 5). В то же время за эти же годы экспорт казахстанской нефти и газового конденсата в стоимостном выражении возрос почти в 14,4 раз. Для сравнения: в период 1998–2004 гг. бюджет России увеличился в 5 раз — с 20 до 120 млрд долларов, что в известной мере связано с применением единой ставки подоходного налога (13%).

Рисунок 5. Объемы и динамика изменения доходов госбюджета и стоимости экспорта нефти из РК, 1995–2004 гг. (1995=100)

Источник: составлено по данным Агентства РК по статистике

Характерной особенностью отечественного экспорта углеводородного сырья является ее географическая направленность. Основные объемы экспорта сырой нефти и газового конденсата осуществляются в страны вне СНГ, доля которых неуклонно растет. Если в 2003 г. в страны СНГ поставлено 16,4% от общего объема экспорта углеводородного сырья, то в 2004 г. — 10,1%. Остальная нефть «утекает» в страны дальнего зарубежья, главным образом в оффшорные зоны (в основном на Бермудские острова). Переориентация экспорта в оффшорные зоны обусловлена главным образом следующей специфической особенностью в развитии нефтяного сектора республики.

Речь идет о практике трансфертного ценообразования, применяемой нефтяными компаниями (как иностранными,

так и отечественными) при поставках углеводородного сырья за пределы Казахстана. По сути, это является одним из методов «теневого» экспорта капитала. В условиях Казахстана, как и других стран СНГ, механизм трансфертного ценообразования, намеренно применяемый крупными транснациональными корпорациями для увода капитала из страны, приобретает все более изощренные формы. В результате проводимых манипуляций очень трудно доказать аффилированность сторон, участвующих в сделке и, как следствие, почти невозможно установить факт намеренного занижения цены.

Между тем, значительная доля экспорта стратегических ресурсов республики осуществляется по заниженным ценам. В качестве примера приведем некоторые расчеты (табл. 8), которые вполне справедливы для макроэкономического анализа.

Таблица 8. Экспорт нефти и потери от трансфертных цен в РК, 1997–2004 гг.

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Экспорт нефти сырой, млн. тонн	20.4	25.2	27.7	32.4	39.1	43.5	47.7
Среднегодовая стоимость экспорта, \$/тонна	80.9	91.6	153.4	131.3	128.6	161.2	226.4
Среднегодовая мировая цена нефти Brent, \$/тонна	95.4	133.6	213.8	183.3	187.7	216.2	280.5
Потери от трансфертных цен, млн. дол.	295.8	1058.4	1773.1	1684.8	2310.8	2392.5	2582.9

Примечание: 1 тонна=7,5 баррель.

Источник: подсчитано по данным OECD, Агентства РК по статистике.

По нашим оценкам, за период 1998–2004 гг. потенциальные потери от трансфертных цен по экспорту нефти, составили \$12098,3 млн. С учетом максимальной маргинальной ставки корпоративного налога в 30%, можно утверждать, что за эти годы государственный бюджет Казахстана недополучил только от экспорта нефти порядка \$3629,5 млн. И это только номинальные потери, реальные — гораздо больше.

Таблица 9. Экспорт углеводородов и фискальные доходы некоторых нефтегазодобывающих стран мира, 2003 г.

Страна	Доля экспорта углеводородного сырья:		Доля нефтегазового сектора в фискальных доходах страны
	в мировом экспорте нефти и газа	в ВВП страны	
Саудовская Аравия	13,5	38,3	28,1
Россия	11,8	17,0	6,0
Норвегия	6,5	18,4	12,2
ОАЭ	4,7	36,8	35,8
Иран	4,3	19,8	16,3
Нигерия	4,3	46,1	28,0
Венесуэла	3,3	24,6	23,0
Кувейт	3,0	44,8	48,1
Катар	1,5	47,0	24,9
Казахстан (21–е место)	1,1	23,6	6,2
Бахрейн	0,8	53,9	24,4
Азербайджан	0,4	31,5	15,2
Бруней–Даруссалам	0,6	80,0	29,1
Туркменистан	0,5	26,6	9,3
Узбекистан	0,1	3,8	5,2

Источник: «Oil Market Developments and Issues». – Washington D.C., International Monetary Fund, March 1, 2005, p. 26.

В действительности уровень налоговой нагрузки нефтедобывающих компаний в Казахстане значительно ниже. В частности, по данным Министерства финансов республики, нетто–коэффициент налоговой нагрузки для добычи сырой нефти и природного газа, а также предоставления услуг в этих отраслях в 2003 г. в среднем составил 17,2%. Для круп-

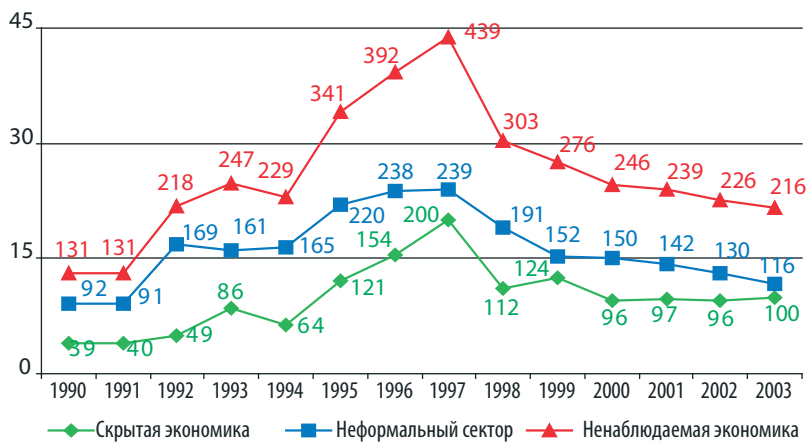

нейших иностранных нефтяных компаний этот коэффициент в последние годы вопреки элементарной логике был крайне низким.

В числе 44 государств, экспортирующих углеводородное сырье, Казахстан занимает 21 место. При этом доля нефтегазового сектора в фискальных доходах страны всего 6,2%, что в несколько раз ниже, чем во многих арабских государствах (табл. 9).

Во-вторых, необходимо существенное сокращение доли ненаблюдаемой экономики, в том числе неформальной (рис. 7).

Рисунок 7. Доля ненаблюдаемой экономики в ВВП Республики Казахстан, %

Source: Agency of Statistics of the Republic of Kazakhstan.

- Скрытая (подпольная) включает все виды законной деятельности, неизвестные органам государственного управления в силу различных причин (уклонение): а) от уплаты НДС; б) от уплаты взносов на социальное страхование; нарушение законодательных норм в отношении заработной платы, охраны труда и т.д.; незаполнение статистических форм. Подпольная экономика состоит из «экономически подпольной деятельности», которая включает «бегство от налогов» и незарегистрированной деятельности из-за плохой статистики учета. Как правило, скрытая деятельность наблюдается в тех отраслях экономики, товары и услуги которых реализуются в основном

за наличный расчет, а также от недостоверности официально представляемой ими информации.

- Неформальная включает незарегистрированное производство в секторе домашних хозяйств. В этом секторе можно выделить и «экономически подпольную деятельность» и «статистически подпольную деятельность». Этот сектор охватывает большое разнообразие незарегистрированных видов деятельности. Основные проблемы: а) предоставление заниженных сведений зарегистрированными некорпорированными предприятиями; б) наличие большого количества незарегистрированных некорпорированных предприятий; в) наличие незарегистрированных наемных работников в некорпорированном секторе.
- Незаконная (нелегальная) включает деятельность по производству товаров и услуг, продажа и распространение которых (равно как и владение) запрещены законом, например, наркотики, проституция), а также все виды производственной деятельности, разрешенной законом, но осуществляемой лицами, не имеющими на это права (например, медицинские услуги).

В-третьих, одна из важнейших предпосылок экономического роста страны — расширение внутреннего спроса, который является мощным стимулом для развития отечественного производства. Поэтому усилия государства необходимо направлять на повышение заработной платы. Особое внимание должно быть уделено вопросам оплаты труда в бюджетной сфере, охватывающей главным образом нематериальное производство. Рост заработной платы работников в этой сфере неизбежно ведет к её увеличению в реальном секторе экономики и, как следствие, к расширению внутреннего потребления. При этом следует отметить, что повышение заработной платы должно быть адекватно объективной цене рабочей силы как в материальном, так и в нематериальном производстве.

В-четвертых, одним из наиболее эффективных способов социальной поддержки малообеспеченных слоев населения во всем

мире является развитие малого предпринимательства, важным компонентом которого является развитие системы микрокредитования. В настоящее время этот сегмент финансового рынка, представляющий наиболее адекватный механизм решения социальных проблем общества, практически не развит. Цель микрофинансирования — предоставление финансовых услуг всем тем, кто не имеет доступа к традиционным финансовым ресурсам. Сюда входят не только малообеспеченные, но и более состоятельные владельцы микропредприятий и предприятий малого бизнеса. Поэтому необходимо создать независимую и эффективную систему организаций микрокредитования. Их главной задачей должно стать обеспечение в долгосрочной перспективе непрерывности финансирования предпринимателей.

Еще одно перспективное направление — динамичное развитие сферы услуг. Применительно к нашей стране, ее развитие будет способствовать увеличению занятости населения, в первую очередь — женщин. Несмотря на то, что доля этого сектора в ВВП увеличилась с 33,6% в 1990 г. до 50,7% в 2004 г., здесь имеется значительный потенциал роста. Для сравнения: в 2003 г. доля услуг в мировом ВВП составила 68%. В странах с высоким уровнем доходов доля услуг в среднем составляет 71%, в том числе, в Германии — 69%, Великобритании — 73%, США — 75%, Франции — 72%, Японии — 68%. Первое место в мире по этому показателю занимает Гонконг (88%), ныне входящий в состав Китая. Примечательно, что в некоторых развивающихся странах доля услуг в ВВП также весьма значительна: в Бразилии — 73%, Мексике — 70%, Панаме — 81%. По СНГ этот показатель в среднем составляет 46%. Среди лидеров можно отметить Россию — 61% и Казахстан — 51%; аутсайдерами являются Туркменистан — 30% и Азербайджан — 29%.⁶³

---

63 Источник: подсчитано по данным: World Development Report 2005: A Better Investment Climate for Everyone. – World Bank, Washington D.C., 2005, p. 260–26.

ИСЛАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА (взгляд из Таджикистана)

Саодат Олимова, Центр «Шарк», Таджикистан

Как правило, говоря об исламе в современной Центральной Азии, отмечают его возрождение в этой части мира. Сюда включают обширный спектр явлений: массовое строительство мечетей, распространение религиозного образования и просвещения, восстановление исламского права в некоторых сферах регулирования частной жизни, легальную деятельность политических религиозных организаций, в том числе партий, распространение подпольных оппозиционных исламских течений, деятельность вооруженных экстремистских групп.

Однако при всем размахе новейших явлений в исламе Центральной Азии для них до сих пор не существует ни приемлемого обозначения, ни достаточно полного объяснения. Используемые термины «возрождение», «исламский ренессанс», «реисламизация», «вторичная исламизация», «распространение фундаментализма» вызывают ожесточенные споры среди исследователей. Оживленные дискуссии ведутся также вокруг вопроса, является ли возрождение ислама в Центральной Азии результатом самостоятельного духовного, социального и политического развития региона или же это явление, навязанное извне. Противоположные позиции занимают исследователи и по вопросу, можно ли считать Центральную Азию советского периода частью исламского мира или же она развивалась автономно в атеистическом русле коммунистического эксперимента. Наиболее жестко эти споры ведут американские исследователи Аллен Хетманек и Мюриэль Аткинд.⁶⁴ Из зарубежных исследователей наиболее последовательно отстаивает мнение, что исламское

64 Allen Hetmanek, 'Islamic revolution and *jehad* come to the former Soviet Central Asia: the case of Tajikistan', *Central Asian Survey*, Vol. 12, No. 18, 1994; Muriel Atkin, 'Religious and other identities in Central Asia', in Jo Ann Gross (ed.), *Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change* Durham, N.C., Duke University Press, 1992; Muriel Atkin, 'Tajikistan: reform, reaction and civil war', in Ian Bremmer and Roy Taras (eds), *New States, New Politics*, Cambridge University Press, 1997.

возрождение в Центральной Азии имеет собственные корни, французский исследователь Стефан Дюдюадьон.⁶⁵ Однако слабая изученность проблемы, острый недостаток эмпирических исследований препятствуют формированию достаточно аргументированных позиций по данному вопросу.

Самое большое количество вопросов связано с проблематикой, связывающей ислам и безопасность. Вопросы множество: почему оппозиционные движения в ЦА эпохи независимости почти всегда связаны с исламом?

Какую природу имеет исламское движение в ЦА? Если это, в первую очередь, движение социального протеста, то почему такую важную роль играет исламский компонент?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изучить исламское движение в ЦА в социальном контексте происходящих в регионе изменений последних двадцати лет, проанализировать его социальную базу, рассмотреть политическую составляющую исламского движения, те проблемы, с которым оно столкнулось на нынешнем этапе.

До сих пор распространено мнение, что из-за советской политики государственного атеизма, включавшей массовое уничтожение и эмиграцию мусульманского духовенства в первые годы советской власти, исламская мысль в регионе в советский период практически замерла. В результате ислам в Центрально-Азиатских обществах стал функционировать преимущественно как традиция, образ жизни и основа культурной идентичности, но не как мировоззрение и идеология. Если основываться на этой точке зрения, то надо согласиться с мнением подавляющей части исследователей, которые считают, что возрождение ислама в 80–90-е гг. прошлого века в Центральной Азии, включающее стремительное распространение политического исламско-

---

65 см.: DUDOIGNON, Stephane, «Political Parties and Forces in Tajikistan, 1989–1993», in Mohammad Reza Djahlili, Frederic Grare and Shirin Akiner (eds), *Tajikistan: The Trials of Independence*, Surrey, Curzon Press, 1998.

го движения, есть результат влияния извне, своего рода случай прозелитизма. Предполагается, что деятельность международных исламских организаций была исключительно успешной в условиях духовного вакуума, образовавшегося в результате краха коммунистической идеологии.

Однако, это объяснение не может нас удовлетворить, так как оно не дает ключа к пониманию масштабов и разнообразия форм внутри исламского движения в Центральной Азии, в том числе, к объяснению причин массового распространения в регионе малоизвестных радикальных исламских течений, таких, например, как Хизб ат-тахрир.⁶⁶

Проведенные в последние годы исследования⁶⁷ показывают, что в Средней Азии в советское время ислам продолжал существовать и развиваться не только в рамках «народного» ислама, но и в качестве догматического ислама, исламской богословско-правовой мысли. Обеспечили функционирование и развитие догматического ислама неформальные мусульманские духовные лидеры, которые сохраняли и поддерживали исламскую традицию, передавали исламскую ученость молодым поколениям.

После распада Советского Союза и обретения суверенитета каждая страна ЦА была поставлена перед уникальной для себя и чрезвычайно сложной задачей построения аутентичного собственным традициям и политической культуре государства. Сразу же начались поиски места ислама в формирующихся национальных государствах. Сейчас, спустя почти 15 лет независимого существования, можно видеть, что некоторые проблемы решены, определились направления эволюции религиозной политики новых государств ЦА. Однако, многие вопросы оста-

---

66 Хизб ат-тахрир — исламское движение, которое принципиально отказывается от контактов с существующими национальными государствами, считая, что они дискредитировали себя, что они не поддаются реформированию в их нынешнем виде.

67 *Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет*. Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд Фридриха Эберта Штифтунга, 2003.

лись нерешенными, более того, они обострились. Кроме того, возникли новые вызовы, связанные с событиями 11 сентября, неудачной социальной политикой, пробуксовкой политических реформ в странах региона, нарастанием барьеров между странами, препятствующих экономическому и социальному развитию стран ЦА.

Ислам и сейчас продолжает оставаться важнейшим компонентом культурной, цивилизационной, этнической самоидентификации таджиков и узбеков, и в значительно меньшей мере — казахов и киргизов. Причем в постсоветский период влияние ислама на Центрально–Азиатские общества резко возросло и продолжает возрастать.

Однако ни одна страна ЦА пока не продемонстрировала адекватного ответа на эти процессы. Это неудивительно, так как в освободившихся от государственного атеизма странах пока не выработано ясное представление о секуляризме, не осмыслено содержание процесса секуляризации, не найдены аутентичные философские и мировоззренческие основы для нее. А без этого невозможно разработать внятные концепции отношения государства и религии.

Неясность понимания сущности секуляризма имеет следствием противоречивость национальных законодательств о религии. Нет ясного и четкого представления, как должна обеспечиваться свобода религии и убеждений, каковы границы этой свободы⁶⁸. Неудивительно, что во всех странах ЦА отношения религии, особенно ислама, и государства насыщены конфликтностью. Особую остроту названным проблемам придает то, что процессы, идущие в Центральной Азии, разворачиваются

68 Arne Seifert and Anna Kreikemeyer, 'Preventivnaia stabilizatsiia posredstvom svetsko–islamskikh kompromissov' [Preventive stabilization through secular–Islamic compromises], in Arne C. Seifert and Anna Kreikemeyer (eds), *O sovместимости politicheskogo islama i bezopasnosti v prostranstve OBSE. Dokumenty svetsko–islamskogo dialoga v Tadjikistane* [On the Compatability of Political Islam and Security in the OSCE: Documents from the Secular–Islamic Dialogue in Tajikistan], Dushanbe, 2003, pp. 8–26.

в контексте глобализации и расширения конфликтов, интегральной частью которых является религия. К сожалению, следует признать, что диалог религий и достижение толерантности находятся в глубоком кризисе. Особые проблемы связаны с исламом, особенно после событий 11 сентября и антитеррористической кампании.

Все это поставило на повестку дня ряд чрезвычайно острых проблем взаимоотношений религии и общества, религии и государства, религий между собой. От того, как, в каких формах будет происходить взаимодействие формирующихся государственных и политических систем стран ЦАР с религией, во многом зависит направление, динамика и стабильность их развития.

Думается, чтобы понять природу подъема исламского движения в Центральной Азии в первую очередь необходимо обратиться к изучению социальных аспектов развития ислама в регионе. Социальные корни исламизма в Центральной Азии уже привлекали внимание исследователей.⁶⁹ Однако религиозные позиции отдельных социальных, возрастных групп не рассматривались, хотя такие исследования могли бы существенно расширить знания о так называемом «исламском ренессансе» в Центральной Азии.

Может быть, наиболее интересной группой в свете изучаемой темы является молодежь. Трансформационные процессы, которые переживают сегодня Центрально–Азиатские общества, наиболее остро и динамично идут в молодежной среде, которая значительно быстрее адаптируется к экономическим и социаль-

---

69 Sergei Abashin, 'Sotsial'nye korni sredneaziatskogo islamizma (na primere uzbekskogo kishlaka)' [Social roots of Central Asian Islamism (on the example of the Uzbek *kishlak*)], in A. V. Malashenko and M. B. Olcott (eds), *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh obshchestvakh* [Identity and Conflict in Post-Soviet Societies], Moscow: Carnegie Endowment, 1997; Bakhtiyar Babjanov, 'The Fergana Valley: source or victim of Islamic fundamentalism?' in Lena Jonson (ed.), *Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia*, Stockholm, Swedish Institute of International Affairs, 1998, pp. 112–23.

ным изменениям, чем взрослые. Молодежь, как специфическая социально-демографическая группа совмещает в себе прошлое и будущее, возможное и действительное. Например, трудно переоценить роль молодежи в формировании будущего такой страны, как Таджикистан, если учесть, что она представляет собой самую большую группу населения страны. Согласно результатам Национальной переписи, проведенной в Республике Таджикистан (РТ) в 2000 г., средний возраст населения РТ равняется 22,8 годам, а люди до 29 лет составляют 70% населения страны.⁷⁰

Кроме того, известно, что именно в молодежной среде разветвляется деятельность экстремистских организаций различной ориентации, в том числе и религиозной. Распространение влияния нелегальной исламской партии «Хизб ат-тахрир» во всех странах Центральной Азии, возникновение новых подпольных групп «Джамаат», «Баят», появление невиданного для Центральной Азии явления – террористических актов с участием смертников-камикадзе, заставляют обратиться к изучению отношения молодежи к религии в социальном контексте изменений, происходящих в регионе в последние годы.

Основываясь на материалах опросов общественного мнения, проведенных в Таджикистане, интервью с молодыми верующими и представителями мусульманского духовенства, автор попытался в данной статье рассмотреть следующие вопросы:

- Изменения восприятия религии в молодежной среде.
- Ценностная значимость ислама для молодежи.
- «Умеренные» и радикалы в молодежной среде.
- Отношение молодежи и общества в целом к политическому исламу.
- Отношение молодежи к экстремистским религиозным течениям.

Материалами для статьи послужили данные опроса общественного мнения по религиозным проблемам, осуществлен-

70 *The Population of the Republic of Tajikistan 2000*, Dushanbe, State Committee on Statistics of the Republic of Tajikistan, 2002, p. 65.

ного в июне 2005 г., серия интервью, проведенная в Душанбе, Ходженте, Исфаре (Таджикистан), Ташкенте (Узбекистан), Оше, Баткене (Кыргызстан) в 2004 – 2005 гг. в рамках исследовательского проекта «Мусульманские лидеры в современном мусульманском обществе Центральной Азии», поддержанного Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.⁷¹ Были использованы также данные опросов общественного мнения Таджикистана, осуществленных Центром «Шарк» за последние 10 лет.⁷²

Политический ислам в Таджикистане

Территории, которые сейчас входят в Республику Таджикистан, многие столетия не только были частью мусульманского мира, но и являлись одними из центров исламской мысли, науки и культуры. Огромная духовная культура, созданная таджиками и узбеками в рамках мусульманской цивилизации, стала неотъемлемой частью, фундаментом общественного сознания в Таджикистане.

За годы существования в рамках СССР в результате миграций в Таджикистане появились представители различных народов и конфессий: православные, лютеране, католики, последователи других христианских вероучений, буддисты. Значительная часть некоренных жителей РТ была атеистами, однако для коренного населения РТ ислам в его своеобразном региональном варианте продолжал оставаться основой мировосприятия, образа жизни и в советское время. Несмотря на жесткий атеистический прессинг, ислам развивался в Средней Азии и в советский период. Традиция и преемственность никогда не пре-

---

71 *SHARQ, Public Opinion. Tajikistan. 2005. Dushanbe, SHARQ* – на правах рукописи. Опрос был проведен в июне 2005 г. по национальной репрезентативной случайной выборке, представляющей все слои населения Таджикистана, и охватил 1000 респондентов во всех регионах РТ.

72 Опросы проводились по национально репрезентативной выборке и охватывали от 1000 до 1500 человек в 90 населенных пунктах во всех областях Таджикистана. Выборка была осуществлена методом случайного отбора и имела кластерный, многоступенчатый характер.

рывались. Начиная с кокандских мулл, нашедших убежище в Восточной Бухаре в 20–30–е годы, через ишанов и ходжей, подерживавших опальных исламских интеллектуалов в 50–60–е гг., исламская богословско–правовая мировоззренческая мысль продолжала развиваться в различных формах, в том числе и в виде реформаторства. В ходе этого развития решались наиболее острые и злободневные вопросы существования ислама на территории Советского Союза: отношения ислама и власти, места ислама в обществе, места и роли исламских духовных лидеров в социальной и политической жизни общества.

Уже в преддверии распада СССР начался процесс возрождения ислама. Большинство населения, которое в советское время вынуждено было скрывать свои взгляды, получило возможность открыто продемонстрировать свою приверженность исламу.

Возникли политические исламские организации, которые приняли участие в вооруженной борьбе на одной из сторон межтаджикского конфликта, который разразился сразу же после распада СССР. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) вместе с Демократической партией и другими политическими организациями образовала Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО), которая в 1992 г. вступила в вооруженное противостояние с правительством Таджикистана. Пять лет вооруженного конфликта, длительный переговорный процесс закончились подписанием Общего соглашения об установлении мира и национального согласия между Правительством Республики Таджикистан (РТ) и Объединенной таджикской оппозицией 27 июня 1997 г. в г. Москве. Подписание Мирных соглашений 1997 г. стало началом активного процесса послевоенной реконструкции и реинтеграции, в котором исламское политическое движение приняло активное участие. Согласно Мирным соглашениям 30% высших должностей в стране должны были занять креатуры ОТО. Большинство этих лиц были членами или сторонниками ПИВТ.

Ключевую роль в мирном процессе сыграла Комиссия по национальному примирению, сформированная из представителей правительства и оппозиции. Вооруженное исламское движение и нерегулярные вооруженные формирования правительственной ориентации (Народный фронт) разоружились, распустив свои военные отряды. В 1999 г. был снят запрет с деятельности оппозиционных политических партий, входивших в ОТО, после чего начался трудный период перехода ПИВТ от военно-политического формирования к легальной политической партии парламентского типа. Исламисты приняли участие в первых постконфликтных выборах и получили два депутатских мандата. Свое место в легальном политическом процессе ПИВТ подтвердила на парламентских выборах в феврале 2005 г., когда исламисты также получили два парламентских места. В настоящее время Таджикистан – единственная страна в регионе, где религиозная исламская партия ПИВТ играет важную роль в политическом процессе и является одной из трех крупнейших политических партий.

Отношение к исламу. Религиозная активность молодежи

В советский период ислам доминировал в Таджикистане, однако невозможно даже приблизительно оценить численность верующих из-за отсутствия достоверных данных. Тем не менее, трудно сомневаться в том, что группа атеистов была достаточно многочисленной. Ситуация резко изменилась после распада СССР и обретения независимости. В 1996 г. по результатам Национального опроса общественного мнения в Таджикистане 97% респондентов сообщили, что являются верующими. При этом 90% всех опрошенных признали себя мусульманами, 4% — православными, 1% — последователями других религий, 2% — атеистами и 2% — затруднились ответить.⁷³ В июне 2005 г. признали себя мусульманами 95,4% респондентов, христианами различных толков — 3,5%, исповедующими дру-

73 IFES, Vagner, Steven, Public Opinion. Tajikistan. 1996, Washington, International Foundation for Election System, 1997, p.107. Опрос был проведен в декабре 1996 г., по национальной репрезентативной случайной выборке, представляющей все слои населения Таджикистана. Методом личных интервью в домах респондентов было опрошено 1500 респондентов во всех регионах РТ.

гию религию — 0,2%, атеистами — 0,5%, не исповедующими никакой определенной веры — 0,2%, затруднились ответить — 0,2%.⁷⁴

В советское время наибольшей религиозностью отличались представители старшего поколения. Среди молодежи уровень религиозности был значительно ниже. Это положение изменилось коренным образом. В настоящее время, судя по опросам общественного мнения, атеистов среди молодежи практически нет.

В советский период уровень религиозности зависел от образовательного уровня: чем выше уровень образования, тем меньше активно верующих. Это положение существенно изменилось. Теперь эта закономерность действует только в возрастных группах старше 25 лет. В младших группах уровень религиозности не зависит от образования. Более того, согласно данным опросов уровень религиозности у студентов выше, чем у пенсионеров.

Закономерностью постсоветского времени стал более высокий уровень религиозной активности молодежи, чем у взрослых, что является изменением традиционных норм поведения. В таджикском обществе традицией закреплено свободное отношение молодежи к соблюдению основных требований ислама, в частности к посещению мечети, ежедневной молитве, соблюдению поста, участию в религиозных обрядах. Принято считать, что все эти нормы станут обязательными для исполнения после перехода молодых людей в возрастную класс взрослых, домохозяев, отцов и матерей семейств.

Однако в последние годы молодые мусульмане Таджикистана относятся к соблюдению религиозных норм значительно более строго, чем их родители в молодости. Уровень их религиозной активности приближается к уровню религиозной активности 40-летних. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Одной из наиболее важных и обязательных для исполнения религиозных требований является молитва. Ежедневно совершают пятикрат-

74 SHARQ, Public Opinion. Tajikistan. 2005. Dushanbe, SHARQ – на правах рукописи.

ный намаз 12% молодых людей в возрасте 18–29 лет и 30% 40–49–летних, нерегулярно молятся 40% людей в возрасте 18–29 лет и 41% 40–49–летних.⁷⁵

Столь же важным требованием ислама является соблюдение поста в месяц Рамадан. Полностью соблюдают пост 64% людей от 18 до 29 лет, нерегулярно постятся 24% респондентов из этой группы. Для сравнения приведем данные по возрастной группе 40–49–летних. В этой группе полностью соблюдают пост 73%, нерегулярно — 18% опрошенных.⁷⁶

В постсоветское время кардинально изменилось отношение молодежи к посещению мечети. Если перед распадом СССР в Таджикистане функционировало 17 пятничных мечетей, то в настоящее время их в РТ 300. Только в 1–м полугодии 2005 г. открылись 6 новых пятничных мечетей.⁷⁷ Не менее важную роль, чем пятничные мечети играют квартальные мечети, которые стали центрами духовной, религиозной и социальной жизни общин. В настоящее время в Таджикистане функционируют более 3000 зарегистрированных квартальных мечетей и множество незарегистрированных мечетей. Они особенно важны для молодых людей, которые находят в мечетях необходимые им общение, возможность обсуждать волнующие их темы, получать информацию.

Мечети также являются организаторами благотворительности. Материалы опросов и интервью, проведенных в Душанбе в 2004–2005 гг., показали, что большинство мужчин, имеющих высокий и средний доход, регулярно жертвуют какую-то долю доходов на благотворительность через мечети.

Материалы проведенных исследований показали, что соблюдение религиозных предписаний молодежью в основном продиктовано чувством долга перед старшими членами семьи,

---

75 Там же.

76 Там же.

77 Salimakhon Vakhobzade, 'O religii' [On religion], in *Narodnaia gazeta* (Dushanbe), No. 31, 3 August 2005, p. 4.

давлением общества, которое требует выполнения тех или иных исламских предписаний как свидетельства принадлежности к той или иной социальной, возрастной и половой группе, и личными убеждениями. Последний фактор становится все более значимым, особенно в младших возрастных группах. Об этом свидетельствуют материалы опросов: 70% опрошенных сказали, что считают себя мусульманами, прежде всего потому, что родители были мусульманами. 15,4% считают, что ислам — это неотъемлемая часть национальной культуры. Они считают, что этнические таджики должны быть мусульманами, так как ислам — традиция, материнская культура и образ жизни таджиков. 7,5%, среди которых есть новообращенные, — русские и немцы, изучали ислам и сознательно приняли его как единственно верную религию. 6,4% вообще никогда не задумывались о том, почему они считают себя мусульманами⁷⁸.

Религиозное образование. Роль ислама в социализации молодежи

Большинство мусульман Таджикистана, кроме новообращенных, познакомились с исламом в своих семьях, и там же получили начатки религиозных знаний, касающиеся чтения Корана, догматики, обрядности, фикха, арабского языка. Дома получили религиозное образование почти половина опрошенных мусульман. При этом 23,3% учились у родителей, дедушек и бабушек, 13% получили религиозные знания дома у родственников, знакомых, соседей, частных вероучителей, связанных с учениками родством и принадлежностью к одной общине. Только 3,4% опрошенных мусульман получили религиозные знания вне своей семьи и общины. Из них 2% учились в мечети, 0,3% закончили медресе, 1,1% опрошенных женщин получили религиозные знания у биби-халифа (наставница, знаток мусульманской учености). 25,3% не получили религиозных знаний вообще.⁷⁹ Распространенность семейного религиозного образования, когда знания передаются в семье от старших родственников к млад-

78 SHARQ, Public Opinion. Tajikistan. 2003. Dushanbe, SHARQ (Национально репрезентативная выборка, 800 человек).

79 Там же.

шим, говорит о том, что, несмотря на атеистический прессинг в советское время, ислам и в то время оставался ключевым элементом культуры, мировоззрения, образа жизни в таджикском обществе. Только четверть респондентов (25,3%) росла в семьях, которые не могли или не считали необходимым дать религиозное образование своим детям.

Исключительна роль семьи в становлении молодых религиозных лидеров. Материалы интервью с молодыми муллами (священнослужителями), молодыми членами ПИВТ, активистами религиозных общин показали, что в социализации личности каждого респондента большую роль сыграли глубоко верующие родители или родственники. Особое воздействие оказали те родственники, которые обладали познаниями в области исламской учености. Выбор мировоззрения диктуется также семейными традициями и традиционно закрепленной принадлежностью к определенной сфере деятельности. Если в семье предки были муллами, факихами, кори-чтецами Корана, то эта традиция передается детям и в наше время.

Семейный характер, который религиозное образование приняло в Таджикистане в советский период, «уход» ислама в сферу частной жизни, в «невидимую», но исключительно важную часть жизни общества, способствовало тому, что глубокие мусульманские знания стали передаваться в основном в нелегальных частных религиозных школах – худжрах. В них преподавание ведет один наставник, как правило, известный своими знаниями священнослужитель. Это глубоко традиционная система религиозного образования, которая практически мало изменилась за тысячелетия своего существования.

Частное религиозное образование достигло пика своего развития в 80–90 гг. XX века. В период с 1980 по 1992 г. только в Центральном Таджикистане действовали достаточно крупные (в среднем по 50 и больше учеников) домашние религиозные школы, такие как школы Мавлави Мухаммаджона Хиндусто-

ни⁸⁰, домулло Эшонджона, Мулло Абдугаффора, Махсуми Садриддина, мулло Тохира, Эшони Имомуддина и его сыновей, (все в Душанбе). Славилась школа Эшони Киемиддина Гозиева в Газималикском районе (совр. Хатлонская область) и др.

В Северном Таджикистане исторически система религиозного образования была гораздо более развита, чем в остальной части Таджикистана. Она выдержала репрессии советского периода и, находясь в подполье, сохранила традиционный дух и форму. В советское время традиционные частные религиозные школы оставались практически единственным доступным средством получения глубоких религиозных знаний. Об их значении и роли в религиозном возрождении в Таджикистане говорит тот факт, что ведущие богословы и духовные лица Таджикистана, такие как Эшони Абдулхалилджон, Эшони Турадjon, Домулло Хикматулло Тоджикободи, Саид Абдуллохи Нури, Мухаммадшариф Химматзода, Эшони Абдулқуддус, Махсуми Исмаил Пирмухаммадзода, Эшони Нуриддин, Эшони Махмуджон, Домулло Абдулхай, Домулло Мухаммади, Домулло Махмадали Панджи, Амонулло Нематзода (председатель Совета улемов) и многие другие, получили религиозное образование у частных религиозных вероучителей. Этот факт сам по себе указывает на особую роль этой образовательной сети, которая осуществляла подготовку религиозных деятелей.

В настоящее время в систему официального религиозного образования в Таджикистане входят Исламский университет, двадцать исламских медресе, одна школа чтецов Корана и 2 подготовительных отделения. Тем не менее, сеть частного религиозного образования не потеряла своего значения и охватывает десятки частных домашних школ, кружков и курсов. Число учеников в таких школах в зависимости от возможности и авторитета учителя и наставника иногда достигает 150–200 человек одновременно.

«Переход» ислама в сферу частной жизни, семейную сферу способствовал сохранению роли ислама в социализации мо-

---

80 подробно см.: М.Олимов, С.Шохуморов. Мухаммаджон Хиндустони. Жизнь и деятельность.– в кн.: Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. Душанбе, 2003, с.83–102.

лодежи. Согласно результатам проведенных автором исследований основная масса мусульман Таджикистана социализируется как мусульмане в процессе взросления под воздействием семьи, микросоциума, в процессе образования, через вступление в брак и создание семьи. Адаптация молодежи и включение ее в социальную жизнь в современном Таджикистане означает и интеграцию в основные компоненты социальной структуры общества. Это означает также достижение определенного социального положения. Это связано не только с выбором профессии, но и с выбором религиозного мировоззрения и религиозного поведения, т. к. ислам в Таджикистане — это, прежде всего, образ жизни и социокультурный регулятор. С этой точки зрения становление молодого человека как «хорошего» мусульманина является важной частью в процессе социальной адаптации. По мнению, высказанному молодыми верующими, выполнение религиозных предписаний, участие в обрядах делает молодых людей взрослыми мусульманами. Молодые люди считают, что исполнение обрядов и норм знаменует их переход в старший возрастной класс. Они высказали мнение, что по мере взросления они должны все более строго соблюдать религиозные нормы, расширять свое участие в обрядах и религиозных праздниках.⁸¹ Это приобщает молодежь к жизни общины, социализирует их в качестве членов уммы, поддерживает стабильность социальной структуры общества, его культурной системы.

Важным признаком взросления с точки зрения участников интервью является знание предписаний, регламентирующих повседневную жизнь взрослого человека. Это долг, обязанности взрослых, выполнение которых делает человека полноправным членом общины, достойным уважения окружающих членом общества.

Говоря о выполнении религиозных предписаний, молодые люди четко осознают разность полоролевых моделей религиозного поведения и возлагают особую ответственность на мужчин в выполнении религиозных предписаний.

81 Серия интервью с молодыми религиозными активистами и муллами, проведенная автором в 2004–2005 гг.

В постсоветский период участие женщин в религиозной деятельности стремительно расширяется. Во многом это связано с общим падением статуса женщин в таджикском обществе. Все более сокращаются сферы деятельности, в которых поощряется участие женщин. Они имеют все меньше возможностей реализовать свои способности в публичной сфере, в общественной жизни, на производстве, получить образование, сделать карьеру. Поэтому для многих девушек деятельность в рамках ислама становится единственно возможной социально санкционированной сферой, в которой они могут добиться высокого статуса и реализовать свои способности. Материалы интервью с молодыми активистками ПИВТ показали, что они обладают лидерскими задатками, борцы по складу характера. Они стремятся повысить свой социальный статус и занять престижное место уважаемой в исламской умме женщины–знатока исламской учености.⁸²

Таким образом, при резком сужении возможностей для женщин в современном Таджикистане женщины начинают искать пути самореализации в исламе, пренебрегая ограничениями, накладываемыми на них правилами религии (правила ношения одежды хиджоб/чадра и т. д.).

Ценностная значимость ислама для молодёжи

Ценностная значимость ислама для молодежи очень высока. Ислам в таджикском обществе выступает как система ценностей, прежде всего моральных, убеждений, воззрений, делающих осмысленной жизнь индивидуума.

Материалы исследований показывают, что среди населения Таджикистана распространена точка зрения, что жить надо, соглашаясь с моральными ценностями, установками, нормами, зафиксированными в Коране, шариате и хадисах. Морально–

---

82 Интервью о студенткой медресе, 18 лет, Худжанд, октябрь 2004 г., заведующей типографией Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), 27 лет, апрель 2005 г., с журналисткой, сотрудницей исламского журнала «Найсон», 26 лет, апрель 2005 г.

нравственные ценности ислама представляются незыблемым моральным законом, а моральные законы связываются, прежде всего, с исламом.

С точки зрения участников интервью, быть «хорошим мусульманином/мусульманкой» – это поддерживать чистоту помыслов и деяний, что предполагает, во–первых, соблюдение моральных норм и законов, во–вторых, предписаний, регламентирующих как социальную, так и частную жизнь. С точки зрения молодых людей включение во взрослую жизнь – это постепенное освоение полного комплекса знаний о «чистой» правильной жизни, наполненной религиозным смыслом, и овладение навыками жить «правильно», сообразуясь с религиозно–нравственными нормами. Социализация человека как нравственного существа в Таджикистане осуществляется, прежде всего, в рамках религии.

Материалы исследований показали, что в молодежной среде Таджикистана ислам, прежде всего, выполняет функцию целеполагания, значения. Он предоставляет возможность осмыслить собственную жизнь и жизнь человеческого сообщества. Это очень важно в условиях, когда светские идеологии либо потеряли влияние на молодежь (например, коммунистическая идея), либо не имеют почвы для развития в данном обществе (либерализм). Мировоззренческие поиски являются одной из важнейших причин обращения молодежи к исламу.

14 лет независимости, на период которых пришлось взросление молодежи Таджикистана, были временем тяжелых испытаний, войны, голода, разрухи. При этом все произошедшее не было оправдано в общественном сознании рациональными причинами. «Взрослые», включая общественные науки, СМИ, официальную пропаганду, не смогли представить сколько–нибудь убедительное объяснение развалу СССР, гражданской войне в Таджикистане, разрушению экономики страны, высокой социальной цене экономических и политических реформ. В результате молодежь Таджикистана испытывает острую необходимость увидеть смысл своей жизни, соотнести человекес-

кое поведение с общим пониманием смысла жизни в контексте мироздания и общего порядка. Вера помогает молодым создать осмысленный контекст собственного существования, получить объяснение своему, часто негативному опыту. Религия дает молодежи такое понимание мироустройства, в котором несправедливость, страдание и смерть выглядят как имеющие значение в «конечной перспективе», дает веру в справедливость, в то, что следование моральным законам, в конечном счете, будет вознаграждено, а зло будет наказано, пусть и в загробном мире. Так ислам предоставляет поддержку, которая чрезвычайно важна в условиях, когда молодой человек имеет недостаточно возможностей влиять на ход событий, управлять собственной жизнью. Религия предоставляет свое понимание смысла жизни, которое заключено в промысле Божьем. Надежда, вера в конечную справедливость на этом или на том свете, в помощь Аллаха, которые предоставляет религия, являются противовесом отчаянию и безысходности. В то же время непонимание смысла происходящих событий, зачастую невозможность оказать влияние на события, определяющие ход жизни молодых людей, способствуют укреплению фатализма у молодежи.

Ислам также выполняет функцию идентификации. Молодым людям жизненно необходимо чувство принадлежности, укорененности. Ислам выступает для них в качестве основы культурной парадигмы, остается одной из важнейших составных идентичности, опережая по степени важности гражданскую и этническую идентичности. Более того, ислам входит в национальную идентичность в качестве ее интегральной части.

Уровень религиозных знаний

Исследования показали, что уровень религиозных знаний у основной массы верующих Таджикистана чрезвычайно низок. Круг религиозных знаний обычно ограничивается 5 догматами веры и одной–двумя сурами Корана. Все остальные религиозные знания зачастую носят мифологический характер и в основном основаны на устных рассказах родителей, старших родственников, соседей. Это в гораздо большей степени национальная

традиция, локальная культура и образ жизни, чем религиозные знания.

Об уровне религиозных знаний говорит тот факт, что 30,5% мусульман Таджикистана не знают, к какому мазхабу они относятся. В ходе опроса августа 2003 г. на вопрос о принадлежности к мазхабу только 69,5% опрошенных мусульман дали ответы на этот вопрос: 55,2% ответили, что они ханафиты, 1,7% указали, что они последователи Имоми Аъзама, 9,6% сообщили, что они исмаилиты, 2,9% ответили, что они сунниты.

Низкий уровень религиозных знаний сочетается с активными мировоззренческими поисками. Падение притягательности марксизма, отсутствие объективных факторов для распространения либеральных взглядов, выдвигают ислам в качестве доминирующего учения в постсоветском Таджикистане. Стремление к получению религиозных знаний, мировоззренческие поиски очень распространены, особенно в среде молодежи. В условиях невысокого уровня знаний среди значительной части мулл квартальных мечетей, консерватизма богословов, стремящихся сохранить, а не развить традицию, распространяются аномии, которые получают основание в виде мнимых исламских постулатов, изобретенных и используемых в своих целях неформальными лидерами различного толка. Все это ведет к распространению предрассудков, невежества, аморализма и подрыву общественного порядка. Такая ситуация особенно опасна в период трансформации политико-экономической модели, когда ломаются старые структуры и системы ценностей, а новые только нарождаются.

Изменения восприятия ислама в молодежной среде

Материалы опросов и интервью демонстрируют известное расхождение во взглядах на ислам среди взрослых и молодежи. Взрослые в основном поддерживают так называемый «народный» или «традиционный» ислам, т.е. взгляды, обычаи, нормы, основанные на Коране, шариате и народных традициях, которые регулируют жизнь человека и общества в целом. Народный ислам

унифицирует жизнь отдельного индивидуума, вводит ее в рамки, принятые в данном сообществе, подчиняет личность интересам общества. Народный ислам — всегда умеренный ислам, который стабилизирует и гармонизирует отношения общества и государства между собой, разделяя образ жизни, политику и идеологию на параллельные и не конфликтующие между собой потоки.

В молодежной среде все более распространяется несколько иное видение ислама, которое с одной стороны является продолжением взглядов родителей, а с другой стороны, является результатом глубоких социокультурных изменений, охвативших общество Таджикистана. Молодые люди гораздо больше ориентированы на индивидуализм, на индивидуальные духовные поиски. Они считают, что в обществе могут и должны быть различные взгляды на религию. При господствующей принадлежности к исламу люди имеют право принимать религиозную практику в том объеме, который они сами определили для себя.

Молодые люди считают, что надо различать людей, которые, соблюдая все религиозные нормы, не являются глубоко верующими, и людей, которые пренебрегают обрядовой, внешней стороной религии ради напряженной духовной жизни. Участники интервью отметили, что есть люди, которые не пришли к Богу, грешат и совершают аморальные поступки, но при этом выполняют все религиозные предписания и считают себя нравственными людьми, настоящими мусульманами.

Возрастной радикализм взглядов, юношеская бескомпромиссность не могут полностью объяснить критику молодежи лицемерием взрослых. В большинстве молодежных интервью было высказано мнение, что главное в религии – это внутренняя духовная жизнь, которая может выражаться или не выражаться в ритуально-обрядовой практике. Каждый конкретный человек должен вести индивидуальные духовные поиски, выбрав свой путь без насилия и принуждения.

Молодые люди рассказывали о своих разногласиях с родителями и старшими родственниками. Они считают, что взрослые

навязывают свою систему ценностей, модели поведения, способности социального действия, которые с точки зрения молодежи устарели, не соответствуют современности.

Серьезные конфликты между молодежью и взрослыми разворачиваются из-за одежды: это конфликты и из-за модной одежды, противоречащей традициям, и из-за одежды, строго соответствующей исламским канонам, но воспринимаемой взрослыми как экстремистский вызов общественному мнению.

Взрослые осуждают молодежь за следование «западным образцам», считая молодежную моду несовместимой с обликом добропорядочного таджика-мусульманина, но в то же время они недовольны, когда их дети отвергают традиционную одежду и надевают невиданные в Таджикистане черные покрывала.

Светское правительство, стремясь не допустить распространения экстремистских религиозных движений, негласно запрещает в государственных учреждениях, в учебных заведениях ношение хиджоба (покрывал), платков, мужской и женской одежды, привезенной из Саудовской Аравии и других арабских стран. Молодые исламисты, которые придерживаются коранических норм в одежде, испытывают дискриминацию из-за одежды в учебных заведениях, на работе, во взаимоотношениях с правоохранительными органами, представителями власти.

Я работаю в исламском журнале для женщин «Найсон». В наш журнал идет поток писем с рассказами, как женщин не берут на работу из-за платков, шаровар, или одежды, которую идентифицируют как исламскую, как студенток выгоняют из университетских аудиторий, школьниц исключают из школ по этой же причине.

Тяжелее всего положение сельских девушек. В младших классах девочки ходят без платков, они еще маленькие. В 5–6-м классе многие родители считают, что девочки уже подросли, им положено постоянно носить платок. Если девочка будет ходить в школу с непокрытой головой, то это позор для всей семьи, и ее

потом никто замуж не возьмет. Но учителя в школах насмеяются над этими ученицами. Девочкам стыдно, они отказываются ходить в школу. А родители даже рады, так как они используют труд девочек в домашнем хозяйстве, поручают присматривать за младшими детьми.

Правительство говорит, что у нас демократическое правовое государство. Если у нас демократия, то надо соблюдать права человека, в том числе право на выбор одежды. Нас учат, что демократия — это учет мнения народа. Наш народ привык носить платки и шаровары, и хочет и дальше это делать. Но нам говорят, что демократия — это короткие юбки, блузки без рукавов и стриженные волосы. Разве же это демократия?

Журналистка, 26 лет, Душанбе

В октябре 2005 г. министр образования Республики Таджикистан издал распоряжение о недопущении в общеобразовательные школы и другие государственные учебные заведения (ВУЗы, ССУЗы) девочек и девушек в платках, повязанных по арабскому образцу (хиджоб). Это вызвало общественную бурю возмущения, горячие дискуссии в СМИ, но, главное, начался отток школьниц и студенток из учебных заведений. В результате, государственная религиозная политика способствует ускорению происходящего в постсоветский период процесса падения образовательного уровня женщин. В краткосрочной перспективе это может способствовать радикализации части молодежи, а в долгосрочной перспективе создает почву для ретрадиционализации архаических форм религии и общественного сознания в целом.

Говоря о конфликтах с родителями, со старшими из-за одежды молодые люди отмечали, что внешний вид человека не всегда отражает суть его сознания, его душу. Можно коротко стричься, носить короткую юбку, модную одежду и, тем не менее, быть истинной мусульманкой или мусульманином. По мнению многих респондентов, главное – не переходить грань установившихся приличий, которые суть социальная норма. Итак, материалы исследований последних лет свидетельствуют о том, что религия претерпевает изменения в молодежной

среде Таджикистана. Она все в большей степени становится индивидуальным мировоззрением, нежели образом жизни и средством социального контроля. В этом моменте наблюдается глубокое расхождение между взглядами молодых и взрослых.

Молодые люди считают, что религия — это личное дело, это проблема индивидуального выбора, становления индивидуальных убеждений, мировоззрения, это право человека на собственное мировоззрение.

Каждый имеет право выбирать себе религию. Ученик средней школы, 16 лет, Душанбе

Постоянно возникавшая в ходе интервью с молодыми людьми тема недовольства взрослыми, говорит о серьезных противоречиях между старшим и младшим поколениями.

Можно предполагать, что молодежь испытывает давление общества, и хотела бы ослабить жесткий социальный контроль, уменьшить обязательность ритуально-организованного поведения, навязываемую старшими членами общества.

«Приватизация» религии, индивидуализация ислама как тенденция, отмеченная среди молодежи, отражает глубинные социокультурные сдвиги внутри общества Таджикистана, неспособность «народного» ислама удовлетворить новые интеллектуальные, духовные, социальные, политические потребности и интересы. Противоречие между распространяющейся среди молодежи ориентацией на индивидуализм и социальным контролем, поддерживаемым взрослыми, означает, что групповое сознание и солидарность вступают в противоречие с распространяющимся в ходе рыночных реформ индивидуализмом. Это способствует диверсификации исламских направлений, уменьшению роли «народного» ислама как средства социального контроля, что делает возможным активизацию радикальных исламистских движений. В то же время этот конфликт порождает религиозных лидеров нового типа — жестких людей, игнорирующих социальный контроль и общепринятые нормы, свободно манипулирующих сознанием и поведением своих последователей.

«Умеренные» и радикалы: социальное восприятие

В обществе Таджикистана достаточно ясно просматривается преобладание ориентации на умеренный ислам. Доказательством служит широкая общественная поддержка позиции правительства Таджикистана по отношению к антитеррористической кампании.⁸³

Республика Таджикистан активно участвует в борьбе с радикальной политической и террористической деятельностью. С ноября 2001 г. в Душанбе базируется контингент военнослужащих НАТО, обеспечивающих поддержку антитеррористической операции в Афганистане.

РТ также подписала Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности в 2000 г. РТ поддерживает деятельность Антитеррористического центра ШОС⁸⁴, сотрудничает со странами региона в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Тем не менее, позиция РТ в отношении политического ислама отличается от соседей по региону. Опыт гражданской войны, в которой исламское политическое движение было одной из сторон конфликта, заставил правительство и исламистов в Таджикистане вести диалог с целью найти удовлетворяющий общество компромисс.

Легальное существование политического исламского движения и его участие в политическом процессе Таджикистана резко снизило уровень радикализации в обществе, несмотря на крайне неблагоприятные социально-экономические условия, но в то же время поставило на повестку дня острейшие вопросы существования политического исламского движения в секулярном государстве. Попыткой решить их стала совместная работа

---

83 В июне 2005 г. 71,7% опрошенных поддержали участие руководства РТ в кампании по борьбе с международным терроризмом — SHARQ, Public Opinion. Tajikistan. 2005. Dushanbe, SHARQ.

84 Шанхайская организация по сотрудничеству.

исламских лидеров, правительственных лиц, ученых, представителей международных организаций в Группе по нахождению компромисса между исламистами и секуляристами, которая начала свою работу в 2001 г. и продолжает ее в настоящее время.⁸⁵

Данные опросов показывают, что социальная база радикализма любого толка в РТ неширока. Только 5% респондентов, участвовавших в опросе в июне 2005 г., сообщили, что могли бы присоединиться к политической группе, выступающей за изменение политического строя в РТ, и 0,9% выразили готовность в этих целях прибегнуть к насильственным действиям.⁸⁶

Поддержка политического ислама в молодежной среде так же невелика, как и среди других групп населения. В июне 2005 г. за Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) — единственную исламскую партию, действующую в РТ легально, проголосовали бы 3,2% молодых людей 18–29 лет (ср. с 3,4% 30–39-летних, 2,3% 40–49-летних, 9,3% 50–59-летних, и 7,7% людей старше 60-ти лет). Однако, несмотря на низкую популярность ПИВТ, более четверти опрошенных считают, что исламский проект мог бы стать основой для решения наиболее острых проблем, стоящих перед Таджикистаном. Согласно данным опроса 26% людей в возрасте 18–29 лет сообщили, что поддержали бы те партии, которые предлагают решать острые социальные, политические и экономические проблемы на основе законов ислама. Среди 30–39-летних таких людей 35,5%, среди 40–49-летних — 25,7%.⁸⁷

Материалы исследований показывают, что в обществе Таджикистана, несмотря на общее улучшение социального самочувствия, связанного с экономическим ростом и увеличением поддержки государства, существуют немногочисленные молодежные группы,

---

85 Подр. см.: SAIFERT, Arne and KRAIKEMEYER, Anna, *O sovместimosti politicheskogo islama i bezopasnosti v prostranstve OBSE. Dokumenti svetsko-islamskogo dialoga v Tadzjikistane*, Dushanbe, isdatelstvo «Divashtich», 2003.

86 *Public Opinion. Tajikistan. 2005*, op. cit.

87 Там же.

которые положительно воспринимают и оценивают исламский радикализм. Они отождествляют установление «исламского» порядка с социальной справедливостью, равенством всех перед законом, восстановлением правопорядка на шариатской основе.⁸⁸

Это группы молодежи, которые не видят перспективы при сохранении существующего общественно–политического порядка. Прежде всего, это безработная молодежь, которая потеряла перспективы, отчуждена от общества. Из–за безработицы молодые люди вынуждены длительное время находиться на иждивении родителей или родственников, что влечет за собой инфантильность, недостаток необходимых социальных навыков, отсутствие самостоятельности, страх перед будущим, отчаяние и безысходность.

Характерное для молодежи преобладание ориентира на группу сверстников ведет к тому, что образуются замкнутые молодежные группы безработных. Именно в этой среде разворачивается деятельность экстремистских обществ.

Маленькую, но заметную группу составляют также рыночные торговцы, мелкие предприниматели, работники в сфере малого и среднего бизнеса. Предпринимательство в Таджикистане поставлено в тяжелые условия существования. Недостаток законности и правопорядка, коррупция, тяжелый налоговый пресс не дают развиваться малому и среднему бизнесу, заставляют бизнесменов работать в полукриминальных условиях. Все это вызывает у предпринимателей острое недовольство существующим порядком в государстве. Поскольку светское управление не может или не желает улучшить положение в правовой сфере, обеспечить порядок и законность, то молодые предприниматели и торговцы обращаются к исламу, пытаются найти в нем регулятор социальной и деловой жизни.

---

88 Muzaffar A. Olimov and Saodat K. Olimova, 'Religious roots of terrorism and religious extremism in Central Asia', in Mahavir Singh (ed.), *International Terrorism and Religious Extremism: Challenges to Central and South Asia*, Kolkata, Maulana Abdul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2004, pp. 43–60.

Кризисное состояние общества, которое не предоставляет молодым возможности реализовать способности, закрывает для части молодых людей варианты стать «взрослыми», управлять своей жизнью, способствует тому, что отдельные группы молодежи видят единственный выход для себя в реализации радикального исламского проекта.

Отношение молодежи к экстремистским религиозным течениям

Согласно данным проведенных исследований население Таджикистана, в том числе молодежь, не считает деятельность религиозных экстремистских групп внутри страны серьезной угрозой для Таджикистана. Ни один из 1000 опрошенных в июне 2005 г. не назвал религиозный экстремизм в числе основных проблем, стоящих перед Таджикистаном.

Гораздо больше беспокоят молодых граждан Таджикистана безработица (22,3% опрошенных), тяжелая экономическая ситуация (16%), низкий уровень зарплат и других выплат (14%). Их также волнуют отключения электроэнергии, развал в системе образования, коррупция, наркобизнес.

Все участники интервью негативно оценили деятельность экстремистских религиозных течений. Несмотря на то, что молодежь представляет собой группу риска, усталость от войны, разочарование в силовых методах решения политических проблем, охватившие общество Таджикистана после гражданской войны, а также улучшение социально-экономической ситуации, наблюдающееся в последние 4 года, способствуют отказу от поддержки экстремистских идей.

Люди отвергли вооруженную борьбу, как метод достижения своих целей и не хотят признавать, что ислам дает возможность оправдать насилие. Молодые участники интервью предпочитают считать, что вооруженная борьба, которую вели исламисты в период гражданской войны, была вызвана незнанием, религиозной необразованностью либо преступным умыслом, направленным против ислама и мусульманского общества в целом.

В целом молодежь осуждает действия экстремистских группировок и считает, что религия — дело добровольное, и никто не должен навязывать другим свое мнение, образ мыслей и жизни. Большинство опрошенных высказали мнение, что глубоко верующий человек не имеет права держать оружие в руках. 91,4% молодых респондентов считают, что ислам — это религия миролюбия и понимания. Только 1,4% считают, что ислам — религия, которая допускает насилие. Остальные 7,2% затруднились ответить.

Отношение молодых людей к подпольной исламской организации Хизб ат-тахрир достаточно противоречиво. Оно складывается под воздействием правительственной пропаганды, информации о международном терроризме и борьбе с ним, собственного опыта и наблюдений. 51% молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет считают, что Хизб ат-тахрир представляет большую угрозу для Таджикистана, 18% — что это средняя угроза, 14% — небольшая угроза, 13% — что это экстремистское движение вообще не представляет угрозы, остальные затруднились ответить.⁸⁹

Большинство считают, что причиной распространения экстремистских идей является внешнее влияние, умелая агитация.

Самым распространенным среди молодежи взглядом на радикальный ислам и экстремистские группы исламской ориентации является мнение, что за экстремистами стоят определенные политические силы, которые используют подобные организации для решения собственных задач. Участники интервью считают, что экстремистские группы оплачивают услуги молодых людей, вовлекают в свою деятельность, пользуясь их бедственным положением.

В результате исламские экстремисты предстают всего лишь в качестве орудия проведения политики отдельных западных или восточных стран, направленной на достижение конкретных целей. Кроме того, сами исламские экстремисты оказываются в общественном мнении обманутыми людьми, которые по наив-

89 *Public Opinion. Tajikistan. 2005, op. cit., December 2003 survey.*

ности или по нужде попали в сферу влияния могущественных внешних сил.⁹⁰

Выводы

Ислам в Центральной Азии переживает очень сложный период подъема и быстрого развития. Освободившись от прессы государственного атеизма, ислам в ЦА находится в поисках своего места в духовной, социальной и политической жизни формирующихся новых независимых государств ЦА. В основании этого процесса лежат как духовные, мировоззренческие, так политические и социальные факторы. Политический ислам в Центральной Азии имеет глубокие социальные корни. Ухудшение социально-экономической ситуации, несбывшиеся ожидания, игнорирование жизненных интересов больших групп населения способствуют подъему политических исламских движений, которые предоставляют альтернативные предложения на политическом рынке и имеют ярко выраженную социальную окраску. Однако не менее важную роль в возрождении ислама, чем социальные и политические факторы, играют духовные мировоззренческие поиски в обществах Центральной Азии. Наиболее активно эти процессы идут в молодежной среде. В целом влияние ислама на молодежь очень велико и особенно значительно в районах, которые были ранее важными духовными и культурными центрами всего мусульманского мира – это территории современных Узбекистана, Таджикистана, южного Кыргызстана. Так же, как и для взрослых, ислам для молодежи в этих районах является системой моральных ценностей, основой культурной идентичности, образом жизни, социо-культурным регулятором социальной и частной жизни. Однако, в отличие от старшего поколения, ислам все чаще становится для молодежи осмысленным выбором, избранным индивидуальным мировоззрением. Распространяется начавшаяся значительно раньше в западном мире

---

90 OLIMOVA, Saodat et al., Governance, Youth Values and Life Styles in Central Asian Countries. Volume 2. UNESCO/MOST, Tashkent, 2001.P.115–117.

и отмеченная Р. Белла «приватизация религии»,⁹¹ т.е. процесс, при котором религиозные верования и религиозная практика становятся в большой мере делом личного выбора, частным делом индивидуума. Развитие в процессе политических и экономических реформ индивидуализма способствует изменению роли и места религии в обществе, создает возможность для индивидуального выбора мировоззрения и индивидуальных действий, не санкционированных традицией, социальным контролем и правосознанием.

Конечно, большая часть молодых людей ориентируется на умеренный ислам, который признает разделение светского и духовного и наделяет полномочиями управления исключительно светскую власть. В то же время трудности транзитного периода, исключительно высокая социальная цена реформ (социальная стратификация, обнищание значительной части населения, постсоветская инволюция экономики) способствует тому, что образуются группы населения, чьи интересы не могут быть удовлетворены в рамках существующих политических режимов и экономических моделей. В результате они начинают связывать удовлетворение своих интересов с радикальными исламскими проектами. Все это делает остро актуальной задачей необходимость перейти от попыток контроля к полноценному диалогу с исламом и с религией в целом.

Краткое резюме статьи

Ислам в Центральной Азии переживает очень сложный период подъема и быстрого развития. Освободившись от прессы государственного атеизма, ислам в ЦА находится в поисках своего места в духовной, социальной и политической жизни формирующихся новых независимых государств ЦА. В основании этого процесса лежат как духовные, мировоззренческие, так социальные и политические факторы. Политический ислам в Центральной Азии имеет глубокие социальные корни. Ухуд-

---

91 R. Bella, 'Sotsiologija religii' [Sociology of religion], in T. Parsons (ed.), *Amerikanskaia sotsiologija: Perspektivy, problemy, metody* [American Sociology: Prospects, Problems, Methods], Moscow, 1972, p. 89.

шение социально-экономической ситуации, несбывшиеся ожидания, игнорирование жизненных интересов больших групп населения способствуют подъему политических исламских движений, которые предоставляют альтернативные предложения на политическом рынке и имеют ярко выраженную социальную окраску. Однако не менее важную роль в возрождении ислама, чем социальные и политические факторы, играют духовные мировоззренческие поиски в обществах Центральной Азии. Наиболее активно эти процессы идут в молодежной среде. В целом влияние ислама на молодежь очень велико и особенно значительно в районах, которые были ранее важными духовными и культурными центрами всего мусульманского мира – это территории современных Узбекистана, Таджикистана, южного Кыргызстана. Так же, как и для взрослых, ислам для молодежи в этих районах является системой моральных ценностей, основой культурной идентичности, образом жизни, социо-культурным регулятором социальной и частной жизни. Однако, в отличие от старшего поколения, ислам все чаще становится для молодежи осмысленным выбором, избранным индивидуальным мировоззрением.

В статье рассматриваются следующие вопросы:

- Изменение восприятия религии в молодежной среде.
- Ценностная значимость ислама для молодёжи.
- «Умеренные» и радикалы в молодежной среде.
- Отношение молодежи и общества в целом к политическому исламу.
- Отношение молодежи к экстремистским религиозным течениям.

ОБРАЗОВАНИЕ, ТЕРРОРИЗМ И МНОГОСТОРОННИЙ ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Уэйн Нелс, директор–управляющий/старший ассоциированный сотрудник, «Ризерч энд консалтинг инк.»/Центр глобальных исследований Университета Виктории, Канада

Резюме

В настоящем докладе образование рассматривается как один из аспектов обеспечения гуманитарной безопасности в Центральной Азии, связанный с изучением причин возникновения терроризма и других форм насилия и способов их устранения. В нем затрагиваются концептуальные вопросы, проблемы политики и институциональные тенденции в свете меняющихся представлений о гуманитарной безопасности, особенно после событий 11 сентября в США. В порядке иллюстрации описываются внутренняя ситуация и меняющиеся геополитические факторы в странах и институтах Центральной Азии, а также влияние на них этих факторов. Среди проблем, касающихся проведения последовательной политики, международных дискуссий по поводу ислама, а также перспектив обеспечения безопасности в мусульманских странах перед лицом предполагаемых или вероятных угроз терроризма, главное внимание уделяется тем многосторонним проблемам, организациям и перспективам, которые связаны с образованием. В конце доклада излагается ряд соображений о совершенствовании проведения на местном и международном уровне совместных исследований деятельности по созданию потенциала в области обеспечения гуманитарной безопасности с уделением особого внимания вопросам образования, анализу проблем терроризма, предотвращению насильственных конфликтов и миростроительству в Центральной Азии.

Обсуждение вопросов гуманитарной безопасности, образования и терроризма: от Косова до Синьзяня

После нападений на Соединенные Штаты Америки, совершенных 11 сентября 2001 г., участники многих дискуссий, развернувшихся в средствах информации, в научных кругах и в рамках разработки правительственной политики, сосредоточили внимание на исламском экстремизме, выступая в поддержку ведения с ним войны под руководством военных в качестве одного из главных ответных действий, при этом Центральная Азия приобрела ключевое значение как поле битвы. Однако вопрос о том, каким образом образование⁹² следует рассматривать в качестве фактора, связанного с обеспечением гуманитарной безопасности и предотвращением терроризма, является сложным и заслуживает более тщательного изучения.⁹³ В настоящем докладе⁹⁴ рассматриваются проблемы Центральной Азии.

Для справки, в докладе Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) за 1994 г. вводится понятие гуманитарной безопасности и обращается внимание на «мягкие» или «нетрадиционные» угрозы безопасности отдельных людей в отличие от «жестких» угроз, требующих обеспечения безопас-

92 Под этим понимаются все виды формального и неформального образования, передача знаний и процессы или системы «обучения на протяжении всей жизни», подготовка кадров, научная или исследовательская деятельность в государственных или частных заведениях.

93 Вместе с коллегами я рассматриваю теоретические вопросы, результаты обсуждений и методы проведения тематических исследований в публикации: *Comparative education, Terrorism and Human Security: From Critical Pedagogy to Peace-building?* (New York, Palgrave-MacMillan Press, 2003).

94 При составлении настоящего доклада использовались материалы некоторых полевых исследований (сентябрь 2004 г. – март 2005 г. в Бангкоке, Исламабаде, Алматы, Париже и Джакарте). Финансирование обеспечивалось с помощью департамента министерства иностранных дел Канады, занимающегося Азиатско-Тихоокеанским регионом, а принимающим учреждением выступало Региональное бюро ЮНЕСКО по образованию для Азии и Тихого океана в Бангкоке. Но предлагаемый в настоящем докладе анализ является моим независимым исследованием.

ности или военной обороны национальных государств. С тех пор теоретические рамки и области применения варьировали от широкой концепции устойчивого человеческого развития («свобода от нужды») до более узкого понятия личной безопасности или идеи прав человека («свобода от страха») и подхода, основанного на обеспечении прав человека или соблюдении норм международного права.⁹⁵ «Предотвращение конфликтов» (об этом будет сказано особо в моих заключениях ниже) иногда рассматривается как особая подобласть деятельности по обеспечению гуманитарной безопасности. Однако мне представляется, что кризис 1998–1999 гг. в Косово и события 11 сентября в США, возможно, стали поворотными моментами, поскольку они привели к утверждению моделей обеспечения безопасности на основе насильственных военных операций или наращивания национального оборонного потенциала, отесняя на задний план и подрывая ценности, связанные с обеспечением гуманитарной безопасности. Сейчас образование является задачей так называемого «постконфликтного восстановления». Идея «ответственности за защиту», созревшая во время кризиса в Косово, стала нормой обеспечения гуманитарной безопасности.⁹⁶ Однако после Косово некоторые азиатские страны стали относиться с большим подозрением к применению подходов на основе «гуманитарной интервенции», осуществляемой под руководством военных. Они в какой-то мере воспринимали такие методы обеспечения гуманитарной безопасности, как стремление западных правительств оправдать вмешательство в их внутренние дела. В то же время некоторые азиатские страны, включая Японию (основного донора), Таиланд и Монголию, оп-

---

95 Данная проблема рассматривается в публикации Wayne Nelles, «Education, Underdevelopment, Unnecessary War and Human Security in Kosovo/Kosova,» *International Journal of Educational Development (IJED)*. Vol. 25. No. 1, (January 2005), pp. 69–84.

96 Этот вопрос рассматривается в статье Wayne Nelles, «Canada's Human Security Agenda in Kosovo and Beyond: Military Intervention versus Conflict Prevention,» *International Journal (of the Canadian Institute for International Affairs)*. Vol. 57, No. 3 (Summer 2002), pp. 459–479. См. также: *The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty* (December 2001). Размещено на сайте <http://www.iciss-ciise.gc.ca/Report-English.asp>.

ределяли понятие гуманитарной безопасности, исходя из собственных интересов.⁹⁷

Некоторые исследователи сегодня утверждают, что правительства азиатских стран, судя по всему, «прочно связаны парадигмой национальной безопасности»⁹⁸, что подтверждается увеличением военных расходов, особенно после событий 11 сентября. Тем не менее, постепенно образование все больше рассматривается как фактор обеспечения гуманитарной безопасности. Комиссия по гуманитарной безопасности обратила внимание на связанное с образованием насилие, подчеркнув необходимость ликвидировать неграмотность, расширить ограниченные возможности и закрыть школы, проповедующие нетерпимость и воспитывающие детей в духе «подстрекательства». Однако она предупредила, что «образование редко включается в повестку дня мероприятий по обеспечению безопасности», а также выразила обеспокоенность тем, что решение некоторых проблем тормозится борьбой против терроризма в условиях «хронического недофинансирования» сектора образования.⁹⁹ До сих пор исследования вопросов образования, терроризма и безопасности, а также их воздействия и более широких политических последствий для Центральной Азии¹⁰⁰ были весьма огра-

97 См.: Wayne Nelles, «Council for Security Cooperation in Asia Pacific (CSCAP) Comprehensive and Cooperative Security Working Group (Kuala Lumpur Meeting—November 2000)»; размещено на сайте <http://www.iir.ubc.ca/cancaps/cscap.html>. Тематическое исследование, см.: Wayne Nelles, «Meeting Basic Needs, Embracing the World and Protecting the State: Integrating Human and Traditional Security in the New Mongolia,» *Asian Perspective: A Journal of Regional and International Affairs*. Vol. 23, No. 3 (2001), pp. 207–245.

98 Цитируется по статье Amitav Acharya, «The Nexus Between Human Security and Traditional Security in Asia,» p. 80, в докладе *Human Security in East Asia: Proceedings International Conference on Human Security in East Asia 16–17 June 2003, Seoul, Republic of Korea in UNESCO*, Ed. (Seoul: Korean National Commission for UNESCO, 2004), pp. 77–101.

99 Комиссия по гуманитарной безопасности, *Human Security Now* (New York: Commission on Human Security, 2003). Образование фигурирует в большей части доклада как сквозная тема.

100 Регион Центральной Азии часто сужают до пяти теперь уже независимых бывших советских республик: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

ниченными, однако некоторые из них дают возможность проводить более широкое изучение на более богатом материале.

Даже в конце 1990–х годов некоторые политологи утверждали, что образование (или его отсутствие) может способствовать возникновению конфликтов или проявлению насилия. Один исследователь предположил, что это может происходить по причине все увеличивающегося разрыва между представителями элиты, которые могут учиться в частных школах или за границей, и недовольными массами, которые получают все меньший доступ к государственному образованию, когда правительства закрывают школы. Напряженность еще более возрастает вследствие того, что люди, получившие нежелательное (по мнению правительств или элиты) религиозное образование, распространяет свои идеи через прозрачные региональные границы.¹⁰¹ Другие исследователи указали на «социальную разобщенность», возникшую в результате утраты поддержки сис-

---

Однако в докладе, подготовленном для Комиссии по гуманитарной безопасности, говорится, например, что «Центральная Азия – это геополитическое пространство, простирающееся от Турции на западе до китайского Синьзяня на востоке и от России на севере до Ирана, Афганистана и Пакистана на юге». См.: Kathleen Collins, *Human Security in Central Asia: Challenges Posed by a Decade of Transition (1991–2002) Report for the Commission on Human Security (March 2002)*, p.1. Анара Табышалиева в своей работе «Этические, нормативные и образовательные рамки содействия гуманитарной безопасности в Центральной Азии» (июль 2005 г., проект вспомогательного дискуссионного документа, подготовленного для Конференции ЮНЕСКО–ОБСЕ в сентябре 2005 г. в Бишкеке) считает, что семь «станов» плюс Иран могли бы полнее всего определять границы региона, имеющего общие культурно–экономических и геополитических основы. Некоторые исследователи включают в этот регион и другие страны (например, Монголию), которые не подпадают под узкие политические характеристики (т.е. характеристики пяти бывших советских республик).

- 101 Обсуждение этой проблемы см.: Martha Brill Olcott, «Regional Cooperation in Central Asia and the South Caucasus,» pp. 134–135; Robert Ebel and Rajan Menon, Eds., *Energy and Conflict in Central Asia and the Caucasus*, (Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc./ National Bureau of Asian Research, 2000), pp. 123–144.

темы образования со стороны советских властей. По мнению Хейнемана, это расширило «возможности местных этнических и других группировок, иногда враждебно настроенных по отношению к традиционной власти, использовать школьную систему в качестве общинного инструмента взятия реванша за содеянную, по их мнению, несправедливость».¹⁰² Советские власти также беспокоились по поводу нежелательного «иностранного влияния» на образование, когда российские приоритетные задачи оставались нерешенными. По мнению многих исследователей, после периода «гласности» в 1980–х годах ислам пережил возрождение, после того как в системе образования появились и стали развиваться новые инициативы и институты. Расширились возможности получения трансграничного образования и усилились информационные потоки (миграция людей, идей, книг и институтов); при этом создавались образовательные институты на Западе и предлагались учебные программы за границей.¹⁰³

На этом фоне несколько усилилось внимание к проблеме гуманитарной безопасности после проведенных Комиссией по гуманитарной безопасности исследований и конференций¹⁰⁴, в ходе которых было отмечено снижение эффективности кампании по борьбе с неграмотностью и деятельности системы образования после 1991 г., поскольку меньшее число молодых людей стало получать базовое образование или проходить послешкольную или техническую подготовку. Главными причинами такого ухудшения являются недостаточное государственное финансирование и ограниченность ресурсов, выделяемых на

---

102 Цитируется по статье Stephen P. Heyneman, «One Step Back, Two Steps Forward: The First Stage of the Transition for Education in Central Asia», p. 4, в издании Stephen P. Heyneman and Alan J. Deyoung, Eds. *The Challenges of Education in Central Asia*. (Greenwich, Connecticut. Information Age Publishing, 2004), pp. 1–8.

103 Shirheen T. Hunter, with Jeffrey L. Thomas and Alexander Melikishvili, *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security* (Armonk, M.E. Sharpe, 2004), pp. 70–76.

104 Shirheen T. Hunter, with Jeffrey L. Thomas and Alexander Melikishvili, *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security*, Armonk, N.Y., M. E. Sharpe, 2004, pp. 70–76.

нужды государственного образования и на обеспечение равного доступа, когда вводятся непосильные для учащихся платежи, а учителя получают низкую заработную плату. Женщины и девочки могут оказаться в еще худшем положении, поскольку некоторые из них вынуждены заниматься «мягкой проституцией» (якобы для укрепления своей личной экономической безопасности, хотя это и угрожает их здоровью и подвергает опасности физической расправы), чтобы оплачивать учебу в школе, в то время как коррупция (при низкой зарплате учителей) остается проблемой, препятствующей доступу к образованию и успеваемости. «Утечка мозгов» еще более усугубляет эти проблемы, поскольку она ограничивает образовательные возможности местного населения. В то же время Коллинс, например, поднимая эту проблему, задается вопросом, всегда ли хорошо иметь высокий уровень образования, учитывая ограниченные возможности получения работы. Кроме того, с учетом событий 11 сентября, она задалась вопросом, не оказывает ли «слишком образованная городская и сельская элита поддержку радикальным исламским движениям...»¹⁰⁵.

В Центральной Азии вопросы взаимосвязи образования и терроризма обсуждаются также в контексте проблем региональной безопасности или «горячих точек». Образование и написание или преподавание истории – это особая проблема в Синьзяне, где сталкиваются интересы этнических меньшинств и некоторых сепаратистских движений, ущемляемые насаждением националистических ценностей и действиями китайских властей.¹⁰⁶ В сложившейся ситуации права человека и личная безопасность представителей уйгурского населения находится под угрозой, что может привести к насилию (как со стороны китайских властей, так и со стороны так называемых «террорис-

105 Shahrbanou Tadkbakhsh (Rapporteur), Roundtable on Transition and Human Security in Central Asia Ashgabad, Turkmenistan 22–24 April 2002. *Rapporteur's Summary for the Commission on Human Security*.

106 Linda Benson, «Education and Social Mobility among Minority Populations in Xinjiang,» Gardner Bovingdon with Nabijan Tursun, «Contested Histories,» в издании S. Frederick Starr, Ed., *Xinjiang: China's Muslim Borderland* (Armonk, NY, M.E. Sharpe, 2004), pp. 190–215; 353–374.

тов»). Другие исследователи утверждают, что Ферганская долина была или все еще остается «образовательным центром для фундаменталистов в Центральной Азии».¹⁰⁷

В некоторых полевых исследованиях по проблемам безопасности также уделяется внимание образованию. Международная кризисная группа (МКГ) указывает, что распад Советского Союза привел к увеличению числа проблем в области образования и проблем молодежи, в результате чего региональные, культурные и демографические факторы стали увеличивать риски политической нестабильности, конфликтов и религиозного экстремизма¹⁰⁸. МКГ отмечает, что при советской власти, несмотря на идеологический контроль и ограничение интеллектуальных свобод, уровень грамотности и доступа молодежи к школьному образованию достигал почти 100%, поскольку образование рассматривалось как первоочередная задача, решение которой способствовало национальной сплоченности. Кроме того, каждый имел относительную безопасность, с точки зрения занятости, и в конечном итоге был полностью трудоустроен. Сегодня, однако, молодежь меньше образована, выше уровень отсева учащихся в школах, возросли трудности с нахождением работы. Широко распространены такие проблемы, как высокая плата за обучение в школе или частных учебных заведениях, коррупция, низкое качество обучения, гендерные барьеры, дискриминация по языку, плохое содержание учебных программ, а также более ограниченный подход к получению образования, что привело к повышению уровня неграмотности и к снижению набора в школах. Критическое мышление и обсуждение проблем воспринимаются некоторыми правительствами, консервативными обществами и учреждениями высшего образования с подозрением. При этом политические идеи распространяются в требуемых учебниках и при приеме экзаменов. Под предлогом борьбы

---

107 Цитируется по статье Martha Brill Olcott, «Islam and Fundamentalism in Central Asia,» p. 33, в издании Yaacov Ro'i (Ed). *Muslim Eurasia: Conflicting Legacies* (London: Frank Cass, 1995), pp. 21–39.

108 From p. 33 of Martha Brill Olcott, 'Islam and fundamentalism in Central Asia,' in Yaacov Ro'i (ed.), *Muslim Eurasia: Conflicting Legacies*, London: Frank Cass, 1995, pp. 21–39.

с терроризмом в Узбекистане и Туркменистане, по-видимому, усиливается также подавление со стороны властей или непосредственный контроль над преподаванием ислама.¹⁰⁹

Материалы, касающиеся закрытия единственного университетского факультета по мусульманской теологии вследствие озабоченности по поводу распространения радикального ислама см.: «Clampdown on Islamic Teaching in Turkmenistan,» Institute for War & Peace Reporting, Central Asia, No. 401, (04 August, 2005)¹¹⁰.

В свете таких сложных и зачастую спорных взаимосвязей между образованием, терроризмом и безопасностью возникают следующие вопросы: Что должно беспокоить ведущие многосторонние организации? Как они рассматривают (или избегают рассмотрения) эту проблему? Какую политику или какие программы они предлагают или осуществляют? Сотрудничают ли они друг с другом или конфликтуют? Каковы последствия сотрудничества в обеспечении гуманитарной безопасности, преподавания и исследований? Теперь я хотел бы рассмотреть некоторые из этих проблем и провести сравнительный анализ.

Разные многосторонние подходы к терроризму, образованию и безопасности

В условиях вакуума, образовавшегося в изучении проблем безопасности в период после окончания «холодной войны», новые исследования сосредоточились на истории, геополитике, демократизации и культуре (в частности, ее исламских корнях) стран Центральной Азии. Одновременно некоторые исследователи рассматривали проблемы пяти независимых республик как уникальный «комплекс проблем региональной безопасности» в силу географической близости этих стран, общей культуры и

---

109 Материалы, касающиеся закрытия единственного университетского факультета по мусульманской теологии вследствие озабоченности по поводу распространения радикального ислама см.: «Clampdown on Islamic Teaching in Turkmenistan,» Institute for War & Peace Reporting, Central Asia, No. 401, (04 August, 2005).

110 ICG Asia Report N°66, (2003) Op Cit.

общих угроз и потребностей в области обеспечения безопасности¹¹¹. Взгляды на проблему безопасности стран Центральной Азии или на практическую деятельность подвержены также влиянию заинтересованных внешних институтов, отдельных стран, специальных союзов или более формальных объединений ряда стран. Идея «евразийского» регионального «управления обеспечением безопасности»¹¹² — это вспомогательная концепция, частично отражающая западные или европейские ценности и нормы, на которых строится нынешняя послевоенная международная система, а также убеждение в том, что она должна служить руководством в осуществлении межгосударственных отношений и внутренней политики. Однако наше понимание уникальных азиатских или даже исламских подходов к проблеме безопасности ограничено тем, что до сих пор появляются многосторонние модели развития региона (особенно те, авторы которых сомневаются в эффективности доминирующих на Западе многосторонних институтов после событий 11 сентября).

В настоящем разделе я сравниваю подходы многосторонних учреждений по обеспечению безопасности с различными взглядами на терроризм и подходами к образованию в Центральной Азии, которые показывают, что все они могут больше конкурировать, чем дополнять друг друга как катализаторы или провайдеры гуманитарной безопасности. Здесь я ссылаюсь на Комитет содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР–КСР), который назвал проблему «согласованной политики» (или ее отсутствия) одним из подходов учреждений или правительств. Доноры правительств государств–членов ОЭСР согласились даже с тем, что определенная политика может

---

111 Эта проблема рассматривается в работе Lena Jonson and Roy Allison, «Central Asian security: internal and external dynamics», p. 5, в издании Roy Allison and Lena Jonson, Eds. *Central Asian Security: The New International Context* (London/Washington: Royal Institute of International Affairs/Brookings Institution Press, 2001), pp. 1–23.

112 James Sperling, Sean Kay and S. Victor Papacosma (eds), *Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance*, Manchester University Press, 2003.

«препятствовать достижению целей развития»¹¹³. Полагаю, что цели обеспечения базового образования или специальных форм обучения или подготовки, направленные на предотвращение насилия и укрепление мира, могут быть поставлены под угрозу военной или оборонной политикой, даже если некоторые апологеты этой политики утверждают, что такая политика или такие инициативы укрепляют гуманитарную безопасность. Для иллюстрации рассмотрим четыре группы подходов, применяемых в 13 выбранных организациях, занимающихся проблемами безопасности.

Первая группа: Традиционные военные организации или организации коллективной безопасности

Первая группа включает в себя, прежде всего, организации военной или стратегической направленности, использующие развертывание войск, сбор разведывательной информации или создание союзов для оказания давления на другие страны или на их сдерживание. Это «традиционные» организации, обеспокоенные, прежде всего, обеспечением государственной безопасности. В данном случае я имею ввиду главным образом один евразийский, один западный и один азиатский союзы – Содружество независимых государств (СНГ), НАТО и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Все они имеют программы «борьбы с терроризмом», теоретическое обоснование или аналитическую поддержку для осуществления деятельности по оценке угроз и принятии ответных мер. По совпадению во главе каждой организации находится постоянный член Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Россия руководит СНГ, американцы доминируют в НАТО, а китайцы – в ШОС. После 11 сентября они стали сотрудничать, но ни одна из этих стран не стала бесспорным защитником гуманитарной безопасности. Все они обвиняются в нарушении прав человека или применении пыток, чему содействовала помощь в получении военного образования и прохождении военной подготов-

---

113 Цитируется по: OECD, *Shaping the 21st Century* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1996), p.18; материал размещен на сайте <http://www.oecd.org/dataoecd/23/35/2508761.pdf>.

ки или осуществление операций по борьбе с предполагаемыми террористами.¹¹⁴

По сравнению с НАТО, СНГ и ШОС пока не имеют сложных, разветвленных или влиятельных систем военного образования или подготовки¹¹⁵. Однако СНГ имеет более длительную и прямую заинтересованность в решении проблем терроризма в этом регионе, учитывая, что параллельной структуре – Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) уделяется все больше внимания, поскольку СНГ серьезно больно или, как утверждают некоторые, практически мертво.¹¹⁶ После захвата Кабула талибами в сентябре 1996 г. Россия, Центрально–Азиатские страны и Китай стали выражать все большее беспокойство по поводу религиозных экстремистских настроений, разжигающих сепаратизм и терроризм. К 1998–1999 гг. эта проблема оказалась в центре внимания ШОС и продолжала оставаться главной

114 Один из многих докладов, подготовленных после 11 сентября, см.: Human Rights Watch, «New Survey Documents Global Repression: U.S. Human Rights Leadership Faulted,» Human Rights News (14 January 2003); размещен на веб–сайте <http://www.hrw.org/press/2003/01/wr2003.htm>.

115 Однако ситуация может постепенно меняться. Китай, противодействуя проявлениям собственного предполагаемого «терроризма», особенно обеспокоен положением уйгуров в провинции Синьзянь, а также деятельностью Организации освобождения Восточного Туркестана. Используя ШОС, Китай руководит деятельностью по созданию нового антитеррористического и учебного центра для своих союзников в Центральной Азии. См.: «Jonathan Watts, «China turns war on terror to its strategic advantage,» Guardian Weekly, (16–22 September 2005), p.10.

116 Государствами–членами СНГ, основанного в 1991 г., являются: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина. ОДКБ, основанная в 1992 г., в 2003–2004 гг. стала превращаться в функциональную военно–политическую «организацию». Ее членами являются: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из этой организации в 1999 г. главным образом из–за разногласий с Россией. Более подробно см.: J. H. Saat, The Collective Security Treaty Organization Conflict Studies Research Centre, Central Asian Series (February 2005), (Swindon: Defence Academy of the United Kingdom).

проблемой ОДКБ. Заинтересованность России в ШОС частично объяснялась стремлением обуздать мусульманских экстремистов в СНГ, а также тем, что она рассматривала Китай как потенциально нового регионального союзника после войны в Косово, где западный союз НАТО, выступивший в поддержку албанцев, нанес значительный ущерб славянским интересам России и разгромил ее сербских союзников.¹¹⁷ Некоторые виды деятельности стран СНГ, ОДКБ и ШОС сводились к обмену конкретной разведывательной информацией или к «антитеррористическим» действиям, в то время как другие имели более косвенную или невоенную направленность, но не рассматривали образование как проблему, имеющую важное стратегическое значение. Связанная с этими структурами Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) приобрела более важное стратегическое (хотя в основном экономическое) значение, после того как в 2004 г. к ней присоединилась Россия (с целью остановить растущее влияние США), открыв военную базу в Таджикистане.¹¹⁸ Однако китайское региональное присутствие, а также влияние ШОС, по-видимому, становятся все сильнее, соперничая с Россией и дополняя ее усилия, и в скором времени будут включать осуществление программ образования и подготовки с помощью «азиатской организации наподобие НАТО»¹¹⁹, возможно, создавая более сложную военную проблему на оперативном уровне для западного блока НАТО, особенно для Соединенных Штатов Америки.

Ответная реакция Китая и России, а также ШОС понятна. Развертывание сил НАТО, расширение ее сферы влияния, осо-

---

117 Эта проблема рассматривается в публикации Hunter, 2004 Op. Cit., pp. 334–339, 396–7.

118 См.: Sergei Blagov, «Russia: Yet another Central Asian state,» Asia Times Online, (3 June 2004); размещено на сайте http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/FF03Ag01.html; и Farkhad Tolipov, «The Expansion of CACO: A Russian Offensive or a Central Asian Surrender?» Central Asia–Caucasus Institute Analyst (01 December 2004); размещено на сайте http://www.cacianalyst.org/view_article.php?articleid=2873

119 Fred Wier, 'Russia, China looking to form «NATO of the East»?', *The Christian Science Monitor*, 26 October 2005.

бенно американский «фактор», уже давно угрожают незападным государствам. В течение последнего десятилетия НАТО продвигалась вперед физически, расширялась путем принятия новых членов и развевывалась «за пределами своей зоны» в Восточной Европе и Западной или Центральной Азии. После 2002 г. в ее структуру был включен даже Совет НАТО–Россия – якобы для более тесного сотрудничества в борьбе с терроризмом и в решении других проблем. Но все это отчасти является также способом, позволяющим Западу удерживать Россию на своей стороне, если это возможно, а если нет, то довольно близко, чтобы следить за ее действиями, в то время как полное членство России в НАТО вряд ли когда-либо станет возможным. После событий 11 сентября НАТО стала уделять более пристальное институциональное внимание проблеме терроризма, включая беспрецедентное применение статьи 5 Устава НАТО, а затем бомбардировку Афганистана и вторжение в эту страну. В настоящее время образование в Афганистане является инструментом «постконфликтного восстановления» (некоторые исследователи рассматривают его по-разному – от инициативы по обеспечению «гуманитарной безопасности» до инвестирования в «национальную безопасность» стран–доноров), в использовании которого участвуют десятки учреждений или государства–члены НАТО. В то же время Соединенные Штаты Америки, возглавляющие НАТО, более широко освещают, как мы видим, такую полезную деятельность, как оказание односторонней помощи в предоставлении девочкам возможностей получить школьное образование, в обеспечении учебниками, подготовке учителей, содержании зданий и т.д., считая это вкладом в борьбу с терроризмом. Менее понятные, но, возможно, столь же важные результаты двусторонних исследований касаются Организации международного военного образования и подготовки (ИМЕТ), учитывая, что параллельно оказывается многосторонняя помощь структурам военного образования или подготовки через НАТО.

После событий 11 сентября Соединенные Штаты Америки создали новые военные базы в Узбекистане и Кыргызстане и расширили помощь ИМЕТ в Центральной Азии, игнори-

руя при этом сомнительные материалы по защите прав человека, обвинения в применении пыток и вероятность новых злоупотреблений,¹²⁰ и часто действуя с использованием инфраструктуры НАТО. В странах, не являющихся полноправными государствами-членами НАТО, США осуществляют под своим руководством программу «Партнерство во имя мира». НАТО утверждает, что «главная задача «Партнерства во имя мира» заключается в укреплении способности участников действовать сообща. Путем использования различных механизмов оно помогает участвующим странам подготовиться к совместным с силами НАТО операциям».¹²¹ Программа «Партнерство во имя мира» осуществлялась в тесном сотрудничестве с поддерживаемым американцами «Центрально-Азиатским миротворческим батальоном» (Centrasbat), который включал соединения из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана и уделял в своей деятельности большое внимание предполагаемым террористическим сетям. Относясь с уважением к проблеме «управления безопасностью», один из основателей программы «Партнерство во имя мира» считает, что она играет образцовую, уникальную, важнейшую и позитивную роль как наиболее эффективный многосторонний инструмент для опробования и совершенствования планов или усилий по решению нетрадиционных проблем обеспечения безопасности в регионе, а также для содействия развертыванию многосторонних сил. Сперо также считает, что эта программа снижает напряженность по отношению к проблеме американских односторонних усилий по борьбе с терроризмом, помогая при этом сохранять (а в конечно счете и усилить) НАТО.¹²²

---

120 Более подробно см.: Lora Lumpe. U.S. Foreign Military Training: Global Reach, Global Power, and Oversight Issues, Special Report, for Foreign Policy In Focus. (May 2002); размещено на сайте <http://www.fpif.org/papers/miltrain/index.html>.

121 <http://www.nato.int/issues/pfp>

122 Я не согласен с его утверждением. Но аргументацию см. на стр. 179–189 в статье Joshua B. Spero, «Paths to Peace for NATO's partnerships in Eurasia»; издание James Sperling, Sean Kay and S. Victor Papacosma, Eds., *Limiting Institutions? The challenge of Eurasian security governance*. (Manchester: Manchester University Press, 2003), pp. 166–184.

Связанными с этим (и уходящими корнями в эпоху «холодной войны») являются программы НАТО «Наука во имя мира» или «Безопасность через науку», целевые исследования проблемы борьбы с терроризмом, «психологические» и «информационные операции» и «публичная дипломатия». ¹²³ Все это иногда называется критиками «псевдообразовательной» пропагандой, которая противоречит ценностям гуманитарной безопасности или подрывает их. ¹²⁴ С другой стороны, что касается нацеленности программы «Партнерство во имя мира» на решение проблем безопасности, то некоторые государства–члены НАТО выступили с утверждением, что она является одним из инструментов обеспечения гуманитарной безопасности. Бывший министр иностранных дел Канады заявил даже, что программа НАТО «Партнерство во имя мира» «содействует демократии и, если говорить еще шире, обеспечению гуманитарной безопасности» и что «это новое понятие безопасности занимает центральное место в новой структуре НАТО», поскольку оно призвано помочь «заново построить» Косово и предотвратить новые конфликты в других странах. ¹²⁵ Однако остается спорным, действительно ли это делают НАТО или программа «Партнерство во имя мира» или как можно измерить успехи, достигнутые в Центральной Азии.

Вторая группа: Традиционные и альтернативные организации развития

Вторая группа многосторонних организаций включает в себя региональные или международные учреждения развития, нацеленные, прежде всего, на оказание финансовой или технической помощи (включая образование, исследования и подготовку). Некоторые из них преследуют цель прямо или косвен-

123 <http://www.nato.int/science/about/guide.pdf>

124 Wayne Nelles, 'American public diplomacy as pseudo-education: a problematic national security and counter-terrorism instrument', *International Politics: A Journal of Transnational Issues and Global Problems*, Vol. 41, No. 1, March 2004, pp. 65–93.

125 Lloyd Axworthy, «NATO's new security vocation,» *NATO Review*, Vol. 47, No. 4, (Winter 1999), p. 8–11; материал размещен на сайте <http://www.nato.int/docu/review/1999/9904-02.htm>

но предотвращать конфликты, поддерживать региональную стабильность или содействовать обеспечению различных прав человека или осуществлению программ по повышению уровня информированности общественности. Традиционные учреждения главным образом оказывают помощь государствам, в то время как альтернативные структуры в большей мере уделяют непосредственное внимание отдельным людям, НПО и «гражданскому обществу», иногда действуя более открыто или напрямую сотрудничая с общинами, своими «партнерами» или с местными руководителями вне рамок деятельности правительственных органов.

Не все в этой группе придерживаются одинаковых подходов к проблеме терроризма, однако в проведенном недавно ОЭСР–КСР исследовании потенциальных последствий политики в области развития предлагается оказывать большую поддержку социально–аналитическому изучению причин терроризма; образованию, содействующему терпимости и миру; новым формам диалога; расширению возможностей трудоустройства молодежи; улучшению «качественного образования» с целью обеспечения лучшего понимания роли разных религий (в частности, ислама); более вдумчивому отношению к содержанию/целям образования; а также устранению разрыва между традиционными ценностями и современностью через образование.¹²⁶ К этой группе относятся два крупных учреждения, занимающиеся главным образом азиатскими проблемами, и две международные организации. Двумя учреждениями, в основном занимающимися проблемами Евразии или Центральной Азии, являются программа Европейского союза TACIS и Азиатский Банк Развития (АБР). Всемирный Банк (ВБ) и ПРООН – это международные организации, осуществляющие региональную деятель-

---

126 Министры по сотрудничеству в области развития и руководители учреждений по оказанию помощи на своем совещании в Париже 22–23 апреля 2003 г. приняли соответствующие заявления относительно руководящих принципов. См.: OECD– DAC Committee. A Development Cooperation Lens on Terrorism Prevention: Key Entry Points for Action – A DAC Reference Document (Paris: OECD, 2003), pp. 8, 12–15, 21, 23.

ность. Третьим, менее известным, но символически важным международным учреждением, осуществляющим скромную деятельность в Центральной Азии, является Исламский Банк Развития (ИсБР).

Программа TACIS подходит к проблеме терроризма косвенно, через «гражданское образование», с целью решения таких проблем, как гражданство, права человека и его ответственность, финансируя некоторые образовательные НПО.¹²⁷ Начиная с 1997 г., исследования и конференции, проведенные при поддержке АБР, заложили определенную основу для осуществления программы «Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество» (ЦАРЕС), направленной на содействие экономическому росту, а также субрегиональному диалогу по вопросам политики в области гражданского образования, созданию сетей и многостороннему сотрудничеству. Одним из результатов был проект финансируемого АБР Института открытого общества (ИОО) «Центрально-азиатская сеть сотрудничества в области образования» (ЦА-ССО), направленный на расширение соответствующих связей и обменов.¹²⁸ Эти два учреждения занимаются главным образом вопросами образования, четко не увязывая их с терроризмом, однако участники сети ЦА-ССО (если это научные институты или органы, разрабатывающие политику) могут проводить соответствующие исследования или заниматься преподаванием.¹²⁹

---

127 Рабочее интервью 7 октября 2004 г. в Алматы с г-ном Джоном Пенни, первым советником и руководителем Политической и экономической секции Европейского союза (ЕС) при представительстве Европейской комиссии в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

128 Существует два проекта технической помощи (ТП), финансируемых АБР. Описание первого проекта см.: ADB, Subregional Cooperation in Managing Education Reform, (Manila, 2000); второго –: Asian Development Bank TAR-OTH 37288, Technical Assistance for the ADB-OSI Education Cooperation Network (October 2003); материал размещен на сайте http://www.adb.org/Documents/TARS/REG/tar_reg_37288.pdf

129 http://www.soros.org/initiatives/esp/focus_areas/caecn

Всемирный Банк (ВБ) применяет даже более широкий международный подход к ситуации в регионах Европы и Центральной Азии, оказывая поддержку в основном крупным проектам в области образования. Однако заявление бывшего президента ВБ Вольфенсона о том, что «исключение стран может порождать насильственные конфликты», предполагает, что оказание помощи для снижения уровня бедности в процессе развития может (косвенно) способствовать распространению терроризма,¹³⁰ имея при этом в виду более широкий контекст. ВБ не уделяет много внимания проблемам терроризма, целевому вмешательству для обеспечения гуманитарной безопасности или соответствующей аналитической работе. Однако его Отдел по предотвращению конфликтов и ликвидации их последствий ведет аналитическую работу по изучению роли образования в возникновении конфликтов или в их предотвращении.¹³¹ После недавнего назначения Вашингтоном во главе этого банка бывшего заместителя министра обороны Пола Волфовица – одного из главных архитекторов войны в Ираке, как части (противоречивой) антитеррористической стратегии Америки, – все еще не ясно, какую новую политику или стратегию может избрать Всемирный Банк.

ПРООН также не заостряет свое внимание на проблеме терроризма, однако Марк Мэллок Браун, бывший Администратор ПРООН, заявил, что терроризма «вполне можно избежать, ... если делать правильные шаги по решению проблемы гуманитарной безопасности во всех ее проявлениях».¹³² ПРООН, которая больше всех

130 James D. Wolfensohn, «Fight Terrorism and Poverty» Development Outreach: Putting Knowledge to Work for Development (Fall 2001). Материал размещен на сайте <http://www1.worldbank.org/devoutreach/fall01/special.asp>.

131 The World Bank. Reshaping the Future: Education and Postconflict Reconstruction (Washington: International Bank for Reconstruction and Development, 2005). Центральная Азия не рассматривается, хотя кратко упоминается Афганистан.

132 Mark Malloch Brown, «2005: Security or Poverty? America's Year of Choice» Statement by Mark Malloch Brown, UNDP Administrator to the World Affairs Council of Northern California, (13 December 2004). Материал размещен на сайте <http://www.undp.org/dpa/statements/administ/2004/december/13dec04.html>.

ассоциируется с идеей обеспечения гуманитарной безопасности, осуществляет специальную деятельность в связи с конфликтами через свое Бюро по предотвращению кризисов и восстановлению. Одной из первых инициатив был «предупредительный» анализ ситуации на Балканах по окончании «холодной войны», частично охвативший и образование.¹³³ С начала 1990-х годов Региональное бюро по странам Европы и СНГ (РБЕС) ПРООН отвечает за расширение географии этой деятельности, распространив ее на территорию бывших советских республик или регионы, и в настоящее время имеет «кластерное бюро» в Центральной Азии. В своем анализе положения, сложившегося после распада Советского Союза, ПРООН также указала на общие (среди прочих) проблемы в области образования в ходе своего участия в проведенной в 2002 г. в Туркменистане конференции по глобальному докладу Комиссии по гуманитарной безопасности.¹³⁴ Кальман Мижей, Директор РБЕС, подчеркнул, что роль ПРООН в Центральной Азии состоит в том, чтобы содействовать региональному сотрудничеству и укреплять региональные институты и структуры, включая осуществление совместных действий по борьбе с терроризмом, снижая при этом этническую и международную напряженность.¹³⁵ Предстоящий региональный доклад ПРООН по Центральной Азии будет также посвящен обеспечению гуманитарной безопасности.¹³⁶

Группа ИсБР, созданная в 1975 г., имеет Центрально-Азиатское региональное отделение в Алматы, которое действует с

---

133 См., например: Kosovo Early Warning Report #3 (April–May 2003), pp. 4–6; материал размещен на сайте http://www.kosovo.undp.org/Projects/EWS/ewrn3_eng.pdf; что касается Боснии, то см.: UNDP, Early Warning System Quarterly Report, July–September 2003, p. 7; материал размещен на сайте www.ews.undp.ba.

134 Shahrbanou Tadkbakhsh (Rapporteur) Roundtable on Transition and Human Security in Central Asia Ashgabat, Turkmenistan 22–24 April 2002 Rapporteur's Summary for the Commission on Human Security.

135 «Statement of Kalman Mizsei to the Human Security and Transition Round Table in Ashgabat 22–23 April 2002.» Материал размещен на сайте http://www.humansecurity-chs.org/activities/outreach/ashgabat_mizsei.html.

136 См. описание проекта и ссылки на сайте Central Asian Gateway и «Central Asian HDR corner» на сайте <http://www.cagateway.org/index.php?lng=1&hdr=CA&nu=201>.

1997 г. и охватывает пять бывших советских республик, включая представителей на местах, работающих в соседних Иране и Пакистане. Хотя ИсБР не занимается вопросами терроризма и не ведет классических дебатов по проблеме безопасности, он предлагает модель развития общества с учетом культурных особенностей для поддержания образования и исследований в области экономики исламских стран и законов шариата. Большая часть деятельности осуществляется на международном уровне и в Центральной Азии через Институт исламских исследований и подготовки кадров (ИРТИ) ИсБР, который был основан в 1981 г.¹³⁷ Однако помимо настоящей работы, необходимо провести больше исследований, чтобы лучше понять роль ИсБР или ИРТИ в определении различных видов исламской культуры, а также каких-либо воздействий на системы государственного или частного образования или региональную и гуманитарную безопасность.

Третья группа: Нетрадиционные (невоенные) организации безопасности

Третья группа многосторонних организаций включает в себя учреждения, созданные, прежде всего, как организации безопасности с «гуманитарным уклоном», действующие в Центральной Азии, где укрепление доверия, ценности сотрудничества, «мягкая дипломатия», предотвращение конфликтов и миротворческие аспекты безопасности имеют очень большое значение и где эти организации в той или иной мере могут включать в себя конкретные институты или программы образования, предусматривающие невоенную деятельность. Есть две такие организации: ОБСЕ под западным руководством и Конференция по взаимодействию и мерам доверия в Азии (КВМДА). Они применяют одинаковые подходы к некоторым ценностям, но сильно отличаются друг от друга, с точки зрения имеющихся ресурсов и масштабов деятельности. ОБСЕ старше и институционализи-

---

137 Более подробно см. на сайтах www.isdb.org и www.irti.org. ИсБР также разделяет некоторую часть сходных полномочий и сфер руководства с ОИК и ИСЕСКО, деятельность которых будет рассмотрена ниже.

рована. Хотя она, как и СБСЕ, была создана в годы «холодной войны», в настоящее время ОБСЕ имеет разветвленную сеть отделений, осуществляющих полевые операции и программы, ряд из которых посвящен образованию. КВМДА – это скорее многообещающий союз, созданный по окончании «холодной войны» (наподобие СБСЕ в ранние годы), чем организация, институционализированная на местном уровне.

За последнее десятилетие присутствие ОБСЕ на Балканах, в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии сильно возросло. Насчитывая в настоящее время в своем составе 55 государств-членов, представляющих Запад, Восточную Европу (включая Россию), а теперь уже и несколько азиатских стран, она частично отражает «евразийскую» идентичность. Широкая деятельность ОБСЕ в области образования в духе защиты прав человека, создания потенциала и подготовки кадров вообще и в области анализа конфликтных ситуаций и умения разрешать проблемы, в частности, рассматриваются как вклад в предотвращение конфликтов.¹³⁸ ОБСЕ (совместно с местными органами власти, заинтересованными сторонами и международными НПО) уделяет особое внимание образованию как аспекту обеспечения безопасности и инструменту предотвращения конфликтов или миротворческой деятельности, широко используемому на Балканах.¹³⁹ Кроме того, ОБСЕ выделила определенные средства на осуществление анализа тенденций и извлечение уроков из такой деятельности.¹⁴⁰

138 Monika Wohlfeld, 'The OSCE as a primary instrument of conflict prevention in Europe: frameworks, achievements, and limitations of the OSCE's preventive action', in Albrecht Schnabel and David Carment (eds), *Conflict Prevention: From Rhetoric to Reality: Vol. 1. Organizations and Institutions*, Lanham, Md., Lexington Books, 2004, pp. 167–205.

139 Blair Blackwell, «Investing in the future of BiH: Security and education are a 'natural fit'», *OSCE Magazine*, Vol. 1, No. 2, May 2004, pp. 4–5. Одно научное тематическое исследование, особо останавливающееся на ОБСЕ, см.: Wayne Nelles, «Bosnian Education for Security and Peace-building», *International Peacekeeping*, a Frank Cass Journal (в печати).

140 Следует особо отметить: CPC Project Coordination Cell, OSCE Conflict Prevention Centre. *Review of OSCE Education Activities*, CIO/GAL 112/04 RESTRICTED, (Центр предотвращения

В настоящее время ОБСЕ расширяет свою деятельность на Центральную Азию, осуществляя там несколько новых инициатив, направленных на создание регионального потенциала, позволяющего более конструктивно разрешать всевозможные конфликты (включая проблемы терроризма) с использованием образовательных средств. В данном случае имеется ввиду Академия ОБСЕ в Бишкеке, которая была создана в 2003 г. и является теперь местным партнером, принимающим нашу региональную конференцию, проходящую под эгидой ЮНЕСКО. Пока деятельность ОБСЕ, касающаяся «военно–политического аспекта», включает семинары по вкладу, как она утверждает, религиозных свобод в «предотвращение экстремизма и терроризма».¹⁴¹ ОБСЕ поддерживает также различные проекты по предотвращению конфликтов, побуждая молодежь Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана сотрудничать с ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, УВКПЧООН и другими организациями. Один проект был направлен на «содействие межкультурному диалогу среди молодежи путем распространения идей культуры мира и терпимости, культурного многообразия, прав человека и демократии», а другой — на «содействие критическому мышлению» в связи обсуждением проблемы гуманитарной безопасности с использованием модели Организации Объединенных Наций.¹⁴² Новая Академия ОБСЕ поддерживает также различную деятельность в области образования и подготовки, отмечая, что ее стержнем являются «исследования, предусматривающие практическое использование их результатов и учитывающие потребности».

конфликтов ОБСЕ, 24 ноября 2004 г.), где рассматриваются различные виды образования (создание потенциала, повышение уровня осведомленности, образовательные курсы) с бюджетной разбивкой по четырем субрегионам (Центральная Азия, Кавказ, Восточная Европа и Юго–Восточная Европа) и Секретариат; а также различные «аспекты» (экономический и природоохранный, гуманитарный и множественный) или тематическая деятельность.

141 *Annual Report on OSCE Activities 2003*, Vienna, Organization for Security and Co–operation in Europe, 2003, p. 113.

142 «Central Asian Youth Camp in Co–operation with UNESCO,» OSCE Project Document, (8 April 2003). Материал размещен на сайте http://www.osce.org/osceprojects/show_project.php?id=426.

Одним из ее первых проектов был проект «Образование и этническая принадлежность в Центральной Азии»,¹⁴³ который имеет некоторое отношение к взаимосвязанным понятиям «образование» и «социальное единство», о чем говорилось выше.

В Центральной Азии нет подобных институтов, однако в ходе Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в 1992 г. Казахстан заявил о своем лидерстве в регионе, объявив о создании КВМДА, частично по образцу ОБСЕ. В настоящее время КВМДА включает 16 государств-членов, расположенных в Центральной Азии или по соседству.¹⁴⁴ КВМДА с новой силой проявила себя как жизнеспособный проект во время международного коллоквиума «Азиатская безопасность в контексте созыва КВМДА», проведенного 21–22 октября 1998 г. в Алматы. Высшее образование (с учетом присутствия местных или международных представителей различных научных и исследовательских центров и институтов) сыграло определенную роль в развитии КВМДА более конкретной концепции в условиях, когда в ходе начавшегося диалога между исследователями и другими участниками этого процесса стали изучаться идеи создания новой системы региональной безопасности. Позже министры иностранных дел стран-членов КВМДА встретились в

---

143 «The Second Regional Model United Nations Conference on Human Security in Central Asia, Project Document,» OSCE in Partnership with Centre for Democratic Education (28 March 2002). Материал размещен на сайте http://www.osce.org/osceprojects/show_project.php?id=179.

144 Государствами-членами являются: Азербайджан, Афганистан, Египет, Израиль, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Палестинская Национальная администрация, Российская Федерация, Таджикистан, Турция и Узбекистан. Монголия вступила лишь в 2001 г. Странами-наблюдателями являются: Вьетнам, Индонезия, Ливан, Малайзия, Соединенные Штаты Америки, Таиланд, Украина, Южная Корея и Япония. В работе участвуют также такие международные организации как ООН, ОБСЕ, Лига арабских государств и другие. См.: «Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia: History of Success.» Материал размещен на сайте <http://www.kazakhembus.com/CICA.html>.

Алматы в 1999 г. и приняли «Декларацию о принципах».¹⁴⁵ Что касается образования, то государства-члены КВМДА обязались «развивать сотрудничество, основанное на взаимных интересах в экономической, социальной, гуманитарной, природоохранной, информационной, научной и культурной областях», подчеркнув при этом «территориальную целостность» своих государств, неприменение силы или угрозы силой в отношениях между ними, а также «невмешательство во внутренние дела» государств-членов. Вместе с тем государства-члены КВМДА обязались уважать, защищать и поощрять права человека и основные свободы, считая их вкладом в укрепление политической и социальной стабильности и мира. Антизападный подход КВМДА получил новую поддержку после бомбардировки и оккупации силами НАТО Косово несколько месяцев ранее. Россия (отстраненная от принятия решений западным блоком НАТО) и Китай (авиация НАТО подвергла бомбардировке его посольство в Белграде), будучи ведущими государствами-членами КВМДА, являются противниками интервенционизма.¹⁴⁶ Репутация самой ОБСЕ была подорвана в Косово во время войны 1999 г.¹⁴⁷, поэтому КВМДА представляется сейчас новой азиатской альтернативой.

КВМДА оказывает последовательный отпор «терроризму», при этом каждое государство само определяет, какие люди или группы людей могут называться террористами,¹⁴⁸ даже несмотря

---

145 «Декларацию о принципах, регулирующих отношения между государствами-участниками КВМДА» (сентябрь 1999 г.), а также другие документы см. на сайте правительства Казахстана <http://www.kazakhembus.com/Declaration.html>.

146 Более широкие исследования могут оказаться полезными для изучения процесса принятия решений в то время, а также произошедшей с тех пор эволюции идей членов этой организации.

147 Мои собственные критические замечания в отношении неудачной западной дипломатии (включая провалившиеся Соглашения по образованию) см. в: Nelles, Op.Cit. (2002 and 2005).

148 КВМДА выразила солидарность с Кыргызской Республикой в ее действиях против тех, кого она назвала «террористами», например, в «Заявлении государств-членов Конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии (КВМДА) по положению в Кыргызской

на широкое международное и (пресекаемое) внутреннее обсуждение этих вопросов гражданским обществом. В 2002 г. КВМДА еще более уточнила свои взгляды. Она предложила считать, что сам терроризм — это «прямое нарушение прав человека, в частности, прав на жизнь, свободу, безопасность и развитие», подчеркнув, что КВМДА «выступает против использования борьбы с терроризмом в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела суверенных государств». Однако в отношении предполагаемых угроз терроризма КВМДА подчеркнула, что «терроризм не может приписываться религии, национальности или цивилизации». В 2002 г. на первой встрече КВМДА на высшем уровне ее участники напомнили, что Евразия – это «колыбель» и «мост» между крупнейшими мировыми цивилизациями, и обязались «широко и активно содействовать» выполнению резолюции ГА ООН A/RES/56/6 о диалоге между цивилизациями.¹⁴⁹ Одним из контекстов для появления такой инициативы были широко распространяемые западными исследователями теории «столкновения цивилизаций» и выдвигаемые ими обвинения против исламской цивилизации (культурный центр которой находится в Центральной Азии) в отсталости и угрозе Западу, особенно после событий 11 сентября. Идея «диалога между цивилизациями» имеет также культурные и образовательные аспекты проблемы обеспечения гуманитарной безопасности (это будет рассмотрено ниже).

Еще не ясно, что означают такие тенденции и противоречия для долгосрочной нетрадиционной и невоенной повестки дня в области обеспечения гуманитарной безопасности в Центральной Азии. Судя по всему, одна из пяти основных стран этого региона – Казахстан – больше всех заинтересована в продвижении многосторонних подходов к предотвращению конфликтов и проведению стратегических исследований. Выступление Прези-

---

Республике (14 сентября 1999 г.). Материал размещен на сайте <http://www.kazakhembus.com/CICAStatement.html>.

149 *CICA Declaration on Eliminating Terrorism and Promoting Dialogue among Civilizations*, 4 June 2002, Kazakhstan News Bulletin, Embassy of The Republic of Kazakhstan (http://www.kazakhembus.com/CICA_Declaration.html).

дента по проблеме терроризма (после убийства детей в Бесланской школе в 2004 г.), а также другие проблемы обеспечения безопасности потребовали реформы Организации Объединенных Наций, включая создание Совета региональных организаций и «Центрально-Азиатского центра превентивной дипломатии».¹⁵⁰ Однако по непонятным причинам КВМДА до сих пор считает терроризм главной угрозой государствам-членам (иногда связанной с проблемами сепаратизма, о чем также говорится в заявлениях ШОС), а не угрозой личности. Некоторые государства-члены КВМДА обвиняются в нарушении прав человека в отношении предполагаемых террористов, а также в еще более жестком подавлении (в сфере образования) академических свобод или активности учащихся в условиях возглавляемой США «войны с терроризмом».¹⁵¹ Кроме того, КВМДА открыто не призывает изучать причины терроризма (сомнительная необходимость исследований в области обеспечения гуманитарной безопасности), чтобы ускорить принятие решений. Стремлению Казахстана содействовать региональной направленности КВМДА в действительности предшествовали усилия Китая возглавить деятельность ШОС, поэтому, хотя две эти организации дополняют друг друга, они все же еще и соперничают.

Четвертая группа: Организации развития на основе образования или нетрадиционные (невоенные) организации безопасности

Эта четвертая группа включает в себя организации в области образования, занимающиеся главным образом вопросами коллективной, общественной или гуманитарной безопасности, проблемами детей и молодежи, а также образовательными и более общими подходами к терроризму и другим распро-

---

150 Выступление Его Превосходительства г-на Касымжомарта К. Токаева, министра иностранных дел Республики Казахстан, на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке (24 сентября 2004 г.)

151 См., например: Human Rights Watch, «Academic Freedom», выдержки из World Report 2002; материал размещен на сайте <http://hrw.org/wr2k2/academicfreedom.html>

страненным формам насильственного конфликта на основе исследований, учитывающих культурные особенности и необходимость ведения диалога. В отношении Центральной Азии я выбрал следующие три организации: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и аналогичное мусульманское учреждение – Исламскую организацию по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО).

Деятельность ЮНИСЕФ вообще и в регионах Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств (ЦВЕ/СНГ) направлена на обеспечение прав детей и их базового образования, особенно девочек, а также на их физическую защиту от насилия и злоупотреблений. На сессии Исполнительного совета ЮНИСЕФ в 2004 г. Исполнительный директор Кароль Беллами сказала, что антитеррористическая деятельность «отвлекла ресурсы и политическую волю» от важнейшей деятельности в области развития и что «гуманитарная безопасность не означает лишь отсутствие войны и терроризма». Она подчеркнула, что гуманитарная безопасность детей позволяет им достичь совершеннолетия «в условиях мира, охраны здоровья и уважения достоинства», получая при этом бесплатное начальное образование, имея доступ к чистой воде, проживая в надлежащих санитарных условиях и избегая опасности смерти вследствие заболевания корью или малярией. Однако, учитывая угрозы террористов в адрес персонала Организации Объединенных Наций, она подчеркнула также необходимость укрепления «партнерских связей» для осуществления коллективной деятельности по защите детей.¹⁵²

Без проведения более тщательных исследований не ясно, какие ресурсы отвлекаются на борьбу с терроризмом в Центральной Азии за счет обеспечения безопасности детей. Однако программы ЮНИСЕФ сейчас составляются на основе обеспокоенности существенным сокращением затрат на образование

---

152 UNICEF Executive Board, Session updates (June 2004); материал размещен на сайте http://www.unicef.org/about/execboard/index_23581.html

после распада Советского Союза, бедности, ограничивающей возможности получения школьного образования, развала инфраструктуры, нехватки оборудования и учебников, дискриминации девочек в процессе обучения и нехватки квалифицированных преподавателей.¹⁵³ ЮНИСЕФ ставит перед собой задачи осуществления Конвенции о правах ребенка 1989 г. и достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия (ЦРТ), 2000 г., внося конкретный вклад в обеспечение гуманитарной безопасности путем удовлетворения индивидуальных потребностей ребенка, обеспечения возможности получения школьного образования, а также уменьшения угроз здоровью детей, их жизни или благополучию. Эта деятельность включает нахождение альтернативных выходов для детей, ставших жертвами насилия, или для лиц, прибегающих к насилию (включая терроризм), там, где происходит общинный конфликт или осуществляется послевоенное восстановление.¹⁵⁴ ЮНИСЕФ также участвовал в заседании Комиссии по гуманитарной безопасности в 2002 г. в Ашгабате (Центральная Азия), однако широкого участия в обсуждении вопросов гуманитарной безопасности или терроризма не принимал.¹⁵⁵

Кроме ЮНИСЕФ, который главное внимание уделяет детям, наиболее очевидными полномочиями, увязывающими вопросы образования, терроризма и безопасности, среди учреждений Организации Объединенных Наций обладает ЮНЕСКО. В учредительном Уставе ЮНЕСКО говорится, что, поскольку войны начинаются «в умах людей», а также вследствие незнания

153 <http://www.unicef.org/ceecis/education.html>

154 Canada played a role in strengthening UNICEF's mission and advancing related discussions in the UN Security Council on war-affected children and those in other forms of armed conflict as part of its own foreign policy agenda, noting that this was 'a human security priority'. Canada hosted an international conference on 'war-affected children' with a UNICEF partnership (<http://www.waraffectedchildren.gc.ca/menu-en.asp>). Also see *Canada and UNICEF Announce New Partnership to Protect War-Affected Children*, News Release, Gatineau, Quebec, Canadian International Development Agency, 29 May 2000.

155 One UNICEF representative attended from the Almaty office. See list of participants (http://www.humansecurity-chs.org/activities/outreach/ashgabat_participants.html).

обычаев и образа жизни других людей, «защита мира» должна строиться на образовании. ЮНЕСКО была учреждена как часть глобальной системы коллективной безопасности, и в течение шести десятилетий олицетворяла явно невоенное представление о мире, имеющее образовательную направленность. После недавних событий ЮНЕСКО также активизировала рассмотрение вопросов гуманитарной безопасности или терроризма, разработав соответствующие программы. В международном масштабе ЮНЕСКО (руководя своей деятельностью из Парижа) способствует усилиям по обеспечению гуманитарной безопасности и «диалога цивилизаций», обсуждая некоторые образовательные причины терроризма и ответные меры. После событий 11 сентября Генеральная конференция ЮНЕСКО на своей сессии в октябре 2001 г. в резолюции 31 С/39 заявила, что «нынешние вызовы требуют последовательного и скоординированного ответа со стороны организаций всей системы Организации Объединенных Наций». Она отвергла «связь терроризма с какой-либо конкретной религией, религиозной верой или национальностью» (т.е. призвала не концентрировать внимание только на исламе). Кроме того, она подчеркнула, что ЮНЕСКО вносит свой вклад в ликвидацию терроризма, утверждая «ценности терпимости, универсальности, взаимопонимания, уважения культурного многообразия и содействуя культуре мира» на основе деятельности «в рамках своей компетенции в областях образования, науки, культуры и коммуникации».¹⁵⁶ На Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2003 г. в Париже государства-члены договорились развивать «региональные рамки» в целях содействия обеспечению гуманитарной безопасности путем осуществления «Крупной программы III — Социальные и гуманитарные науки» совместно с участниками нашей конференции в Бишкеке, что будет содействовать региональной азиатско-тихоокеанской концептуализации. В резолюции 47,

---

156 Общие резолюции, резолюция 39 «Призыв к международному сотрудничеству в целях предотвращения и искоренения актов терроризма», Акты Генеральной конференции, 31-я сессия, Париж, протоколы за 2001 г., том 1, Резолюции (Париж, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, 2003 г.), стр. 91.

принятой Генеральной конференцией в 2003 г., подчеркивалось, что «приверженность диалогу между цивилизациями и культурами — это также приверженность борьбе с терроризмом», и указывалось, что «конкретные мероприятия и действия» помогут этому.¹⁵⁷

В 2004 г. ЮНЕСКО сотрудничала в проведении конференции, посвященной «образованию в целях предотвращения экстремизма и терроризма» с участием нескольких представителей Центрально-Азиатских стран.¹⁵⁸ Однако в Центральной Азии ЮНЕСКО осуществляет ограниченную деятельность. В 1994 г. совместно с другими учреждениями ООН она открыла в Алматы субрегиональное отделение, охватывающее сегодня четыре страны: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.¹⁵⁹ Сфера компетенции Центрально-Азиатского бюро ЮНЕСКО охватывает все сферы – образование, социальные и гуманитарные науки, культуру, а также коммуникацию и ин-

---

157 Общие резолюции, резолюция 47 «Новые перспективы деятельности ЮНЕСКО, связанной с диалогом между цивилизациями, включая, в частности, мероприятия по итогам Делийской конференции на уровне министров» (принята 16 октября 2003 г.). Акты Генеральной конференции, 32-я сессия, Париж, 29 сентября–17 октября 2003 г., том 1, Резолюции (Париж, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, 2004 г.), стр. 97–98.

158 Общие резолюции, резолюция 47 «Новые перспективы деятельности ЮНЕСКО, связанной с диалогом между цивилизациями, включая, в частности, мероприятия по итогам Делийской конференции на уровне министров» (принята 16 октября 2003 г.). Акты Генеральной конференции, 32-я сессия, Париж, 29 сентября–17 октября 2003 г., том 1, Резолюции (Париж, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, 2004 г.), стр. 97–98.

159 Более подробно см.: www.unesco.kz. Однако, как это ни странно, Туркменистан входит в сферу деятельности субрегионального кластерного бюро ЮНЕСКО для Центральной и Юго-Западной Азии, находящегося в Тегеране и также отвечающего за Афганистан, Иран и Пакистан. Ниже, я более подробно остановлюсь на вопросе исламских многосторонних отношений, где ведущую роль играет Иран, и на перспективах безопасности в связи с ИСЕСКО.

формацию. Бюро осуществляет ограниченную деятельность по решению проблем гуманитарной безопасности или терроризма, и никто от него не участвовал в заседании Комиссии по гуманитарной безопасности в 2002 г. в Ашгабате (хотя ЮНЕСКО была хорошо представлена на нашей конференции в Бишкеке в 2005 г.). Но ЮНЕСКО содействует региональному диалогу и стратегическому планированию, осуществляемому социологами и разработчиками политики в исследовательских учреждениях, национальных академиях наук и учебных заведениях. Такие обсуждения способствовали разработке Стратегии ЮНЕСКО/Казахстана по социальным и гуманитарным наукам на 2004–2005 гг. Темы обсуждений и установленные приоритеты включали «общую угрозу международного терроризма» и «проникновение идеологического сепаратизма» через образование.¹⁶⁰

Большая сфера деятельности ЮНЕСКО охватывает обсуждение проблемы терроризма и потенциальное противодействие ему, особенно в связи с ее двухлетней стратегией на 2004–2005 гг., включая такие цели Сектора культуры, как «защита культурного разнообразия и содействие плюрализму и диалогу между культурами и цивилизациями» и «создание потенциала для разрешения культурных конфликтов». В стратегии Сектора социальных и гуманитарных наук также отмечается, что «международный порядок после 11 сентября поднимает новую проблему, связанную с гуманитарной безопасностью». Несколько вновь поставленных задач включают: «установление новых институциональных связей между исследовательскими и учебными программами», а также создание «Центрально–Азиатской сети по социальным и гуманитарным наукам».¹⁶¹ Однако это не включает специальные

160 «Центрально–Азиатские социологи впервые собирались в Алматы, чтобы разработать Региональную стратегию социальных наук» (7 мая 2003 г.); и «Стратегию ЮНЕСКО/Казахстана по социальным и гуманитарным наукам» (24 августа 2003 г.); материалы размещены на сайте ЮНЕСКО в Алматы www.unesco.kz.

161 Кластерное бюро ЮНЕСКО в Алматы, UNESCO in Central Asia: Strategies for 2004–2005. Glossy Brochure (Almaty: UNESCO Cluster Office, nd), pp. 19–21.

бюджетные ассигнования или проведение деятельности в области образования в связи с возникновением конфликтов и анализа проблем терроризма или его предупреждения. Учитывая широкий круг вопросов в ведении ЮНЕСКО и ограниченность ее бюджета, задачей Организации является изыскание ресурсов, персонала и наращивание потенциала для целенаправленной деятельности по обеспечению гуманитарной безопасности.

Наконец, еще одной ориентированной на образование нетрадиционной многосторонней организацией безопасности, которую я рассматриваю, является Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО) — специализированное учреждение, созданное в 1980 г. как часть системы учреждений Организации Исламская конференция (ОИК). ИСЕСКО и ЮНЕСКО подписали соглашение о сотрудничестве в 1984 г. Создание самой ОИК было ответом на предполагаемые «опасности» или угрозы религиозной общине («умме») или глобальному исламскому сообществу,¹⁶² в частности в ответ на проблемы, возникающие с конца 1960-х годов в результате израильско-палестинского конфликта. В соответствии с Уставом ИСЕСКО ее цели включают необходимость «укреплять взаимопонимание между мусульманскими народами и содействовать достижению международного мира и безопасности», более широко охватывая при этом вопросы исламской культуры в программы образования. Что касается представлений исламского сообщества о безопасности, то ИСЕСКО призвана также «защищать независимость исламского мировоззрения от вторжения других культур и искажающих факторов и сохранять черты и отличительные особенности исламской цивилизации; (и) защищать исламскую самобытность мусульман в неисламских странах».¹⁶³

---

162 Домашняя страница Организации исламской конференции (ОИК) и «OIC in Brief» (n.d.) Материалы размещены на сайте <http://www.oic-oci.org>.

163 «Objectives,» Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization; материал размещен на сайте <http://www.isesco.org.ma/presentation/index.htm>

Хотя международная штаб-квартира ИСЕСКО находится в Марокко, Иран заявил о своем лидерстве в исламской Азии. Кроме того, частично в ответ на западные теории «столкновения цивилизаций» и реальности, возникшие после «холодной войны», Иран предпринял попытки начать процесс международного диалога с целью смягчения напряженности и предотвращения открытого конфликта. В 1998 г. Иран призвал ГА ООН выступить с новой инициативой, направленной на продвижение «культуры мира» и предотвращение «превосходства, односторонних подходов, конфронтации и исключения».¹⁶⁴ Это привело к объявлению Международного года культуры мира в 2002 г. и Года диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций в 2001 г. В то же время Соединенные Штаты Америки уже давно называют Иран «террористическим государством» и стали делать это еще более решительно после 11 сентября.¹⁶⁵ Однако, даже если США возобновили свое членство в ЮНЕСКО в 2003 г., частично считая это стратегическим элементом своей глобальной антитеррористической стратегии,¹⁶⁶ Америка избегает подходов, основанных на диалоге с теми, кого она называет террористическими государствами. Одной из многосторонних инициатив, выдвинутых Ираном, было создание регионального отделения ИСЕСКО в Тегеране, ответственного за деятельность в 12 странах, включая Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.¹⁶⁷ Проблема гуманитарной безопасности и последствия для образования требуют дальнейшего исследования, но некоторые из них могли бы проводиться в сотрудничестве с другими многосторонними организациями, международными исследователями и региональными заинтересованными сторонами.

---

164 Полный текст выступления Президента Хатами на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1998 г. см. на сайте http://www.salamiran.org/events/UN_GeneralAssembly/speech_khatami_un.htm

165 George W. Bush, 'The President's State of the Union Address', 29 January 2002, Washington DC, White House.

166 White House, «Remarks by Mrs. Bush to UNESCO Plenary Session – Paris» (29 September 2003); материал размещен на сайте <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/09/20030929-6.html>.

167 Более подробно см. на сайте <http://www.isesco-tehran.org>.

Выводы: К новой (альтернативной) многосторонней повестке дня для предотвращения конфликтов?

В заключение следует отметить, что для оценки тенденций необходимо более тщательное изучение Центрально–Азиатских многосторонних институтов. Нам нужно лучше понять, является ли предупреждение насилия одной из главных нормативных ценностей гуманитарной безопасности, как трактуются понятия гуманитарной безопасности (со всех трех точек зрения — развития, личной безопасности и права) и образования, какие подходы к проблеме терроризма применяются в настоящее время и можно ли более эффективно разрабатывать или выдвигать новые инициативы.

Оценки лучше делать в свете конкретных событий (например, недавних событий в Андижане в Узбекистане, которые считаются неудачей в обеспечении гуманитарной безопасности) или тенденций (геополитическая переориентация и конкурирующее размещение войск или осуществление программ подготовки со стороны СНГ/ОДКБ, контролируемых Россией; ШОС, контролируемой Китаем; и НАТО, контролируемой США). Совсем недавно, когда Соединенные Штаты Америки, наконец, призвали расследовать события в Андижане, на своем последнем заседании ШОС поддержала Узбекистан и попросила американцев закрыть свои военно–воздушные базы, хотя такие же базы в Кыргызстане сохраняются до сих пор.¹⁶⁸ Этот шаг ШОС был частично направлен на сдерживание будущего вмешательства Запада под предлогом защиты прав человека или обеспечения гуманитарной безопасности. Поскольку и Россия, и Китай обрели новую силу благодаря ШОС, обе эти страны, порой и сталкиваясь с разногласиями, считают, что их собственные военные, антитеррористические и стратегические цели имеют большее значение, чем американские интересы. В то же время невоенная, ориентированная на обеспечение гуманитарной безопасности,

---

168 'Special Report: Central Asia's Neighbours Close Ranks', *IWPR'S Reporting Central Asia*, No. 396, 15 July 2005; Nick Paton Walsh, 'Uzbekistan kicks US out of key military base: Pentagon given marching orders by Asia strongman', *Guardian Weekly*, 5–11 August 2005, p. 11.

превентивная дипломатия КВНДА, а также стремление к диалогу (особенно в отношении проблем образования и терроризма) представляются менее важным приоритетом по сравнению с озабоченностью этой организации вопросом невмешательства Запада в суверенные дела центральноазиатских государств.

В общем, необходимо проводить большую работу, чтобы лучше понять связь проблем гуманитарной безопасности и образования с важными для региона подходами к терроризму, предусматривающими предотвращение конфликтов. Остаются вопросы относительно того, какую роль должны играть аналитики проблем гуманитарной безопасности и практические деятели в разработке и применении новых моделей и норм. Но чтобы понять нынешние тенденции и проблемы, полезно было бы вспомнить старую истину: «следи за деньгами». В разных многосторонних учреждениях, действующих в этом регионе, доминируют или конкурируют друг с другом различные модели обеспечения военной безопасности и инвестиций, в то время как инициативы по обеспечению гуманитарной безопасности искажаются, отодвигаются на второй план или недостаточно финансируются в процессе борьбы с терроризмом. В качестве иллюстрации хорошим примером может стать примерное сравнение таких осуществляемых НАТО программ, как «Партнерство во имя мира» и всех программ в области образования, подготовки и науки (помимо финансируемых США на двусторонней основе организации ИМЕТ и других учреждений, поддерживаемых НАТО), деятельности ОБСЕ в области образования и/или подготовки, а также выделяемых ЮНЕСКО ассигнований для Центральной Азии. На осуществление программ НАТО в области образования, подготовки и науки ежегодно выделяются десятки миллионов долларов. В отличие от этого, общий объем средств, выделяемых ОБСЕ на деятельность в области образования, составляет лишь небольшую часть этих сумм. В течение последних пяти лет этот объем составил всего 10,4 млн. евро, из которых лишь 2,9 млн. евро предназначались для Центральной Азии, где создание Академии в Бишкеке было главной инициативой. Общая сумма ассигнований по обычному бюджету, выделенная ЮНЕСКО для осуществления деятельности в более 40 странах

Азиатско–Тихоокеанского региона в течение двух лет, составила всего лишь 46 млн. долларов, из которых Сектор социальных наук, который осуществляет программы обеспечения гуманитарной безопасности, получил лишь 2,4 млн. долларов. Бюджет Бюро ЮНЕСКО в Алматы для финансирования деятельности во всей Центральной Азии так же незначителен, а ассигнования на деятельность в области социальных наук несравненно малы, по сравнению с ассигнованиями ОБСЕ или НАТО, в то время как на осуществление конкретной деятельности по обеспечению гуманитарной безопасности обычный бюджет ЮНЕСКО выделяет ничтожные средства, причем подробную картину невозможно составить без более широкого изучения. Однако, за исключением скромных сумм, выделяемых на осуществление своей глобальной деятельности, ЮНЕСКО в основном полагается на неопределенное «внебюджетное финансирование».¹⁶⁹

В ходе дальнейших исследований можно также изучить, каким образом ОБСЕ и, в частности, ЮНЕСКО могут еще больше способствовать деятельности в области невоенного, ненасильственного образования, ориентированного на предотвращение

---

169 Эти общие цифры указывают на то, что в ходе дальнейших исследований может выявиться более полная картина. Однако предварительные источники, необходимые для начала исследования с целью критического сравнения и оценки конкретных программ (включая программы всех многосторонних учреждений, действующих в Центральной Азии) и бюджетов, с точки зрения их влияния на решение проблемы обеспечения гуманитарной безопасности или на результаты этой деятельности, см.: 1) инициативы НАТО в отношении совместных программ в области образования и подготовки (СОП) и науки на сайтах www.act.nato.int/organization/transformation/jetindex.htm и www.nato.int/science, где указывается множество схем финансирования, предоставления стипендий и выделения прямых бюджетных ассигнований на образование, подготовку и научную деятельность (многие из которых затрагивают и Центральную Азию); 2) в отношении ОБСЕ см.: the OSCE Conflict Prevention Centre, 24 November 2004, Op. Cit; и 3) в отношении ЮНЕСКО см.: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Утвержденные программа и бюджет на 2004–2005 гг., 32 С5, (Париж, ЮНЕСКО, 2004 г.), особенно данные на стр. 358, касающиеся самых недавних ассигнований на двухлетний период.

конфликтов и обеспечение гуманитарной безопасности. Другие исследователи уже утверждают, что ООН и ОБСЕ могут содействовать прекращению международного или центрально-азиатского регионального силового соперничества путем более эффективной координации деятельности по укреплению международного доверия и предотвращению конфликтов.¹⁷⁰ Важно отметить, что более широкие исследования положения в Центральной Азии уже указывают на то, что многие конфликты в этом регионе были и остаются «предотвратимыми». Некоторые возлагают вину на политику руководства, в частности на кампании, направленные на ликвидацию некоторых исламских группировок и организаций. Они призывают к более широкому участию международного сообщества в осуществлении реформ, но при этом выражают беспокойство в связи с ограничением возможностей в результате укрепления региональной безопасности военными средствами.¹⁷¹ Другие исследователи утверждали (первоначально после выступлений исламских боевиков в 1999–2000 гг. в Узбекистане и Кыргызстане), что одной из важнейших проблем Центрально-Азиатских государств была «неспособность предвидеть и анализировать возможные и недавние конфликты» и что более эффективная поддержка образования и подготовки в области предупреждения конфликтов могла бы оказаться полезной в сочетании с исследованиями причин возникновения конфликтов в этом регионе, анализом «альтернативных, ненасильственных путей достижения прочного мира» и поддержки деятельности новых НПО и сотрудничества в проведении научных исследований.¹⁷² Однако, говоря о том, каким образом региональные лидеры могли бы содействовать

---

170 Roy Allison, 'Structures and frameworks for security policy cooperation in Central Asia', in Allison and Jonson (eds), *op. cit.*, pp. 219–46.

171 John Schoeberlein, 'Regional introduction: a host of preventable conflicts', in Monique Mekenkamp, Paul van Tongeren and Hans van de Veen (eds), *Searching for Peace in Central and South Asia: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities*, Boulder, Colo., Lynne Rienner Publishers, 2002, pp. 66–75.

172 Цитируется по: p. 76–77 of Anara Tabyshalieva, «The Conflict Prevention Agenda in Central Asia,» in Albrecht Schnabel and David Carment, Eds. *Conflict Prevention: From Rhetoric to Reality: Vol. 1. Organizations and Institutions* (Lanham: Lexington Books, 2004), pp. 61–80.

реализации задач повестки дня в области предотвращения конфликтов, следует отметить все еще сохраняющуюся напряженность между советским (или теперь китайским) стилем авторитарного решения проблем исламских боевиков и новыми подходами к проблеме предотвращения конфликтов.¹⁷³ Аналогичные критические замечания можно сделать в отношении военного подхода НАТО, который подрывает деятельность по достижению целей ЮНЕСКО или ОБСЕ. Тем не менее альтернативные подходы или альтернативные сети по исследованиям и развитию диалога все еще единичны или неустойчивы в Центральной Азии, по сравнению с Северо-Восточной или Юго-Восточной Азией. Вместе с тем в деятельности по обеспечению гуманитарной безопасности¹⁷⁴ уже участвуют многие НПО и многосторонние учреждения и осуществляется определенное сотрудничество в области образования.

Многие исследователи обеспокоены проблемой терроризма и религиозного экстремизма и вместе с тем выражают тревогу относительно упрощенной тенденции ставить знак равенства между Центрально-Азиатским исламом и экстремизмом, зная, что правительства нарушают права человека и религиозные свободы во имя «войны с терроризмом». Некоторые исследователи предлагают для снижения напряженности более эффективно развивать гражданское общество или возможности НПО осуществлять мониторинг и оценку результатов исследований. Это, по словам Табышалиевой, могло бы предусматривать более широкие исследования причин конфликтов и средств раннего

---

173 Для изучения некоторых проблем напряженности см.: Sharam Akharazadeh and Rafis Ahazov, «Status Quo Policy and Conflict Prevention Agenda in Central Asia,» in Albrecht Schnabel and David Carment, Eds. *Conflict Prevention: From Rhetoric to Reality: Vol. 1. Organizations and Institutions* (Lanham: Lexington Books, 2004), pp. 81–101.

174 Следует обратить внимание на различные тематические исследования, а также Указатель центральноазиатских и других организаций в: Monique Mekenkamp, Paul van Tongeren and Hans van de Veen, Eds., *Searching for Peace in Central and South Asia: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities* (Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002), pp. 507–617.

предупреждения, содействие региональному сотрудничеству и оказания более широкой внешней помощи при условии, что это будет способствовать проведению демократических реформ и уважению прав человека. С практической точки зрения, Табышалиева предлагает также, чтобы международное сообщество уделяло больше внимания усилиям, направленным на то, чтобы предотвращение конфликтов стало одним из приоритетов, путем создания коалиции правительственных и неправительственных организаций, исследователей, религиозных и других лидеров.¹⁷⁵ Я с этим согласен и предлагаю осуществлять более активный и стратегический подход, основанный на опыте работы других «альтернативных» организаций и исследовательских учреждений, включая МКГ, другие НПО, а также местных или международных исследователей, в частности, тех, кто взаимодействует с многосторонними институтами.

Более широкое стратегическое многостороннее сотрудничество может, в частности, помочь решить проблемы выработки согласованной политики. ОБСЕ, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ИСЕСКО, АБР–ИОО и КВМДА, особенно среди многосторонних учреждений, осуществляющих свою деятельность в Центральной Азии, могли бы более тесно сотрудничать, чтобы расширить исследовательскую и неправительственную преподавательскую деятельность и укрепить создание потенциала в области предотвращения конфликта. Это могло бы содействовать осуществлению инициатив Организации Объединенных Наций по развитию «Диалога цивилизаций»¹⁷⁶ путем более тесного сотрудничества с ИСЕСКО, а также путем расширения сферы деятельности

---

175 Anara Tabyshalieva, «Policy Recommendations: Some Strategies for Stability,» in Monique Mekenkamp, Paul van Tongeren and Hans van de Veen, Eds., *Searching for Peace in Central and South Asia: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities* (Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002), pp. 76–84.

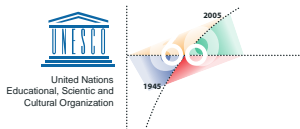
176 Годом диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций был 2001 г., а учреждением, руководившим подготовкой, была ЮНЕСКО. Однако реально подготовкой руководили Иран и мусульманский мир, когда Тегеран совместно с Организацией исламской конференции (ОИК) провел в 1999 г. «Исламский симпозиум по диалогу между цивилизациями».

Сектора социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО в области обеспечения гуманитарной безопасности.¹⁷⁷ Новые начинания могли бы осуществляться в рамках Совета по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско–Тихоокеанском регионе (ССО-АТР), Азиатско–Тихоокеанского совещания за круглым столом и аналогичных нетрадиционных институтов по развитию диалога в отношении проблемы безопасности или осуществляемой ими деятельности¹⁷⁸ с уделением основного внимания проблеме Центрально–Азиатской и гуманитарной безопасности. Это могло бы осуществляться при более тесном стратегическом сотрудничестве, например, с программой НАТО «Партнерство во имя мира» и с ИСЕСКО. Но и новые виды деятельности могли бы концентрироваться на образовании и осуществляться индивидуально или в групповом формате. В ходе тематических исследований, проводимых на основе более тесного сотрудничества и стремления получить практические результаты, можно было бы изучить проблемы образования, терроризма и безопасности, а также взаимосвязи между ними. В заключение я предлагаю продолжать сотрудничество между ОБСЕ и ЮНЕСКО, начало которому было положено в Бишкеке. Новые партнерские связи могли бы расширить региональное сотрудничество в проведении исследований, содействовать образованию и диалогу и в то же время значительно укрепить гуманитарную безопасность в Центральной Азии.

---

177 Первоначально цели были кратко изложены в Утвержденных программе и бюджете на 2004–2005 г. Организации Объединенных Наций по вопросам образования науки и культуры, 32 С5, (Париж, ЮНЕСКО, 2004 г.) стр. 189–190. Средства выделялись Сектору социальных и гуманитарных наук по Крупной программе III. В сентябре 2005 г. свой вклад внесет Международная конференция по гуманитарной безопасности и миру в Центральной Азии, проводимая Академией ОБСЕ/ ЮНЕСКО в Бишкеке.

178 Более подробно о проблемах, институтах и подходах в области предотвращения конфликтов и миротворческой деятельности в более широком «Азиатско–Тихоокеанском» регионе см.: Desmond Ball, «Security Cooperation in Asia Pacific: Official and Unofficial Responses,» in Annelies Heijmans, Nicola Simmonds, and Hans van de Veen, Eds., *Searching for Peace in Asia Pacific: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities* (Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2004), pp. 37–52. В этом издании содержатся также тематические исследования и указатель.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МИР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» БИШКЕК, КЫРГЫЗСТАН 8–9 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.

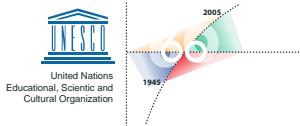
Программа

Среда, 7 сентября 2005 г. 19:00–20:30	Прием в честь участников Кафе «Адмирал»
Четверг, 8 сентября 2005 г.	
08:30–09:00	Регистрация
09:00–09:30	Открытие: Приветственные речи и обращения Г-н Иржи Скуратович , резидент-координатор ООН Посол Маркус Мюллер , глава Центра ОБСЕ в Бишкеке Г-жа Адаш Искендеровна Токтосумова , Исполнительный секретарь Национальной комиссии Кыргызской Республики по делам ЮНЕСКО Г-жа Муфида Гуша , руководитель секции философии и гуманитарных наук ЮНЕСКО
	СЕССИЯ I Обзор исследования этических, нормативных и образовательных рамок для содействия гуманитарной безопасности в Центральной Азии Председательствующий — д-р Тим Эпкенханс
09:30–10:30	Представление исследования д-ром Анарой Табышалиевой , научным сотрудником Института региональных исследований, Бишкек, Кыргызстан
10:30–10:45	Перерыв на кофе
10:45–12:30	Открытая дискуссия
12:30–14:00	Обед

	<p>СЕССИЯ II Концепция гуманитарной безопасности и мира в Центральной Азии Председательствующий – д-р Саед Сикандер Мехди</p>
14:00–15:30	<p>Представление материалов приглашенными экспертами «Гуманитарная безопасность в качестве концептуального, оперативного и оценочного инструмента для Центральной Азии» — д-р Шарбану Таджбахш, директор/профессор Центра по проблемам мира и урегулирования конфликтов, Школа политических наук, Париж, Франция</p> <p>«Образование, терроризм и многосторонний характер отношений в Центральной Азии: проблемы и перспективы обеспечения гуманитарной безопасности» — д-р Уэйн Нелс, директор–управляющий/старший ассоциированный сотрудник, «Ризерч энд консалтинг инк.», Центр глобальных исследований Университета Виктории, Канада</p> <p>«Экономические факторы гуманитарной безопасности в Центральной Азии» — д-р Майкл Холл, директор проекта, Международная группа по кризисам (ICG Central Asia), Таджикистан</p> <p>«Культура, идеология и миростроительство: перспективы гуманитарной безопасности в Центральной Азии» — г-н Джон Хитершоу, Лондонская школа экономики</p> <p>«Социальные последствия трансформации национальных экономик государств Центральной Азии» — д-р Булат Хусаинов, старший научный сотрудник Института экономики Министерства образования и науки, Казахстан</p>
15:30–15:45	Перерыв на кофе
15:45–17:15	Открытая дискуссия
17:15–17:30	<p>Завершение дискуссии в рамках первого дня Конференции Председательствующие сессий I и II</p>

Пятница, 9 сентября 2005 г.	
	<p>СЕССИЯ III Культура, религия и общество: гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии Председательствующий — д-р М. Тавакол</p>
09:00–10:30	<p>Представление материалов приглашенными экспертами «Ислам и гуманитарная безопасность» — д-р Иброхим Усмонов, заместитель Министра культуры Таджикистана «Ислам в Центральной Азии: сегодня и завтра» — д-р Саодат Олимова, директор Исследовательского центра «Шарк», Таджикистан «Исламизм и гуманитарная безопасность в Центральной Азии» — д-р Тим Эпкенханс, директор Академии ОБСЕ, Кыргызстан «Колониальное наследие, политическая социализация и гуманитарная безопасность» — д-р Афтаб Казии, профессор Центрально-Азиатского отделения Американского университета, Бишкек, Кыргызстан «Экономическая интеграция как фактор мира и безопасности в Центральной Азии» — д-р Серик Примбетов, заместитель Генерального секретаря ЕврАзЭС, Казахстан «Университет мира для Центральной Азии и других регионов» — д-р Саед Сикандер Мехди, профессор Университета Карачи, Пакистан</p>
10:30–10:45	Перерыв на кофе
10:45–12:30	Открытая дискуссия
12:30–14:00	Обед

	<p>СЕССИЯ IV Обзор вопросов гуманитарной безопасности в Центральной Азии: сотрудничество в противоположность изоляции Председательствующий — д-р Уэйн Нелс</p>
14:00–15:30	<p>Представление материалов приглашенными экспертами «Война с терроризмом: сферы сотрудничества между Пакистаном и государствами Центральной Азии» — г-жа Асма Шакир Кхаваджа, Исламабадский институт политических исследований, Пакистан «Шелковый путь как исторические рамки для мира и сотрудничества в регионе» — д-р М. Тавакол, Генеральный секретарь Национальной комиссии Ирана по делам ЮНЕСКО «Ситуация в области гуманитарной безопасности в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана» — г-н Бахтияр Ирисметов, директор Института стратегических и межрегиональных исследований, Узбекистан «Проблемы и перспективы сотрудничества в Центральной Азии: укрепление гуманитарной безопасности в регионе» — Е.П. Муратбек Иманалиев, чрезвычайный и полномочный посол, профессор Центрально-Азиатского отделения Американского университета, Кыргызстан «Борьба с наркотрафиком в Центральной Азии: существует ли единая стратегия?» — г-н Чари Атаев, национальный координатор проекта, бюро ООН по наркотикам и преступности, Туркменистан</p>
15:30–15:45	Перерыв на кофе
15:45–16:30	Открытая дискуссия
16:30–17:00	<p>Программа ЮНЕСКО в области гуманитарной безопасности Г-жа Клаудиа Марезиа, SHS/FPH/PHS, ЮНЕСКО</p>
17:00–18:00	<p>Завершение дискуссии и предложения относительно заключительных рекомендаций о содействии гуманитарной безопасности в Центральной Азии Четыре председательствующих и г-жа Анара Табышалиева</p>
18:00–18:15	Заккрытие Международной конференции
19:30–21:30	<p>Прощальный обед Ресторан «Четыре времени года»</p>

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МИР
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»
БИШКЕК, КЫРГЫЗСТАН
8–9 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.**

Список участников

Региональные эксперты

	Имя и фамилия	Должность	Страна
	Г–н Мохаммед Тавакол	Генеральный секретарь Национальной комиссии Ирана по делам ЮНЕСКО	Иран
	Д–р Саед Сикандер Мехди	Профессор факультета международных отношений Университета Карачи	Пакистан
	Д–р Серик Примбетов	Заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества	Казахстан
	Д–р Булат Д. Хусаинов	Старший научный сотрудник Института экономики Министерства образования и науки	Казахстан
	Е.П. Муратбек Иманалиев	Чрезвычайный и полномочный посол, профессор международной политики Центрально–Азиатского отделения Американского университета, Бишкек	Кыргызстан
	Г–н Афтаб Казии	Приглашенный преподаватель Центрально–Азиатского отделения Американского университета, Бишкек	Кыргызстан

	Г-жа Рая Кадырова	Председатель НПО «Фонд в поддержку толерантности»	Кыргызстан
	Г-жа Анара Табышалиева	Научный сотрудник Института региональных исследований, Бишкек	Кыргызстан
	Д-р Тим Эпкенханс	Директор Академии ОБСЕ в Бишкеке	Кыргызстан, Германия
	Г-н Майкл Холл	Директор проекта, Международная группа по кризисам (ICG Central Asia)	Таджикистан
	Г-жа Саодат Олимова	Директор Исследовательского центра «Шарк»	Таджикистан
	Г-н Чари Атаев	Национальный координатор проекта, бюро ООН по наркотикам и преступности (UNODC)	Туркменистан
	Г-н Бахтияр Ирисметов	Директор Института стратегических и межрегиональных исследований	Узбекистан

Другие региональные участники

	Е.П. Умурзак Узбекиков	Посол Республики Казахстан в Кыргызской Республике	Казахстан
	Е.П. Маркус Мюллер	Глава Центра ОБСЕ в Бишкеке	Кыргызстан
	Д-р Иржи Скуратович	Резидент-координатор ООН, Бишкек	Кыргызстан
	Г-н Леманн	Первый секретарь посольства Федеративной Республики Германия	Германия
	Г-н Мохаммад Иса Мосбах	Третий секретарь посольства Исламской Республики Афганистан	Афганистан
	Г-жа Гулюм Акказиева	Первый секретарь Министерства иностранных дел Кыргызской Республики	Кыргызстан
	Г-н Алмаз Идирисов	Третий секретарь Министерства иностранных дел Кыргызской Республики	Кыргызстан

Г–н Каравай Асаналиев	Глава международного отделения Академии Министерства внутренних дел	Кыргызстан
Г–жа Йоджна Пател	Второй секретарь посольства Индии	Индия
Г–жа Рахат Стамова	Старший научный сотрудник Института философии и права Национальной Академии наук	Кыргызстан
Г–жа Хирое Комийа	Консультант по разработке проектов JICA	Япония
Г–жа Айдай Баялиева	Специалист по программе, JICA	Кыргызстан
Г–жа Джамиля Абдрахманова	Директор Ассоциации учителей за демократические преобразования, Бишкек	Кыргызстан
Г–жа Анара Алдашева	Научный сотрудник Института постоянного образования, Бишкек	Кыргызстан
Г–жа Екатерина Паниклова	Специалист по программе ООН	Кыргызстан
Г–жа Раушан Наурызбаева	Директор Фонда развития гражданского общества, Алматы	Казахстан
Г–н Кумар Бекболотов	Координатор программ, IWPR – Кыргызская Республика, Бишкек	Кыргызстан
Г–жа Атыркуль Алишева	Директор Института региональных исследований, Бишкек	Кыргызстан
Г–н Мелс Бекбоев	Начальник Главного штаба Вооруженных сил Кыргызской Республики, первый заместитель Министра обороны, генерал–майор	Кыргызстан
Г–н Эркин Касымбеков	Руководитель страновой группы организации Counter-part International	Кыргызстан

Международные эксперты

	Г–н Уэйн Нелс	Старший научный сотрудник Института исследований устойчивого развития (SDRI)	Канада
	Г–н Бахтиер Бабаев	Гражданские миротворческие операции – DFA Федеральный департамент иностраннных дел Политический отдел IV Гуманитарная безопасность, Берн	Швейцария
	Г–н Джо Хитершоу	Лондонская школа экономики	Соединенное Королевство

Штаб–квартира ЮНЕСКО, Париж

	Г–жа Муфида Гуша	Руководитель секции философии и гуманитарных наук, ЮНЕСКО, Париж	Франция
	Г–жа Клаудиа Марезиа	Специалист по программе секции философии и гуманитарных наук, ЮНЕСКО, Париж	Франция

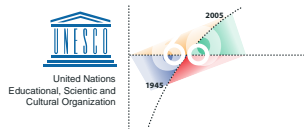
Бюро ЮНЕСКО в Алматы

	Г–жа Лаура М. Кеннеди	Специалист по программе в области философии и гуманитарных наук, Бюро ЮНЕСКО в Алматы	Казахстан
	Г–жа Пас Фернандес Эрреро	Специалист по программе в области социальных и гуманитарных наук, Бюро ЮНЕСКО в Алматы	Казахстан

Национальная комиссия Кыргызстана по делам ЮНЕСКО

	Г–жа Адаш Искендеровна Токтосунова	Исполнительный секретарь, Национальная комиссия Кыргызстана по делам ЮНЕСКО	Кыргызстан
--	---------------------------------------	--	------------

	Г-жа Асель Джакырбекова	Специалист по образованию, Национальная комиссия Кыргызстана по делам ЮНЕСКО	Кыргызстан
--	-------------------------	---	------------

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МИР
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»
БИШКЕК, КЫРГЫЗСТАН
8 – 9 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.**

Резюме выступлений и материалов

Двухдневная конференция по гуманитарной безопасности и миру в Центральной Азии началась с представления г-жой Анарой Табышалиевой (Институт региональных исследований, Кыргызстан) исследования «Этические, нормативные и образовательные рамки для содействия гуманитарной безопасности в Центральной Азии». Исследование г-жи Табышалиевой, в котором нашел всестороннее отражение широкий круг взаимосвязанных вопросов гуманитарной безопасности в Центральной Азии, определило структурное направление дискуссии на протяжении двух дней конференции. Кратко представив концепцию гуманитарной безопасности, г-жа Табышалиева отметила важное значение образования во всех странах Центральной Азии в свете сегодняшней ситуации, характеризующейся ухудшением положения в области начального образования в регионе, о чем свидетельствуют некоторые эмпирические данные. Автор дал оценку вопросу наличия и надежности сегодняшних эмпирических данных и призвал к проведению обзора текущего сбора данных (эту позицию поддержал ряд участников конференции). В своей работе г-жа Табышалиева рассмотрела такие проблемы, как недостаточное политическое участие, экономические преобразования, торговля наркотиками, ВИЧ/СПИД, экологические опасности и вынужденная миграция, представляющие главные угрозы гуманитарной безопасности в Центральной Азии.

Автор в своей работе обратила особое внимание на вопрос обеспечения в регионе гуманитарной безопасности для женщин, призвала к активному привлечению различных обще-

ственных сил и рекомендовала укреплять сотрудничество по вопросам гуманитарной безопасности в Центральной Азии на региональном уровне.

Исследование г-жи Табышалиевой вызвало активную дискуссию, в ходе которой участники конференции выступили в поддержку ее основных тезисов (в отношении образования и сотрудничества), отметив при этом определенные региональные различия.

Во время заседания во второй половине дня д-р Уэйн Нелс (ОИКОС Ризерч энд консалтинг инк., Канада) представил свою работу «Образование, терроризм и многосторонний характер отношений в Центральной Азии». Г-н Нелс рассмотрел вопрос религиозного образования и подчеркнул важную роль многосторонних структур в осуществлении всеобъемлющего подхода к гуманитарной безопасности. В качестве примера г-н Нелс привел механизмы и структуры в Юго-Восточной Азии, которые содействуют региональному сотрудничеству и могут представлять интерес для Центральной Азии.

Г-н Майкл Холл (ICG Central Asia, Кыргызстан) в своей работе «Экономические факторы гуманитарной безопасности в Центральной Азии» особое внимание уделил тяжелейшему положению хлопкоробов в Таджикистане и сложной в плане безопасности ситуации на границе между Афганистаном и Таджикистаном после вывода российских пограничников. Г-н Холл подчеркнул важное значение распространения правовой грамотности в сельских общинах и основополагающей земельной реформы.

Г-н Джон Хитершоу (Лондонская школа экономики) представил работу под названием «Культура, идеология и миростроительство: перспективы гуманитарной безопасности в Центральной Азии», в которой он проанализировал сегодняшнюю ситуацию после гражданской войны в Таджикистане. Автор рассмотрел концепции мира и конфликтов и подходы к ним в условиях постконфликтной ситуации Таджикистана.

Д-р Серик Примбетов (заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества, Казахстан) рассмотрел огромные задачи и проблемы, связанные с экономическими и социальными преобразованиями после распада Советского Союза. Он призвал к укреплению экономической и политической интеграции в Центральной Азии, однако при должном учете экономических особенностей в регионе.

Последовавшая затем дискуссия была посвящена различным вопросам гуманитарной безопасности в Центральной Азии, включая проблемы образования и экономического развития, а также политического участия различных социальных сил. Участники также обосновали идею учета различных культурных факторов при обсуждении проблематики гуманитарной безопасности.

Второй день конференции начался с проведения сессии по теме «Культура, религия и общество: гуманитарная безопасность и мир в Центральной Азии».

Профессор д-р Афтаб Кази (Центрально-Азиатское отделение Американского университета, Кыргызстан) представил работу «Колониальное наследие, политическая социализация и гуманитарная безопасность». Автор отметил, что имеющие идеологическую окраску конфликты могут представляться частью колониального наследия, однако основными средствами урегулирования конфликтов являются политика и международное сотрудничество, и что образование должно служить распространению в обществах таких норм взаимодействия между людьми, которые направлены на предотвращение эскалации конфликтов.

Г-жа Саодат Олимова (Исследовательский центр «Шарк», Таджикистан) в своем докладе «Ислам в Центральной Азии: сегодня и завтра» представила анализ отношения к религиозным вопросам, которого сегодня придерживаются общества Центральной Азии. Она сообщила подробную информацию о религиозных позициях и тенденциях, особенно в Таджи-

кистане, где исламские движения и ориентации оказали свое влияние на гражданскую войну и постконфликтное восстание.

Д-р Тим Эпкенханс (Академия ОБСЕ, Кыргызстан) представил работу «Исламизм и гуманитарная безопасность в Центральной Азии». Он осуществил анализ, посвященный политическим и исламистским группам в Центральной Азии, рассмотрев их деятельность в контексте социального, политического и экономического развития в регионе.

Д-р Булат Хусаинов (Институт экономики, Казахстан) дал сравнительный анализ экономического развития в Центральной Азии. Г-н Хусаинов осветил вопросы экономических преобразований, безработицы, миграции и дальнейшей разработки макроэкономических показателей.

Профессор д-р Саед Сикандер Мехди (Университет Карачи, Пакистан) в своей работе «Университет мира для Центральной Азии и других регионов» призвал к укреплению регионального сотрудничества по вопросам мира, безопасности и образования. Автор подчеркнул, что государствам Центральной Азии грозит круг одинаковых рисков в области гуманитарной безопасности и в связи с этим следует разрабатывать всеобъемлющий региональный подход к этим проблемам.

В ходе последующей дискуссии были рассмотрены вопросы исламизма, образования и отношения населения Центральной Азии к религиозным вопросам. Участники особо подчеркнули, что Центральная Азия всегда была регионом, характеризующимся религиозным разнообразием и толерантностью.

Состоявшаяся во второй половине дня сессия, посвященная теме «Обзор вопросов гуманитарной безопасности в Центральной Азии», началась с доклада «Религиозно-светский диалог в учебных заведениях», который представил г-н Бахтияр Бабаев (консультант министерства иностранных дел Швейцарии, Тад-

жикистан). Г-н Бабаев рассказал о программе образования в области гражданственности для религиозных учащихся на севере Таджикистана и обратил особое внимание на важность взаимопонимания и взаимоуважения.

Д-р Бахтияр Ирисметов (Институт стратегических и межрегиональных исследований, Узбекистан) в своей работе «Ситуация в области гуманитарной безопасности в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана» обратил внимание на то, что для укоренения принципов гуманитарной безопасности в регионе необходимы открытые общества и плюрализм. Г-н Ирисметов настоятельно призвал к укреплению сотрудничества по этим вопросам в регионе.

Профессор д-р Муратбек Иманалиев (Центрально-Азиатское отделение Американского университета) представил работу «Проблемы и перспективы гуманитарной безопасности в Центральной Азии», в которой рассмотрел политические события в регионе и их влияние на гуманитарную безопасность, подвергнув при этом критике недостаточную политическую волю среди лидеров региона.

Г-н Чари Атаев (UNODC, Туркменистан) представил работу «Борьба с наркотрафиком в Центральной Азии: существует ли единая стратегия?» Г-н Атаев рассмотрел вопросы оборота наркотиков с точки зрения его угрозы гуманитарной безопасности, обратив особое внимание на важность сегодняшнего сотрудничества между различными сторонами в деле борьбы с наркотрафиком и подчеркнув значение нынешних совместных усилий, направленных на искоренение транзита наркотиков через Центральную Азию.

В ходе обобщающей дискуссии участники подчеркнули важное значение постоянного диалога по вопросам гуманитарной безопасности в регионе и высказались за проведение на постоянной основе учебно-практических семинаров и конференций с участием различных правительств и представителей гражданского общества в регионе, обратив особое внимание на то, что

большинство связанных с гуманитарной безопасностью вопросов стоит перед всеми государствами Центральной Азии.

Участники высказали критические замечания в связи с недостаточным региональным сотрудничеством по вопросам гуманитарной безопасности.

В ходе заседания, посвященного закрытию конференции, г-жа Табышалиева осуществила обзор рекомендаций, которые она представила в своей работе ранее, а также рекомендаций, представленных участниками в ходе конференции, назвав образование одним из важнейших вопросов гуманитарной безопасности в регионе. Г-жа Табышалиева призвала такие международные организации, как ООН и ОБСЕ, принять участие в дискуссии и оказать содействие этическому и нормативному подходу к гуманитарной безопасности в Центральной Азии.

Все участники призвали к проведению на устойчивой основе межкультурного диалога и постоянной дискуссии, посвященной концепции гуманитарной безопасности, с тем чтобы содействовать ее пониманию в регионе.